Б. Н. Головкин

О чём говорят названия растений

Научно-популярная библиотека школьника

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Действительно, о чем же все-таки говорят названия растений? Почему они названы так, а не иначе? И вообще, откуда взялись их имена? Вопросы эти отнюдь не праздные. Ведь народные местные названия и строго научные латинские или латинизированные, старые, уходящие корнями в глубокую древность, и новые, присвоенные сравнительно недавно, — все они несут интереснейшую информацию, которая позволяет нам лучше узнать удивительный мир растений, научиться разумно использовать и бережно охранять зеленый покров планеты.

Книга рассчитана на массового читателя.

- Борис Николаевич Головкин
  -
  - От автора
  - Вавилонская башня ботаников
  - Ручаемся за древность
  - Загадки прошлого
  - Почему настурция зовется настурцией
  - Яблоки бывают разные
  - Лес из хлебных деревьев
  - В поисках сравнения
  - Названия-гибриды
  - Семейства Зевса и Юпитера
  - Короли и капуста
  - Учителя и ученики, друзья и враги Линнея
  - К неизведанным землям
  - Зеленый пантеон
  - Послесловие
  - Иллюстрации
  -
  -

Борис Николаевич Головкин

О чем говорят названия растений

Б. Н. Головкин

О чём говорят названия растений

МОСКВА АГРОПРОМИЗДАТ 1986

От автора

Идея этой книги возникла случайно, родилась внезапно — во время одного разговора. Шел он о работах известного специалиста по флоре Тянь-Шаня. Мой собеседник, человек в общем далекий от ботаники, с удивлением узнал, что и в наши дни в самых разных районах Земли, в том числе и на Тянь-Шане, открывают новые, неизвестные ранее растения, которые дополняют, и порой довольно существенно, флористические списки, эти своего рода «инвентаризационные книги» зеленого покрова планеты. Но не это больше всего заинтересовало его. «Ну, хорошо, — сказал он мне. — Ботанику повезло: открыл новый вид или даже новый род, описал его, назвал, опубликовал. Можно, значит, считать этого первооткрывателя „крестным отцом“ растения. А вот как происходят сами „крестины“? Откуда берутся названия растений? Может быть, есть какие-нибудь списки рекомендуемых имен и правила их „присвоения“? Или все зависит от фантазии их автора?»

Тогда я кратко ответил ему на эти вопросы. Но многое все-таки оказалось недоговоренным, и естественная неудовлетворенность осталась и у него, и у меня. И я решил написать познавательную книжку, где можно было бы более подробно рассказать о происхождении названий диких и культурных растений. Но на практике все получилось иначе. Те главы, которые посвящены правилам ботанической номенклатуры, по существу своему, формальным, обросли маленькими неформальными открытиями, которые я сделал для самого себя при подготовке книги. Они были вызваны неожиданными параллелями, связями ботаники со смежными ей и нередко довольно далекими от нее отраслями науки, такими, скажем, как география, древняя и новая история, фармакология, этнография, лингвистика. Порой знакомые всем и каждому

сведения о растениях представали совсем в ином свете, приобретали другое значение.

Тому, кто изучает ботанику вдумчиво и пытливо, кто любознателен и постоянно стремится докопаться до сути предметов и явлений, часто приходится сталкиваться с интереснейшими загадками, ответы на которые способны дать очень многое для расширения кругозора. На этом пути каждого ждут свои открытия, потому что внимательный, свежий взгляд распознает истинное, глубинное родство между, казалось бы, совершенно разными понятиями. Ботаническая информация, заключенная в названиях растений, позволяет нам еще полнее осознать безграничную ширь и мощь русского языка, еще острее почувствовать трогательную любовь народа к природе, к деревьям, травам, цветам, везде и всегда служившим человеку, сопровождавшим его по жизни.

В сущности, эта книга мозаична, она вся состоит из фрагментов, примеров. Не удержусь привести один и здесь. Такой вот занимательный случай рассказал студентам на лекции известный советский ученый профессор С. С. Станков. Речь шла об экспедиции двадцатых годов по реке Ветлуге. Уставшие после трудного перехода ботаники под вечер набрели на избушку лесника. Отдохнув и подкрепившись, они принялись за разборку растений, найденных днем. Лесник с интересом наблюдал за гостями, время от времени называя те виды, которые были ему известны. Очередь дошла до красивого и редкого растения, прозванного Венериным башмачком, — изящной лесной орхидеи, чей цветок с крупной желтой губой и более мелкими удлиненными пурпурно-бурыми боковыми лепестками действительно напоминает женскую туфельку (рис. 1). *Cypripedium calceolus* называют его ученые, дважды подчеркивая подобное сходство; родовое Cypripedium происходит от греческого cypripedilum — «башмачок Киприды (Венеры)», а латинское calceolus означает тоже «маленький башмак».

Рис. 1. Орхидея Венерин башмачок.

«Эта трава мне знакома, — уверенно сказал хозяин. — Мы зовем ее драповой галошей». Сама «галоша» не удивила ботаников. Все-таки между башмачком, пусть маленьким, и галошей сходство, как ни говорите, есть. А вот почему «драпова»? «Драпова — значит, очень хорошая, добротная», — объяснил лесник. И все стало на свои места, потому что здесь смысловая связь виделась уже, например, с дорогим в то время и практичным драповым пальто. Драп потерял свое первоначальное значение ткани, материала и превратился в некую меру качества.

А если уж зашла речь о Венерином башмачке, то следует сказать, что это растение имеет еще по меньшей мере два обиходных прозвища: Марьин башмачок и кукушкины сапожки.

Рис. 2. Марьины башмачки.

Народные названия растений сплошь и рядом поражают своей необычностью, меткостью, неожиданными ассоциациями, поэтичностью. Вспомните, например, растение под названием Иван-да-Марья (*Melampyrum nemorosum*). Желтые или красновато-желтые венчики цветка контрастно выделяются на фоне синеватых или лиловатых прицветных листьев. Он и она, Иван и Марья, неразделимые и в то же время такие разные. Символ неразлучности заключен и в других, более ранних, более редких и ныне, по-видимому, исчезнувших местных названиях этого растения: брат и сестра, брат с сестрой, Иоаким и Анна, Адриан и Мария.

А мать-и-мачеха! Теплая на ощупь, мягкая, словно бы ласкающая нижняя поверхность листьев — «мать» противопоставляется у этого растения холодной гладкой и голой верхней стороне — «мачехе». По-английски же оно зовется иначе: Son-before-father, что значит «сын-раньше-отца». Объясняется это, вероятно, еще одной особенностью растения: весной на пригретых солнцем склонах, с которых только-только сошел снег, сначала появляются желтые соцветия-корзинки («сын»), а потом, значительно позже, разворачиваются округло-сердцевидные листья с крупными зубцами по краю («отец»).

У каждого из нас наверняка есть растения, с которыми связаны милые сердцу воспоминания. Я хорошо помню один из ранних майских дней моего детства. Стройные сосновые леса взбегают над Окой на пологие террасы, а одна из них почему-то

называется Турецким валом. Весна в этом году запоздала. Нежаркие лучи весеннего солнца, пронизывая ажурные кроны, еще не успели подсушить землю. Ноги поминутно скользят по прелой мокрой хвое. Подлесок, и летом-то не очень богатый красками, сейчас выглядит хмуровато, только кое-где проглядывают изумрудно-зеленые пятна мха, белые подушки лишайников да перезимовавшие, будто потускневшие под снегом, листья осоки.

Мы с приятелем спускаемся ниже, туда, где за деревьями видны в легкой дымке заливные приокские луга, а дальше — гладь спокойной реки. И вдруг — небольшая поляна, а на ней — куртинка растений в густой седоватой шубе из длинных волосков. Лиловые, слегка напоминающие колокольчики цветки сонно склонились вниз, и среди них один-два, словно очнувшись от дремоты, подняли головы к свету, обнаружив желтые зернышки пыльников в самом центре пятилепестковой звезды. А солнце миллионами искр разбивается в каплях росы, усеявших длинноворсистые стебли и листья. Настоящий хрустальный цветок из сказки, из мечты!

Потом, позднее, я узнал, что его называют сон-травой. Название необычное и немного загадочное, как и само растение. Подумалось, что скорее всего тому, кто первый придумал это имя, бросился в глаза склоненный, словно задремавший цветок.

Однако вот передо мной «Ботанический словарь» Н. И. Анненкова — книга удивительная по своей полноте, составленная чрезвычайно скрупулезно на основе различных литературных и фольклорных источников. В ней описан случай, которому будто бы и обязана своим названием сон-трава. Однажды охотник подглядел, как медведь в лесу выкапывал и лизал корни этого растения. Такое лакомство странным образом подействовало на зверя: он размеренно, без всякой опаски разлегся на земле. Охотник решил сам попробовать это снадобье и тоже полизал корень. Вскоре и его охватил глубокий сон.

В этом рассказе прежде всего бросается в глаза безыскусность и легкая наивность ситуации, свойственная многим легендам. Поэтому первый порыв — отнестись к нему, как к сказке, на худой конец, как к традиционной охотничьей бывальщине. Но тут в дополнение к «Ботаническому словарю» на стол ложатся справочники по фармакогнозии и из них выясняется, что сон-трава, или иначе прострел (*Pulsatilla patens*), обладает седативным действием. А ведь седативные, успокаивающие средства в повышенных дозах — то же снотворное! Правда, подобными свойствами, судя по справочникам, обладает не корень, а трава прострела, но это даже больше соответствует его редкостному

названию — сон-трава, трава из сна-сказки, дремлющая трава, трава-целитель…

Вот такими маленькими открытиями я и хочу поделиться с читателем, тайно надеясь вызвать в нем сходные с моими чувства.

Вавилонская башня ботаников

Всем известен древний миф о том, как люди, стремясь достигнуть неба, вознамерились возвести высочайшую Вавилонскую башню. Они были наказаны необычным, но весьма действенным образом — «смешением языков». Народы перестали понимать друг друга, и Вавилонская башня так и осталась недостроенной.

Легенда легендой, а различие языков, действительно, издавна служило серьезной помехой общению. История, однако, полна примеров, свидетельствующих о постоянных попытках людей преодолеть языковые барьеры, создать понятный всем язык-посредник. Было предложено более двухсот проектов такого рода, а иногда подобные «наречия» возникали стихийно.

Наибольшей известностью пользуется язык эсперанто, основу которого в 1887 году заложил польский врач Людвик Заменгоф. В этом языке, имеющем очень простую грамматику, словарный состав лексически близок многим языкам народов Европы. Еще одним посредником в общении претендует стать интерлингва — язык, созданный из живых латинских корней, бытующих в настоящее время в основных европейских языках.

Создали свой «профессиональный» язык и ботаники, тоже взяв за основу латынь — классический язык науки средневековья, использование которого было в то время непременным условием каждого научного трактата или диспута. Считалось, что четкие и звучные формулировки этого мертвого языка, нейтрального для всех, одновременно явятся и наиболее приемлемыми и понятными ботаникам разных стран. Однако главное здесь было прежде всего в традициях: естествоиспытатели средневековья, как и ранние систематики растений, своими настольными книгами считали классические сочинения древних римских и греческих авторов — Диоскорида, Плиния, Галена. Многие названия

растений, упомянутые в этих фолиантах, перешли в современную номенклатуру.

Итак, латынь — универсальный ботанический язык. На нем составляются диагнозы (описания) новых видов растений, даются им имена. Однако чем ближе знакомишься с ботанической латынью, тем более поражаешься ее несходством с латынью классической. Язык ботаников, особенно в приложении к названиям растений, скорее сродни эсперанто, потому что эти названия, так сказать, латинизированы, сконструированы с помощью латинских приставок, суффиксов, окончаний, то есть с помощью чисто морфологического аппарата. В основе же многих терминов, особенно родовых названий, но также и видовых эпитетов, лежат слова из многоликого «вавилонского смешения языков», которые раскрывают перед нами интереснейшую историю изучения растений.

Прежде всего следует отметить обилие греческих слов и корней. И это вполне объяснимо, поскольку именно древнегреческие трактаты по медицине и лекарственным растениям легли в основу более поздних сочинений римских авторов. Точные описания внешнего вида растений, мест их произрастания и применения позволяли в целом ряде случаев достаточно четко определять многие упомянутые в греческих книгах виды.

Вот некоторые из таких наиболее популярных названий. Широко известна канна — мощное садовое растение с яркими красными или желтыми цветками и темно-зелеными или красноватыми крупными листьями. И на первый взгляд кажется странным происхождение его имени, ведь словом «kanna» древние греки называли… тростник. Современная канна была им не знакома, поскольку появилась в Европе из тропической Америки лишь в самом конце XVI века. Тем более удивительно, что это название не без помощи ботаников перешло с тростника на совершенно другое растение. Однако сходство между канной и тростником все же есть. Это сразу бросающиеся в глаза хорошо развитые влагалища листьев, которые длинной трубкой опоясывают цветоносный стебель. Видимо, это и определило судьбу греческого названия, сохраняющегося за новым растением.

Название «мимоза» произошло от греческого mimos — мим, мимика. Настоящая мимоза (не путать с серебристой акацией, цветы которой так радуют наших женщин в день 8 марта) — нежное тропическое растение, способное складывать свои перистые листья при малейшем прикосновении к ним. При этом словно бы меняется и цвет листьев: вместо ярко-зеленой верхней части они показывают нам свою красноватую нижнюю. Чем не

мим из царства растений?

Чудесные лечебные свойства знаменитого женьшеня были издавна известны не только китайцам, хотя именно оттуда дошли до европейцев сведения о чудесном растении, способном исцелять от многих болезней, прекращать кровотечения, активизировать обмен веществ, снимать усталость и вообще продлевать жизнь. Миссионеры, побывавшие в Китае, донесли сведения о необычных, похожих на фигурку человека, корнях до европейских столиц и тамошних ботаников. Описавший это растение Линней дал ему название «*Panax*» от греческих слов «pan» — все, «ake» — исцелять, то есть средство от всех болезней, панацея. Кстати, Панакеей звали одну из дочерей древнегреческого бога-целителя Асклепия, иначе Эскулапа.

Мирт (*Myrtus*) — невысокое средиземноморское дерево носит свое имя неизменным на протяжении многих столетий. Такое постоянство можно объяснить тем, что во все времена существовали влюбленные. В Древней Греции миртовое дерево было посвящено богине любви — Афродите. Из его ветвей плели венки для новобрачных, а также для победителей спортивных игр. От греков же ботаническая номенклатура унаследовала, например, цикламен (*Cyclamen*) и флокс (*Phlox*). А латинское название едкого стручкового перца (*Capsicum*) обязано греческому kapto, что значит кусать. Похоже, дополнительного разъяснения тут не требуется.

Арабская культура в своем развитии также испытала влияние Греции. Около 900 года новой эры все основные греческие работы по медицине, а следовательно, и по лекарственным растениям были переведены в Багдаде, Каире и Дамаске на арабский язык. Великий ученый Востока Абу Али ибн Сина (Авиценна) в своем «Каноне медицины» свел воедино тогдашние знания о растениях. Его сочинения были учебными пособиями медиков вплоть до XVI века. И неудивительно, что ботаническая латынь испытала на себе заметное влияние арабского языка.

В XI веке в Италии монах Константин Африканский из бенедиктинского монастыря Монте-Касино, прекрасно знавший арабский язык, открыл для европейцев ряд восточных философских и медицинских трактатов.

А век спустя в Толедо (Испания) образовалась целая школа перевода научных трудов с арабского на старо-французский, с которого они впоследствии переводились уже на латынь.

В то же время Геральд Кремонский из Монпелье (Франция) перевел и знаменитый «Канон медицины».

Считается, что из арабского языка пришло к нам слово «алоэ» (*Aloe*), обозначающее многолетние суккулентные растения,

обладающие мясистыми листьями и стеблями и способные переносить длительную засуху. Древним ботаникам не было известно популярное сейчас алоэ древовидное (*Aloe arborescens*), поскольку оно родом из южноафриканских земель, ставших известными европейцам лишь в конце XV века благодаря путешествиям португальского мореплавателя Бартоломеу Диаша. Зато греки, а за ними и арабы выделяли три других вида алоэ: сокотранское, арабское и обыкновенное. Первое их описание встречается еще у Диоскорида (I век нашей эры). Характерным признаком тут служил оттенок сока — от почти бесцветного до красноватого. Сок являлся основным лечебным продуктом, получаемым из алоэ, и носил название сабр. Оно сохранилось в современном его наименовании — сабур. Сгущенный сок-сабур включен в Государственную Фармакопею СССР и применяется как слабительное.

Арабским по происхождению является слово «кофе». Оно ведет родословную от арабского кава — напитка, приготовляемого из семян. Арабы издавна знали это невысокое вечнозеленое дерево или крупный кустарник, дикорастущий в тропиках Африки и на Аравийском полуострове и разводимый сейчас во многих районах мира. Предполагают, что употребление кофе в качестве напитка арабы переняли у жителей Эфиопии, которые использовали для этого не только семена, но и листья кофейного дерева. Первым же европейским ботаником, познакомившимся с кофе, был, по-видимому, Раувольф, путешествовавший в 1573 году по территории современного Ливана. Но как напиток кофе получил известность в Европе значительно позднее: в начале XVII века его впервые стали подавать в знатных домах Венеции.

Тамаринд (*Tamarindus indicus*) — крупное дерево из семейства бобовых с длинными (до 15 сантиметров) плодами, имеющими кисло-сладкую мякоть. Они-то и дали название этому растению: «тамор» по-арабски значит финик, «хинди» — индийский, следовательно, «индийский финик».

Связи с Востоком в ботанической латыни представлены не только арабскими, но и индийскими, персидскими, турецкими, китайскими, японскими корнями.

Сахарум (*Saccharum*) — так по-латыни назван сахарный тростник. Казалось бы, отсюда понятно и наименование получаемого из него продукта. На самом деле все сложнее. Saccharum — это производное от греческого sakcharon. Однако и это еще не конец цепочки. Мы находим в арабском языке слово «sukkur», в персидском «shukkar», в основе же их, видимо, лежит санскритское sarkara.

Впервые о сахаре упоминает древнегреческий историк Геродот, живший за пять веков до новой эры, представляя его как мед, сделанный руками человека, то есть искусственный. О том, что данный продукт добывается из сока сахарного тростника, пишет в своей книге Теофраст, и только Диоскорид первым в Европе применил слово «сахар». Он определяет его так: «Сахар — это вид окаменевшего меда, который получают из тростника в Индии и счастливой Аравии. Сахар очень похож на соль и, как соль, хрустит на зубах». Европейцы же познакомились с сахаром значительно позднее. Скажем, в Венеции он появился примерно в 990 году. Его название было перенесено на растение — «поставщика» этого продукта. Кстати, сахарный тростник в самой Индии по названию совсем не связан с сахаром. На тамильском языке он именуется карумбу, на языке телугу — черуку, на бенгальском — ук, на хинди — уг. Индийские корни несут в себе имена таких известных многим растений, как манго (*Mangifera*), имбирь (*Zingiber*), перец (*Piper*), латинское наименование дурмана — *Datura*. Кто не слышал о душистом сандаловом дереве? Его название — *Santalum* — взято из санскритского языка.

Персидским по происхождению является название жасмин, относящееся к настоящему жасмину (*Jasminum*), а не к садовому чубушнику *Philadelphus*. А из турецкого языка пожаловал к нам тюльпан (*Tulipa*). И русское, и латинское его название связаны со словом «тулибан» — тюрбан, поскольку форма цветков его несколько напоминает этот восточный головной убор. Совсем по-турецки звучит название «баклажан». Сходно зовется этот овощ и по-арабски — бадиншан, и на хинди — баданжан, баинган. И лишь по-латыни его название звучит по-иному — *Solanum melongena*, или буквально паслен дынеродный. Популярный же кустарник для озеленения наших городов — желтую акацию — правильнее величать караганой древовидной, почти без изменения перешедшей в ботаническую латынь (*Caragana arborescens*) из монгольского языка.

Рис. 3. Это тюрбан, а это тюльпан.

Подсчитано, что в русском языке около 350 названий растений так или иначе связаны с тюркскими языками. Они относятся к культурным плодовым, ягодным и орехоплодным (айва, алыча, инжир, кизил, мушмула, хурма, фисташка, фундук), овощным (баклажан, кабак), зерновым и зернобобовым (лобио, нут), техническим (кенаф, кендырь, кок-сагыз, кунжут, хмель). Много имен подобного происхождения мы находим у дикорастущих деревьев и кустарников (арча, ирга, карагач, саксаул, чинара) и травянистых растений (аир, камыш, кермек, сарана, сусак). По степени древности они очень различны. До X века в русском языке имелось не более 4 названий растений, перешедших к нам с Востока. В X–XIII веках к ним добавилось еще 5, в XIV–XV — 12, в XVI — 4, в XVII — 20, в XVIII — 35, в XIX — 49, в нашем столетии — пока 21.

Немало позаимствовали ботаники и из китайского языка. Прежде всего это название известного в комнатном цветоводстве живородящего растения каланхое (*Kalanchoe*). Оно знаменито своеобразными мелкими почками, возникающими по краю листьев. Почки эти могут давать беловатые корешки прямо на растении, а опав на землю, заменяют собой семена и образуют новые взрослые особи.

Особенно интересной представляется история названия «чай». В «Кратком этимологическом словаре» его происхождение объясняется так: заимствовано в XVIII веке из тюркского языка. В свою очередь, тюркское «чай» восходит к северо-китайскому «ча». Из русского оно проникло в другие славянские языки.

Рис. 4. По-китайски «ча», по-русски «чай».

Фактически же история слова «чай» намного сложнее и занимательнее. О нем упоминает арабский купец Сулейман, посетивший Китай в IX веке, однако называет его несколько иначе. «Жители Китая, — повествует он, — привыкли употреблять как напиток вытяжку из растений, называемых сак или сакх (sakh), листья которых ароматны и имеют горький вкус. Этот напиток считают очень полезным. Листья сак продаются во всех городах империи».

Первым из европейцев о чае пишет в 1589 году монах-иезуит Иоанн Маффеус, называя его чиа (chia). Другой монах Луи Ле Комб в своей книге «Новые мемуары о стране Китай», вышедшей в 1696 году, говорит уже о двух названиях: «Китайцы называют его „ча“ (cha), и только на диалекте провинции Фукиен он носит название „тэ“». Для нас это свидетельство Ле Комба очень важно. И вот почему. Примерно в то же время, когда вышла его книга, большой знаток садов Голландии купец Якоб Брейн упоминает о некоем «новоселе» ботанического сада Амстердама — китайском кустарнике тэ. Это начало знакомства европейцев с будущим популярным растением и напитком из него. Можно с уверенностью утверждать, что первый чайный куст в Европе (вспомните Ле Комба!) происходит из южной части Китая. Оттуда же пришло в Европу и его название, осевшее во многих языках. Легко найти соответствие южнокитайскому «тэ» в английском «ти» (tea), французском «the», немецком «Tee», итальянском «te». Нашло оно отражение и в ботанической латыни: научное наименование чайного куста Thea sinensis — тэ китайский.

А вот северокитайское «ча» дало основу русскому названию

«чай» как для растения, так и для получаемого из него продукта. Это позволяет предположить, что и первый чай, доставленный в середине XVII века в качестве подарка к царскому двору, был выращен тоже в северном Китае.

Наиболее известные заимствования из японского языка следующие. У любителей комнатных растений большим вниманием пользуется неприхотливое вечнозеленое деревце аукуба (*Aucuba japonica*). Некоторые ее формы имеют листья с разнообразными белыми и кремовыми точками, мраморными разводами, за что это растение называют еще золотым или колбасным деревом (а почему — мы расскажем позже). По-японски оно именуется аокоба или аокиба (в переводе — зеленое, вечнозеленое). Другой пример, *Diospyros kaki* — такое латинское название дал Линней-младший японской хурме, использовав ее местное имя «каки-но-ки». Наконец, казалось бы, совсем по-японски звучит название «гинкго двулопастное» (*Ginkgo biloba*). А между тем это дерево не японское, поскольку в диком виде растет в восточном Китае, вблизи устья реки Янцзы и сохранилось там, по-видимому, с третичного периода. В культуре же гинкго довольно широко распространено в городах благодаря своей декоративности, долговечности и неприхотливости. В Китае, Корее, Японии гинкго издавна считалось священным деревом. А назвали его по плодам: «гин» на японском значит серебро, серебряный; «кио» — абрикос (рис. 5).

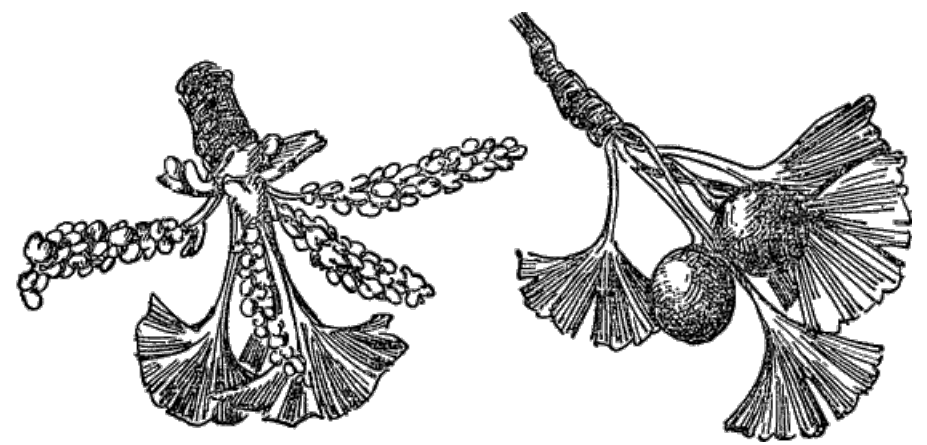


Рис. 5. Гинкго двулопастное — «серебряный абрикос».

Теперь о корнях европейского происхождения в ботанической латыни. Вряд ли есть необходимость подробно описывать цветок нарцисса — он знаком, наверное, каждому. Хотелось бы только обратить внимание на одну деталь. Околоцветник нарцисса

снабжен более или менее развитой трубкой, которая придаст ему особую привлекательность. Трубка эта, или привенчик, служит систематическим признаком для разграничения некоторых видов растения, в частности нарцисса тацетта (*Narcissus tazetta*). Форму и величину привенчика здесь определяет его латинское название. Тацетта (tazetta) переводится с итальянского как маленькая чашечка.

Высокогорье избрало местом жительства приземистое растение из семейства первоцветных — сольданелла (*Soldanella*). Его лиловатые, бахромчатые по краю колокольчики цветков ранней весной пробивают ледяную корку и первыми приветствуют яркое солнце. Но вот снег тает и под ним обнаруживаются собранные в розетку мелкие темно-зеленые перезимовавшие листья. Они похожи на маленькие блестящие монетки. Сольдо — мелкая итальянская монета, отсюда и звучное имя растения.

Белладонна — прекрасная дама — так в глубокой древности назвали это растение из семейства пасленовых венецианцы, точнее венецианские женщины, которые употребляли водный его настой для расширения зрачков, считая, что это придает им особую прелесть. Тем же объясняется и русское название белладонны — красавка. Сейчас это растение, именуемое *Atropa belladonna*, служит основным источником лечебного, но исключительно ядовитого алкалоида атропина.

Кому не знакома ваниль — ароматнейшее вещество, очень популярное среди кулинаров. Ваниль как пряность появилась в Европе в начале XVI века. Привезли ее из тропиков Америки испанцы. До них коренные жители Мексики ацтеки применяли ваниль для ароматизации шоколада. И название этому растению тоже дали испанцы. Они назвали его vainilla, что значит «стручок», потому что в кулинарии, медицине, косметике употреблялись сухие плоды («стручки») этой орхидеи. Вот и появилась *Vanilla planifolia* — ваниль плосколистная.

Европейцы нередко вместе с заморскими растениями привозили и их заморские имена, которые потом закреплялись в ботанической латыни. Так было с уроженцами Бразилии ананасом и петунией (от местного petun), с гвианским каучуконосным деревом гевеей. А вот воспетое А. С. Пушкиным «древо яда» и его латинское название родом с далекой Явы. Помните?

Яд каплет сквозь его кору
К полудню, растопясь от зною,
И застывает ввечеру

Густой прозрачною смолою…

И хотя ядовитость этого растения сильно преувеличена, невольно в воображении возникает величественный образ анчара (*Antiaris toxicaria*), который «как грозный часовой, стоит — один во всей вселенной»…

Ботаническая латынь — язык мертвый, в значительной степени искусственный. Живые же языки, как в зеркале, отражают многовековую историю, культуру, быт, характер народа. Это в высшей степени справедливо для образного, великого и могучего русского языка и, конечно же, в русских названиях растений мы находим общее прежде всего с другими славянскими языками. Тут немало интересных и поучительных примеров. Скажем, сходным образом звучит лопух по-русски, по-болгарски, по-словенски, по-чешски, по-польски.

Другой большой группой в русском языке будут названия, имеющие, как мы уже отчасти отмечали, корни в курдских и тюркских языках. Например, груша созвучна курдскому kureši, арбуз — татарскому «карбуз» и персидскому «харбуза», что значит дыня, кабачок — тюркскому «кабак» («кавак») — тыква. Кавун звучит одинаково на украинском и турецком языках, только по-украински он обозначает арбуз, а по-турецки — дыню. Русское «ревень» очень близко турецкому ravent и персидскому ravend.

Греческое «сфеклэ» отчетливо прослушивается в основе нашей свеклы. Давние связи Киевской Руси с Византией отразились в ряде утвердившихся в русском языке греческих названий растений, многие из которых, в свою очередь, берут начало в их старых латинских наименованиях. Такова, по-видимому, черешня, которая в старину звалась чересня. Сравните ее с греческим kerasos — видоизменением латинского Cerasus, применявшегося в древности сразу для обозначения черешни и вишни.

Огурец имеет много фонетических «родственников» в разных языках. Но первоначальный корень этого слова, как предполагают, надо искать в среднегреческом, где agouros происходит от aoros — неспелый, несозревший. И в самом деле, плоды его идут на стол незрелыми, а спелые желтые огурцы годятся лишь на семена.

Длинные цепочки слов уводят нас на запад, через Польшу в Германию, Францию, Англию давних лет. Например, наш «клевер» точно соответствует нижненемецкому klewer и очень напоминает английское clover. Это слово появилось у нас сравнительно недавно; собственно же русское имя того же

растения — дятлина, кашка. «Салат» лингвисты производят от французского salade, которое, в свою очередь, родственно итальянскому salata — соление (соленая зелень).

Сходные корни — и в прямом, и в переносном смысле — имеют редис и редька. Оба они в своей основе близки латинскому слову radix — корень, и это понятно: ведь у них запасающими органами (корнеплодами) является разросшаяся мясистая подземная часть. Только название редис, возможно, пришло к нам через французский язык (radis), а редька — через немецкий (redik или rettich). Арабское zaferan превратилось во французском и немецком в safran, а затем в польском в szafran, прежде чем приблизительно в XVII веке стало русским шафраном.

Сходство наименований одних и тех же растений в разных языках можно объяснить еще и тем, что в основу их местных названий легла ботаническая или медицинская латынь — язык фармацевтов средневековья. У лингвистов существует для этого определенный термин — семантическая калька, то есть буквальный смысловой перевод слова или словосочетания. Так, в известном однолетнике пастушья сумка (по-английски shepherd's purse, по-французски bourse à pasteur), как сквозь кальку, просматривается латинское видовое имя *bursa pastoris* — сумка пастуха. Интересны совпадения различных названий мокрицы (*Stellaria media*). Этот мелкий и надоедливый сорняк с небольшими белыми звездчатыми цветками англичане зовут chickweed — куриный сорняк, французы herbe à l'oisseau — птичья трава, немцы — Vogelmiere — птичья звездчатка. Заметьте, что все они связаны с птицами так же, как и средневековое латинское morsus gallinae — петушья трава. А покоится эта языковая пирамида на давнем и традиционном применении мокрицы. Она у многих народов служила зимой одной из немногочисленных зеленых подкормок для домашней птицы.

Вот сколь разнообразный языковый багаж использовали ботаники при создании своего профессионального языка — ботанической латыни. Впрочем, такой ли уж он профессиональный, знакомый лишь специалистам, каким кажется на первый взгляд? Вспомните, что почти каждый из нас, иногда сам того не осознавая, часто употребляет научную латынь. Только эта латынь несколько видоизменена, приспособлена для повседневного обихода: люпин, нарцисс, гиацинт, ваниль, лилия, фиалка, акация и даже… ромашка, о которой мы расскажем в следующей главе.

Именно поэтому не стоит удивляться обилию латыни на страницах этой книги. Универсальный ботанический язык, язык-посредник поможет нам поближе познакомиться с нашими

зелеными друзьями, научиться понимать и беречь поразительно многообразный, удивительный мир растений.

Ручаемся за древность

Тот, кто интересуется, как возникают названия растений, многое может почерпнуть в этимологических словарях. Однако этимология — наука, изучающая происхождение слов, — свидетельствует, что далеко не всегда удается проследить их историю подробно и последовательно. В первую очередь это касается слов древних, исконных, которые не были заимствованы, а издавна бытовали в народном языке.

Таковы, например, общеславянские названия: ель, крапива, клюква, морковь, сосна, хрен, ясень, осина. Сегодня мы можем только догадываться, с чем связано их образование. И, конечно, большинство из них не оставались неизменными за свою долгую историю. Так, для крапивы известно более раннее «коприва», для моркови — «мърка», «морква», ясень еще не так давно был женского, а не мужского, как сейчас, рода. А вот, например, слово «хрен» не претерпело изменений с XIV века, в чем убеждают письменные источники того времени.

Лингвисты знают довольно много славянских названий, чьи корни аналогичны имеющимся в балтийских языках. Скажем, овес, просо, клен. Часть названий растений считается общеславянскими индоевропейского характера, к примеру, лен, дуб, яблоко. И у той, и у другой групп этимология не совсем ясна, а это косвенно свидетельствует об их относительной древности.

Изучая историю имен растений, мы нередко в пластах словообразований открываем старославянские слова, уже давно исчезнувшие из нашего обихода. И это помогает понять не только как появилось данное название, но и почему это произошло.

Всем известно слово «смрад» — сильный, порой очень неприятный запах. В древности существовало аналогичное «смородъ», от которого пошли черная, красная, золотистая, белая и другие смородины. Понятно, что тут отправной точкой

послужил резкий характерный запах, свойственный ягодам и листьям многих видов этих кустарников.

А вот славянское «порть» или «пороть», что значит крыло, сейчас полностью исчезло из живой речи, но остались производные от него: парить и … папоротник. И ведь действительно листья папоротников очень напоминают покрытые перьями крылья каких-то крупных птиц! Недаром один из самых могучих папоротников средней России зовется орляком. Правда, это название, видимо, является «обрусевшим» переводом его латинского имени (pteris — по-гречески крыло, aquila — по-латыни орел) — орлиное крыло (*Pteridium aquilinum*).

Точно так же не сохранилось слово «полети» — гореть, хотя всем известен, например, произошедший от него глагол «спалить». От него лингвисты производят и название «полынь». Кто знаком с резким, словно отдающим гарью, специфическим запахом этого растения и его едким, горьким, вызывающим целый пожар во рту вкусом, тот, разумеется, поймет причину подобного словообразования. Потеряли мы и слово «лоп» — лист, от которого произошло название «лопух» и вполне современный технический термин «лопасть».

Если вам приходилось бродить по болоту, прибрежным зарослям, заливному лугу, то наверняка вспомните порезы и царапины от острых, как маленькие лезвия, листьев осок. Под сильной лупой их края и вовсе выглядят словно полотно тщательно отточенной мелкозубчатой пилы. Да к тому же покровные ткани листьев несут твердые кристаллы кремнезема, которые действуют наподобие абразивной наждачной шкурки. Вот и название осоки представляет собой дальний отголосок славянского «осечи» — обрезать. Видно, нашим предкам крепко досаждала эта трава!

В XVIII веке в русском языке появилось слово «хлопчатый» — определение для изделий из хлопка. Предполагают, что в основе его лежит славянское «хлъп» — клок, то есть оборванная часть чего-то, в данном случае пучка волосков, выросших на семенах хлопчатника.

Ветла и вишня… Первое название этимологи производят от древнерусского «веть» — ветка (вспомните длинные плакучие ветви этого дерева), второе — от «висьна» или «висна», что значит обвислые от тяжести цветков или плодов ветки, какими они и бывают в урожайные годы.

Только в «Толковом» словаре В. И. Даля, наверное, найдешь сегодня слова «ляда», «лядина», то есть «пустошь, заросли трав на низкой плохой почве». А вот производное от них «лядвенец» — название распластанного по земле низкорослого мелколистного

бобового растения с ярко-желтыми цветками — знакомо многим.

Шутливое выражение «при царе Горохе» отсылает нас в незапамятные времена. А ведь слово горох и в самом деле пришло в наш язык очень давно. Его видоизменение «горх» родственно древнеиндийскому garsati, что значит «трёт». И здесь уместно вспомнить, что горох в старину использовали преимущественно в тертом и толченом виде. Из этой муки, например, пекли гороховые лепешки.

Язык — динамическая, очень гибкая система, которую невозможно представить застывшей, неизменной. Бывает, что слова, казалось бы, безвозвратно утраченные, вышедшие из употребления и оставшиеся лишь в справочниках и словарях, возрождаются и вновь утверждаются в речевом обиходе. А уж следы старых слов почти всегда остаются. В русском языке существует много слов, относящихся к тому периоду, когда человек был теснее связан с природой, когда описания окружавших его предметов и явлений были точнее, полнее, если хотите, острее, сочнее, чем сейчас. И поневоле становится грустно, когда встречаешься с такими забытыми словами…

В письменных памятниках начиная с XVI веха мы находим слово «губы» — не те губы, которые составляют часть лица, а тип … грибов. Вообще среди этих лесных даров различали две большие группы: те, которые сушили (белые, подосиновики, подберезовики), и считали собственно грибами, а вот идущие на солку и жарку (грузди, рыжики, волнушки, сыроежки) называли «губы», что, кстати, сохранилось и поныне во многих славянских языках. Губы же, в свою очередь, делили на отварухи, мочухи и солонухи, то есть по виду принятой их переработки.

На деревьях, пнях, на поваленных стволах мы часто встречаем плодовые тела грибов, объединяемых, несмотря на довольно большое разнообразие форм, общим названием — трутовики. На березе они свои — белые, мясистые; на сосне тоже свои — желтовато-красные. Одни плотно облегают ствол, у других заметна мясистая «ножка». Эти несъедобные грибы находили тем не менее важное хозяйственное применение, по которому их собственно и «окрестили». Трутовик имеет общий корень со словом «трут», а его значение «Словарь русского языка» объясняет так: «фитиль или высушенный гриб, зажигающийся от искры при высекании огня». Казалось бы, чего проще: ударил кресалом о кремень, высек искру, затлелся сухой трутовик, можно раздувать огонь. Однако даже воздушно-сухой гриб загорается с большим трудом. Чтобы трутовик оправдал свое название, превратился в настоящий трут, нужно знать особый рецепт его обработки. Вспомним документальную повесть В. Пескова

«Таежный тупик», где рассказывается о заброшенной по воле судьбы глубоко в тайгу семье Лыковых. Почти первобытный уклад жизни вынудил их быть изобретательными во всем, включая и добывание огня. Героиня повести Анфиса поделилась с автором технологией приготовления трута: «Гриб надо варить с утра до полночи в воде, а потом высушить». Вот, оказывается, когда трутовик действительно готов превратиться в трут!

Ручаясь в этой главе за древность приводимых имен растений, заметим, однако, что и древность древности рознь. Например, известный специалист В. А. Меркулова выделяет три основных периода их формирования. Первый, самый ранний (протославянский или архаический), который закончился к VIII веку нашей эры, дал около одной четверти всех нынешних названий, в том числе и такие, как черемша, пырей, малина, осот, папоротник, гриб и другие. Второй период — восточнославянский — приходится на VIII–XIV века. На этом этапе появляются разнообразные названия, характерные для ряда русских говоров, например, новгородского, вологодского, олонецкого. Скажем, тогда же, кроме общего понятия «грибы», возникли более частные — подосиновики, подберезовики, грузди, белянки. Вместе с тем начинает ощущаться и влияние других языков (на севере — финского, на юге и юго-востоке — тюркских). Третий период, который продолжается и сегодня, отличается от более ранних тем, что на русские говоры все возрастающее влияние оказывает русский литературный язык. Все чаще народными названиями становятся переводы-кальки названий научных, которые включены в травники, лечебники, а затем и в научную и научно-популярную литературу более позднего времени. Именно в данный период наблюдается резкое увеличение заимствований из других языков.

Сходную периодизацию, видимо, можно провести для народных названий растений и в других языках. И там наиболее древними будут исконные, местные, не являющиеся калькой или иноязычными заимствованиями. Для примера упомянем о некоторых из таких древних растительных имен.

Наперстянка (*Digitalis*) — на английском «Fox glove» и переводится буквально как лисья перчатка. Казалось бы, подобно и русскому названию оно непосредственно связано с латинским digitus, что значит палец. На самом деле этимология его совсем иная. Glove считается видоизменением слова glew — названия старинного музыкального инструмента. Выходит, получается что-то вроде «лисьей музыки». Во всяком случае такой перевод уже указывает на относительную древность английского наименования наперстянки.

Название «лилия» (*Lilium*) пришло в современность из Древней Греции. Между тем в античные времена грекам были известны по меньшей мере две лилии и для каждой имелось свое имя. Собственно лилией — leirion называлась молочно-белая (*L. candidum*). Согласно преданию, она возникла из капель молока Геры — супруги владыки богов Зевса. Видовое название *candidum* — белая этой лилии дал древнеримский поэт Вергилий. Вторая лилия — халкидонская (*L. chalcedonicum*) — более мелкая, с чалмовидными мандариново-красными цветками, названа в честь Халкиды — самого крупного города греческого острова Эвбея. Древнее же ее обозначение — krinon — хорошо известно и сейчас, но только в ином приложении. Любители комнатного цветоводства нередко разводят на подоконниках кринум (*Crinum*) — красивое луковичное растение из семейства амариллисовых с колокольчатыми белыми или розовыми цветками, собранными в кистевидное соцветие на длинной стрелке. Древние греки не знали его: род кринум распространен в тропиках Старого и Нового Света. Однако как раз это растение волей систематиков стало наследником древнего названия халкидонской лилии.

Сохранились до наших дней и многие названия растений времен античного Рима. Вот некоторые из них: *Portulaca* — портулак, *Ficus* — инжир (*F. carica*), *Salix* — ива, *Solanum* — паслен. Интересный материал дают нам имена некоторых знатных римских деятелей. Например, имя Цицерон несет в себе название применяемого в пищу бобового растения нут (*Cicer arietinum*), Фабий — название бобов *Faba*. По-русски это выглядело, примерно, как фамилии Нутов и Бобин. Так или иначе мы получаем еще одно доказательство, что латинские названия бобов и нута весьма давние.

До сих пор в основном говорилось о сохранившихся названиях. И в то же время нет-нет да и появляются уже исчезнувшие, так сказать, ископаемые имена растений. Кто слыхал, положим, о гороховнике? Между тем это было одним из самых популярных в XVIII веке названий для караганы древовидной (*Caragana arborescens*), широко известной теперь как желтая акация (она же чепыжник, чилижник и др.). В описании заложенного в 1718 году Петром I столичного Летнего сада говорится, что дорожки там были обсажены сибирским гороховником и зеленицей — так звался тогда тисс ягодный (*Taxus baceata*).

О некоторых древних названиях мы узнаем косвенным путем. Тот, кого в детстве потчевали касторкой — касторовым маслом, вряд ли забыл его вкус и запах; масло это получают из семян

клещевины (*Ricinus communis*) — травянистого растения из семейства молочайных (рис. 6). Словари дают следующее пояснение к слову «касторка»: «Образовано с помощью суффикса — ка на базе сочетаний „касторовое масло“, представляющего собой точный перевод английского castor oil». Как будто все ясно? Нет, отнюдь не все. На самом деле история данного названия выходит далеко за пределы Англии. Касторовое масло было известно еще древним египтянам. Они применяли его для составления мазей, заправляли им светильники. До XVI века включительно в Европу привозили его с Востока. Затем почти на два столетия оно вышло из употребления, и лишь во второй половине XVIII века испанцы начали доставлять его из Вест-Индии, где клещевина возделывалась под испанским названием Agno casto. Соответственно и масло получило имя oleum castum, которое со временем превратилось в касторовое масло или просто в касторку.

Рис. 6. Клещевина — растение, дающее касторовое масло.

А вот другой пример подобного рода. Популярная ромашка — казалось бы, что может быть обычнее этого названия. Наверное, оно и существует в нашем языке с незапамятных времен. Однако тщетно разыскивать его в старинных русских рукописных травниках и старопечатных книгах. Видимо, впервые употребил его в своих сочинениях в конце XVIII века известный русский ученый-агроном А. Т. Болотов. А что же было раньше?

Разгадку появления интересующего нас слова дают средневековые лечебники и травники первой половины XVI века, в которых описываются многие отечественные растения под их латинскими названиями, позаимствованными из аналогичных сочинений западных авторов. Здесь встречается упоминание об Anthemis romana — пупавке (или антемисе) римской, ныне именуемой *A. nobilis* — пупавка благородная. В русском обиходе первое название, применявшееся к различным травам (нивянику, пупавке, собственно ромашке), постепенно превратилось в «романову траву», затем в роману или раману и, наконец, в популярную русскую ромашку.

Точно так же забылась старая аптечная латынь для многих происшедших от нее простонародных русских названий. Мало кто заподозрит что-то латинское в распространенном названии гравилат. А между тем раньше его тоже не существовало. Было другое — гвоздичное зелье, гвоздичный корень. Оно применялось к одному из видов этого рода — гравилату городскому (*Geum urbanum*), чьи корни, имевшие приятный запах, широко применялись для ароматизации различных лекарств. Провизоры называли их «кариофиллята» или «кариофиллата» (radix caryophyllatae), по созвучию с caryophyllus — гвоздика. Постепенно кариофиллата «обрусела» и превратилась в нынешний гравилат.

Аналогичные примеры можно найти в других языках. Герань Роберта (*Geranium robertianum*) — пожалуй, единственная европейская герань с перисторассеченными листьями — хорошо известна систематикам. Но наверняка не каждый из них ответит, кто такой Роберт, в честь которого названо это растение. Разгадка же уходит своими корнями в средневековье. Она открывается в старом латинском названии herba sancti Ruperti — трава святого Руперта. Это имя имело в разных языках вариантное Роберт, которое и перешло в ботаническую латынь. То же самое случилось со зверобоем. Его английское название St. John’s wort — трава святого Джона — представляет собой буквальный перевод средневекового выражения herba sancti Ioannis — трава святого Иоанна.

Раньше уже говорилось, что в именах растений часто имеются указания на их применение. Среди них встречаются и довольно любопытные. Например, название «травеничная трава» звучит несколько странно, что-то вроде «масляного масла». Но все становится на свои места, когда читаешь описание этого растения — красоднева желтого (*Hemerocallis flava*), — принадлежащее известному натуралисту и путешественнику XVIII века академику И. Г. Гмелину. Оказывается, узкие, длинные и гибкие листья

красоднева издавна употреблялись для плетения циновок и ковриков, так называемых травеников. Отсюда и появилась несуразная, на первый взгляд, травеничная трава.

А в заключение этой главы приглашаем вас в Новгород XVI века, или, как его называли в старину, Господин Великий Новгород. Этот торговый и ремесленный город издавна славился и своими плодовыми садами, огородами, угодьями, и мы, познакомившись с тем, что растет, цветет и плодоносит на усадьбах вокруг добротно срубленных изб, узнаем не только ассортимент растений, но бытовавшие в то время их названия.

«Постойте, — прервет автора читатель. — Такого рода фантастическое путешествие должно основываться на каких-то исторических данных. Где они?» А вот где. Заглянем в «Домострой» — памятник русской литературы XVI века. Он написан в форме наставлений рачительному хозяину и дает много советов по организации быта, взаимоотношений в семье и обществе, рациональному ведению хозяйства. Основу «Домостроя», как считают исследователи, составляют сведения об укладе именно новгородских жителей. Книга откроет нам немало интересных фактов.

Начнем мы, пожалуй, с осмотра подвалов и ледников, где хранятся продукты поля, сада и огорода. Сначала о соленьях. Осенью необходимо «капусту солити, а свекольный росол ставит, а огурцы солит же». В наставлении ключнику о запасах сказано также: «в подвале надлежит, чтобы огурцы и сливы и лимоны в росоле же были». Удивляют здесь прежде всего сами лимоны, затем то, что их солят, и, наконец, их количество, достаточное для солки впрок. Естественно, лимоны и упоминаемый тут же «мушкат» — мускатный орех — привезены издалека, а отнюдь не являются плодами новгородского сада. А свое, домашнее, здесь вот что: «у мужа в год все припасено, и ржи, и пшеницы, и овса, и гречи, и толокна, и всякие припасы, и ячмени, солоду, гороху, и конопли, и мак, и пшено, и хмель».

Кое-что мы можем почерпнуть, познакомившись с ассортиментом блюд, которые должна уметь готовить домовитая жена. Например, в постные дни она делает «пироги с начинкою: с кашею или с горохом, или с соком (соком в то время называлось всякое жидкое варево), или репа, или грибы, или рыжики, или капуста».

А в другом месте: «пироги с блинцы, и с грибы, и с рыжики, и с груздями, и с маком, и с кашею, и с репою, и с капустою». Необычное на первый взгляд противопоставление грибы и рыжики, грибы и грузди нам уже понятно. Грибы, как мы знаем, нечто «благородное» — белые, подберезовики, подосиновики.

Грузди и рыжики — не грибы, а губы. Появляются на столе «ретка (редька), хрен, капуста, росол ставленой и иные земленые плоды», дыни, стручье, морковь, свежие огурцы и другая зелень. А на десерт «брусничная вода, и вишни в патоке, и малиновый морс, и всяки сласти; и яблоки, и груши в квасу и в патоке». Конечно, «Домострой» — не поваренная книга, и на самом деле меню наших предков, конечно, было разнообразнее, но и это беглое перечисление блюд позволяет нам составить представление о растениях, которые употребляли в пищу.

Вот теперь можно наведаться в сад и огород, вернее, обратиться к главе «Огород и сад как водить». Она полна различных практических советов, которые мы сегодня назвали бы агротехническими, и среди них такой: «А возле тына, около всего огорода, борщу сеют, — где кропива растет, — и с весны его варят про себя много». И еще: «И до осени борщ режути, сушит, ино всегда пригодится и в год, и в даль» (то есть и в дальнейшем). Что ж это за борщ, который надо сеять? Это не свекла, не морковь и не капуста — основные компоненты одноименного блюда, потому что и то, и другое, и третье тут же упоминается отдельно. Остается последний вариант: имеется в виду борщевик или иначе борщевник, старинный ранний овощ, кстати, встречающийся дико в средней полосе России. Становится понятным также его соседство с крапивой — ведь она тоже дает листья для весенних щей.

Рис. 7. А возле тына борщу сеют…

Вот мы и познакомились с основными растениями, которые выращивали наши предки более четырех столетий назад. А ручательством за их древность служит известный с давних времен «почтенный» «Домострой».

Загадки прошлого

Для начала откроем знаменитую «Илиаду», ее четырнадцатую песнь, где описана встреча Зевса с Герой на критской горе Ида:

> …Быстро под ними земля возрастила цветущие травы,
> Лотос росистый, шафран и цветы гиакинфы густые,
> Гибкие, кои богов от земли высоко поднимали.

В этих строках для ботаника таятся сразу три загадки. Первая касается лотоса. Откуда на горе взялось это водное растение, которое на Крите вовсе не встречается? Самое близкое современное его местонахождение — в дельте Волги и на южном побережье Каспия. Вторая — о цветах гиакинфы. Расшифровать это название совсем не трудно. Так греки издавна называли гиацинт. Но вот каким образом гиацинт — житель Передней и Центральной Азии — появился на острове Крит? И, наконец, третья: почему гиакинфа (гиацинт) гибкая? Ведь в действительности стебли гиацинта не гибкие, а сочные и ломкие. В чем же тут дело и существует ли реальная первооснова поэтического образа?

Попытаемся разобраться, начав по порядку с лотоса. Это изящное водное растение с нежно-розовыми цветками известно ботаникам не только в его нынешнем ареале. Погребенные под толстым слоем торфа, семена лотоса находят во многих районах, удаленных на сотни и даже тысячи километров от ближайшего современного местонахождения живых растений. Ископаемые семена лотоса нередко оказываются вполне жизнеспособными и дают всходы при проращивании после многовекового периода покоя. И если на географической карте отметить находки ископаемых останков лотоса, то они вплотную придвинутся к

Криту. Почему бы и не предположить, что во времена, когда создавалась «Илиада» (IX–VIII век до новой эры), лотос встречался и на этом острове? Ведь не был он редкостью, скажем, в Древнем Египте, где считался священным растением, о чем свидетельствуют хотя бы его многочисленные изображения на архитектурных памятниках далекой старины. А вот ныне лотос в долине Нила в диком виде уже не встречается. И гору Ида лотос вполне мог покорить. Несмотря на то что он воспринимается как неизменная принадлежность речного пейзажа, в Кашмире данный вид (*Nelumbo nucifera*) поднимается до высоты 1560 метров над уровнем моря (правда, видимо, все-таки по водоемам).

Ответ на вторую и третью загадки читатель еще найдет в этой книге, когда мы расскажем, как произошла подмена названий, и гиацинт древних греков обернулся гладиолусом наших современников. А стебли и листья диких европейских гладиолусов в противоположность гиацинтовым достаточно прочные и гибкие и вполне соответствуют описанию из «Илиады».

Более близкое знакомство с древнегреческими богами нам еще предстоит, а пока посмотрим, что они вкушали на Олимпе. Это было поистине нечто божественное — нектар и амброзия, между прочим, и то, и другое, как явствует из мифов, растительного происхождения. Разумеется, такое меню не для простых смертных. Однако до сих пор нектаром называют сладкий душистый сок, выделяемый нектарниками — специальными желёзками медоносных растений. Это своего рода полуфабрикат пчелиного меда.

А амброзия? Ее название сейчас известно в приложении к злостным карантинным сорнякам. В нашей стране их три вида, и самый опасный — амброзия полынелистная (*Ambrosia artemisiifolia*). Но все виды амброзии — заносные, дико они не встречаются ни в Греции, ни вообще в Европе. Эти растения американские, не известные древним грекам. Карл Линней — автор столь звучного названия, разумеется, знал об этом. Что же общего нашел он у горького на вкус и невзрачного на вид травянистого растения из семейства сложноцветных (рис. 8) и божественной пищей обитателей Олимпа? По-видимому, запах. Острый и стойкий полынный запах. Древнегреческие авторы говорят о том, что боги употребляли амброзию не только в пищу, но и натирались душистой мазью из нее, и это было одним из источников их бессмертия. Запах современных амброзий далек от божественного. Можно найти немало растений более приятных во всех отношениях.

Рис. 8. Амброзия полынелистная.

Справедливости ради следует упомянуть еще об одной амброзии. Средневековый поэт Виллафрид Страбон в своей поэме «Садик», написанной в 827 году и посвященной саду при монастыре Святого Галена в Швейцарии, тоже упоминает о ней. Таинственная амброзия уже явно не американского происхождения (ведь Америка для Страбона еще не была известна) и, следовательно, не могла быть прототипом амброзии линнеевской. Что же это за растение? Раскрыть инкогнито позволяет другое средневековое произведение тех же лет — «Городской капитулярий» Карла Великого, где в обязательный ассортимент культур для монастырских садов, содержащий 72 вида декоративных, пищевых и лекарственных растений, входит и амброзия, которая названа также танацитум (Tanazitum). С подобной подсказкой ботаникам уже легче.

Вполне возможно, что за этим словом скрывается хорошо известная многим пижма или дикая рябинка (*Tanacetum vulgare*) — растение из того же семейства сложноцветных. Ее резко пахнущие желтые соцветия находят ныне самое прозаическое применение — в качестве инсектицида, то есть средства борьбы с бытовыми насекомыми.

Расшифровка подобных загадок преследует отнюдь не

развлекательные цели. Она важна, например, для исторической географии растений (вспомните возможность существования в прошлом лотоса на Крите!) и для … медицины. Сколько рецептов старинной, в том числе народной медицины, так и остались секретами именно потому, что ботаники не смогли разгадать обозначения приведенных в них растений, точнее, отождествить, идентифицировать их с современными названиями. Но, к счастью, нередко случалось и обратное: разгаданные растительные криптограммы древних рукописей давали очень интересные результаты. И вот один из примеров.

В трактате «О медицине» древнеримского ученого Марцелла Эмпирика упомянуты три известных тогда привозных (не растущих в Италии) лечебных растения: «горячий имбирь, острый перец и сильфий холодный». Мы легко найдем в ботанической литературе все три названия. Имбирь (*Zingiber*) и черный перец (*Piper nigrum*) попадали в Рим с востока, а вот сильфий (*Silphium*) оказывается … североамериканским растением! В чем же дело? Поскольку римляне не могли знать о нем, напрашивается только один вывод: так же как и в случае с амброзией, название Silphium с помощью систематиков перенесено с неизвестного нам пока растения на растение американское. Поиски настоящего, «истинного» сильфия в конце концов увенчались успехом.

Было найдено его описание и даже рисунок. Более того, его изображение чеканилось еще в глубокой древности на монетах Киренаики — североафриканского государства. Вот как высоко ценились в древности лечебные свойства этого растения! Таинственной незнакомкой оказалась ферула вонючая (*Ferula assa-foetida*) из семейства зонтичных, встречающаяся дико в горах восточного Ирана и западного Афганистана. Коричневая пахучая смола, полученная из надрезов на ее утолщенных корнях, входит в состав лекарств, обладающих мощным антиспазматическим действием и применяемых при лечении целого ряда болезней. А индийцы используют в небольших количествах ту же смолу в качестве пряности.

О растении, известном под названием рыжик (*Camelina sativa*), в нашей книге первоначально предполагалось рассказать в разделе, посвященном косметическим средствам. В старых травниках упоминалось, что жмых семян рыжика (а семена этого крестоцветного растения содержат прекрасное техническое масло) может применяться для окраски волос. Казалось бы, именно это определило его название. Но потом стали выявляться подробности, которые отодвинули на второй план красильные свойства рыжика. Выяснилось, во-первых, что краска получается весьма низкого качества, во-вторых, частицы жмыха прилипают к

волосам и плохо отмываются и, наконец, в-третьих, не совсем ясно, какой же точно цвет приобретает шевелюра. Разгадка названия оказалась неожиданной, но, по-видимому, наиболее правильной. Рыжик носит, по крайней мере, еще с полдюжины различных имен и среди них — рыжей, рыжуха, резуха и даже резь коровья. Получается, как в популярной игре, словесный ряд с постепенно изменяющимся значением. Резь коровья: может быть, растение ядовито для скота? Однако данных, подтверждающих это, нет. Скорее наоборот, луговоды утверждают, что сено рыжика довольно питательно. Объяснение мы находим в «Ботаническом словаре» Н. И. Анненкова. Приведенное выше гнездо слов, оказывается, произошло от слова «рожь», измененного в произношении согласно польскому выговору, чему соответствует и прежнее латинское название рыжика — *Triticum bovinum*. Если уж быть точным, то перевод латинского названия означает не рожь, а «коровья пшеница». Но все равно — хлеб для коров, кормовое растение. Вот вам и косметика, вот вам и рыжик!

Рис. 9. Не краска для волос, а корм для коров.

Неожиданной для многих читателей будет, вероятно, и расшифровка русского названия очень распространенного сорняка ястребинки. Что может быть общего между ястребом и этим невзрачным растением из семейства сложноцветных? Английский ботаник XIX века Филлипс в своей книге «Историческая флора» пишет: «Древние греки считали, что сок ястребинки увеличивает зоркость глаз ястребов (точнее,

охотничьих соколов).» А ведь соколиная охота — любимое развлечение знати на Руси! Может быть, рецепты древних греков проверялись на практике сокольничими русских царей? Кто знает…

А вот два имени и связанные с ними две загадки прошлого. Исландский викинг Эйрик Рауди (Эрик Рыжий) считается первым европейцем, вступившим в 981 или в 982 году на берег Гренландии — самого большого острова в мире. Он и назвал его Грёнланд, что переводится как зеленая страна (зеленая земля). Но как раз название вызывает недоумение многих, кому знакома, хотя бы по литературе, природа этого острова. Для справки: из 2176 тысяч квадратных километров суши в Гренландии 1834 тысячи занято ледниками. Ледниковый щит Гренландии — главный поставщик гигантских айсбергов, которые, словно сторожевые дредноуты, совершают плавание в водах северной Атлантики. Из растительности сохранилась лишь узкая полоска березовых криволесий и кустарничковой тундры, да и то в южных прибрежных частях острова. Какая уж тут зеленая земля, скорее белая, намного белее родины Эйрика — Исландии (что, кстати, в переводе означает «Страна льдов»).

Неужели знаменитый мореплаватель решил подшутить над своими потомками? Давайте попробуем разобраться. По-настоящему зеленой страной Гренландия была довольно давно. Сто — сто двадцать миллионов лет назад, в меловом периоде, ее полностью покрывали леса, причем с большим числом средиземноморских видов — вечнозеленых лавров и дубов и даже тропических деревьев. Палеоботаники считают, что в то время в Гренландии росли даже хлебные деревья. Разумеется, сейчас о них свидетельствуют только отпечатки листьев и побегов в осадочных породах побережья. Но и свой современный облик Гренландия приобрела относительно недавно. Оледенение ее, как полагают геологи, началось десять — двенадцать тысяч лет тому назад. По геологическим меркам, это очень короткий период. И не исключено, что первые гренландские поселенцы нашли страну хотя и суровой, но гораздо более зеленой, чем она предстает взору современного путешественника. Так что, возможно, свое название она получила вполне заслуженно.

Второе имя — Лейф Эйриксон, сын Эйрика Рыжего. Современники прозвали его Счастливым. Действительно, ему посчастливилось проникнуть на запад от Гренландии и достичь примерно в 1000 году побережья Северной Америки. Об этом свидетельствуют найденные на острове Ньюфаундленд остатки норманских поселений. Письменные источники рассказали, что Лейф проплыл вдоль атлантического побережья Северной

Америки довольно далеко на юг, открыв Хелуланд, Маркланд и Винланд. Первое название историки и географы отождествляют с Баффиновой Землей, второе — с Лабрадором, третье — с Ньюфаундлендом, полуостровом Новая Шотландия или побережьем залива Мен.

И вот здесь в число недоумевающих попадают ботаники. Посмотрите на карту. Все эти географические области лежат севернее 44 градуса северной широты. Винланд же в переводе означает «Страна винограда». Но виноград в Северной Америке (а растет его там несколько видов) не встречается севернее 42 градуса, то есть граница его находится более чем на двести километров южнее самых южных норманских поселений. Откуда же тогда «страна винограда»? Объясняют это по-разному.

Полагают, что некоторые норманы могли проникать по суше гораздо дальше приморских поселений и на других территориях знакомиться с американским виноградом. Но тогда бы Винландом назвали те удаленные районы, где виноград растет на самом деле. Есть гипотеза, что слово vin в прошлом означало не виноград или не только виноград, но и другие ягоды, например смородину или калину, которые щедро росли на земле Ньюфаундленда. Наконец, не исключена возможность, что граница распространения винограда почти тысячу лет назад проходила значительно севернее, чем сейчас, и Винланд действительно изобиловал виноградными лозами.

Однако когда объяснений много, значит, нет одного единственного — верного. Так что эта загадка пока остается не до конца решенной.

Почему настурция зовется настурцией

Скажем сразу: эта глава — об ошибках, которые так прочно вошли и в ботаническую практику, и в наш обиход, что от них вряд ли целесообразно избавляться. Но знакомство с ними не только интересно, но и поучительно.

Есть такая детская игра в испорченный телефон. Слово, переданное от одного к другому полушепотом, невнятно и быстро, доходит до конца цепочки часто в неузнаваемо искаженном виде, вызывая всеобщее веселое удивление.

«Испорченный телефон» иногда действует и в ботанике. Вот, например, перед вами высокое растение со сложными тройчато-перистыми листьями и похожим на зонтик соцветием из мелких лиловатых цветков, из которых выглядывают тычинки (рис. 10). Василистник — называет его фундаментальное издание «Флора средней полосы европейской части СССР». Ему вторит справочник «Травянистые растения СССР». То же самое подтверждает и «Определитель растений Московской области». Казалось бы, все ясно. А на самом деле это слово с дальнего конца цепочки «испорченного телефона». А что было в начале? В старых травниках находим «Василису-траву», ведущую свою родословную от распространенного в прошлом русского женского имени. Стало быть, не василистник, а василисник. Разница вроде бы и невелика, всего в одной букве, а смысл все-таки уже другой.

Рис. 10. Различные виды василисников.

Рис. 11. А про Василису позабыли…

В нашу жизнь прочно вошли многие тропические растения и среди них настурция — популярный однолетник, чьи оригинальные листья — щитовидные, с разбегающимися из центра жилками, словно маленькие зонтики, сидят на длинных, иногда причудливо изогнутых черешках, тоже прикрепляющихся в центре листовой пластинки. Оранжево-красные цветки состоят из пяти бархатистых лепестков, венчика и ярко окрашенной чашечки, которая оттянута в длинный шпорец, напоминающих капюшон. Своеобразная форма шпорца послужила отправной точкой для немецкого названия этого растения — салат капуцинов (Kapuzinerkresse). Капуцин и капюшон — слова-братья, и католический орден капуцинов (по-итальянски cappuccino) получил свое название от capuccio, остроконечного капюшона, непременного атрибута одеяния монахов — членов данного религиозного общества. Таким образом, первая половина названия ясна, а вот о второй речь еще впереди. Для этого нам придется коснуться географии и истории.

Ботаники насчитывают около 80 видов настурций (*Tropaeolum*). Все они уроженцы Южной Америки. Среди них есть не только декоративные растения. Скажем, настурция клубневая (*T. tuberosum*), распространенная в горах Чили и южной Колумбии, образует на корнях богатые крахмалом съедобные клубни (по-местному мака, майуа, машуа). Европейцы познакомились с настурцией давно, еще в XVI веке. Первые настурции, завезенные

в Европу, носили название индейский кресс-салат (на английском Indian cress), потому что, как сообщали путешественники, индейцы употребляли в свежем виде все части этого растения — листья, стебли, бутоны, цветки и плоды. Со временем и европейцы успешно ввели в свое меню эту зелень, а поскольку в их рационе уже имелся один кресс-салат (*Nasturtium officinale*, или по-английски water cress), то аналогично и южноамериканский овощ получил латинское название, сходное со старым кресс-салатом — настурциум (*Nasturtium indicum*, или *N. peruvianum*). Так и появилась современная настурция.

И что удивительно: позднее ботаники, конечно же, поняли, что ничего общего, кроме пищевых качеств, у этих растений нет, и разнесли их по разным семействам. Кресс-салат оказался среди крестоцветных, настурция — среди настурциевых, и латинское название у нее появилось иное — *Tropaeolum*, но вот первоначальное имя в обиходе все же сохранилось, хотя носит она его незаконно. Настоящий владелец этого имени — кресс-салат — как бы отказался от него в пользу иноземца. Кстати, и кресс-салатом сейчас чаще всего называют совсем другое, чем раньше, растение — *Lepidium sativum* — крестоцветное, родом из Северной Африки.

Рис. 12. Настоящий кресс-салат.

Подобное явление — переход названия с одного растения на другое — далеко не такое уж редкое. Вот еще один пример, касающийся тоже садового обитателя — левкоя (*Mattiola annua*). Эти сравнительно низкорослые однолетники из семейства крестоцветных годятся и в букеты, и для бордюрной посадки. Цветут они долго, иногда непрерывно в течение двух с половиной месяцев. А уж расцветки и оттенки самые разные: золотисто-желтые, темно-фиолетовые, желтовато-розовые, розовато-сиреневые… Мы нарочно затеяли это перечисление, чтобы сообщить, что левкой, известный еще в Древней Греции (Leucojon), означает «бело-фиолетовый». Всю палитру теперешних его красок человек создал искусственно, используя в качестве основы белоцветные, с легким лиловатым оттенком растения, встречающиеся дико в Средиземноморье. Однако несмотря на столь давнее и блистательное происхождение, левкой, подобно настурции, самозванец и свое имя тоже носит незаконно. А настоящим левкоем следовало бы назвать белоцветник (на латыни Leucojum) — ранневесеннее луковичное растение из семейства амариллисовых. В нашей стране он встречается редко — только на западе Украины, на Кавказе и в Крыму. Одиночные белоснежные цветки его будто маленькие капли молока свисают на цветоножках. Это растение изящно, красиво, но мало кому знакомо и, похоже, по скромности уступило свое имя.

Ярко-красные и бордовые ягоды американской фитолакки иногда используют для подкрашивания пищевых продуктов, но из их сока можно приготовить красную краску и для других целей. Ведь само название этого растения как бы говорит о его применении. Phyton — по-гречески значит растение, lakh — на языке хинди лак, краска. Стало быть, растительный лак, растительная краска. А на поверку оказывается, что слово lakh применяется только для обозначения краски, добываемой из … насекомых! Вот и получается несовместимый комплекс «растительная краска из насекомых».

В главе о косметических растениях говорится о дающей красную краску румянке (*Echium rubrum*). Здесь уместно упомянуть еще одно ее имя: синяк красный. Звучит оно очень забавно: родовое название указывает на синий цвет, видовое — на красный. Которому верить? Оказывается, обоим. В роде *Echium* подавляющее число видов (а всего их около сорока) — с синими цветками. Румянка же с ее красным корнем и с красными цветками — исключение, но, как полноправный член рода *Echium*, не может быть лишена родового названия, хотя оно не очень-то подходит к ней.

Удивительные плоды рождает какао — шоколадное дерево. И висят они не на ветвях, а прямо на толстом стволе. Несколько напоминающие по форме вздутые плоды сладкого перца, но только в 1,5–2 раза крупнее, они содержат овальные зерна, которые похожи на крупную фасоль и погружены в сладковато-кислую мякоть, заполняющую все пять гнезд плода. Пройдя специальную ферментацию и сушку, семена (какао-бобы) направляются на кондитерские фабрики. Получаемый из них первичный продукт — паста, под названием «горький шоколад», содержит до 35 процентов жира и после добавления в него сахара становится одним из самых питательных продуктов растительного происхождения. Недаром еще в глубокой древности ацтеки готовили вкусный и питательный напиток под названием чоколатль, которое благополучно превратилось в наш шоколад.

Будучи чрезвычайно высокого мнения об удивительных свойствах этого напитка, Линней включил дерево какао в род *Theobroma* (theos по-гречески — бог, broma — пища). Однако дальше возник любопытный казус. При более подробном изучении рода *Theobroma* оказалось, что в него входят и виды с невкусными плодами, а один — с вовсе несъедобными. Вот вам и «пища богов»! Вопрос был решен, можно сказать, одним росчерком пера: Линней выделил несъедобный вид в отдельный род *Abroma*, выгнав его из пищевых продуктов частицей-отрицанием «а». Так родилась аброма царственная (*Abroma augusta*) — пусть цари питаются тем, что для богов несъедобно. И если уж мы ведем речь о какао, то заметим, что его название возникло задолго до появления чужестранцев на американском континенте. Только звучало оно раньше несколько иначе — какаоакуауитль. Для европейского языка несколько трудновато, так что стали обходиться укороченным вариантом.

Довольно странным оказывается перевод латинского названия чингиля или чемыша — *Halimodendron* — приморское дерево. Между тем чингиль обитает в безводных пустынях Средней и Центральной Азии. Что имел в виду известный ботаник Фишер, давая такое название, — неясно. Может быть, солончаки, на которых растет чингиль, напомнили ему засоленные морские побережья?

В практике цветоводства все чаще начинает появляться растение со сложным именем мезембриантемум (*Mesembrianthemum*), которое обычно пытаются перевести как полуденник или послеполуденник. Яркие красные и розовые цветки раскрываются, как полагали, лишь в солнечную погоду, а в сумерках и в пасмурные дни они закрыты. Отличительный

признак — светолюбие — приняли во внимание, когда растению в 1684 году дали его латинское название (mesembria — полдень, anthemon — цветок). Но потом выяснилось, что имеются (и в довольно большом числе) виды, которые цветут не только днем, но и ночью. Прежнее название отвергли, предложив впоследствии теперешнюю редакцию — *Mesembryanthemum*. Различие невелико: буква «i» заменена буквой «y», но смысл уже совсем другой. Mesos — по-гречески середина, embryon — зародыш, завязь. Срединное положение завязи — вот признак, который теперь объясняет название. Наверное, следовало бы изменить и русский перевод, однако попробуйте создать достаточно емкое, простое, правильное и благозвучное название!

Или такие спорные имена. Среди цветоводов очень популярны аквилегии (*Aquilegia*) — растения с оригинальными цветками. Каждый лепесток венчика представляет собой срезанную косо воронку, продолжающуюся в виде более или менее длинного, иногда загнутого крючком шпорца. Наряду с латинским в цветоводческой практике бытуют и русские названия, главным образом водосбор и орлик. Происхождение и того и другого вполне объяснимо: оба они являются переводом-калькой одного и того же латинского словосочетания, хотя по смыслу не имеют ничего общего. И все-таки резон тут есть. Латинское aqua — вода и legere — собирать — основы первого перевода. И объяснение логичное: вода (роса, капли дождя) накапливаются в шпорцах цветов, если они, конечно, не поникающие, как нередко бывает. Второй перевод обязан своим возникновением латинскому Aquila — орел. Возможно, что-то общее подмечено в форме клюва этой птицы и загнутых шпорцев. Как бы то ни было, встает вопрос: чему отдать предпочтение? Обычно по-русски аквилегию принято звать водосбором. Но вот что интересно. Средневековые травники называют это растение иначе — аквилейя (Aquileia). Следовательно, аквилегией, или, если хотите, водосбором оно стало сравнительно недавно, а раньше, видимо, имело основой своего имени не воду, а орла.

Можно удивляться и спорить по поводу многообразия различных толкований одних и тех же названий. Вот, например, малина. Казалось бы, слово исконно русское, однако же есть и предположение, согласно которому название дано по цвету ягод. Но вот по какому? Ведь в роде малина (*Rubus*) раскраска ягод, а точнее сложных костянок, самая разная: от собственно малиновой до почти черной (у ежевики) и восково-желтой (у морошки). Тут-то ученые и спорят. Одни считают, что в основе лежит черный цвет (от древнеиндийского malinas — черный), другие опираются на бретонское melen — желтоватый, наконец третьи

предпочитают латинское mulleus — красноватый. Словом, сколько расцветок, столько и мнений.

Для некоторых остается загадкой, почему латинское название сельдерея *Apium* происходит от греческого арех, что значит вершина, верхушка и даже затылок. Не зная конкретных исторических обстоятельств, можно строить самые различные предположения. А объяснение весьма простое и точное: в древности листьями сельдерея, обычной ныне столовой зеленью, увенчивали победителей Немейских игр, которые проводились в Греции, в Арголиде, в промежутках между другими, более крупными — Олимпийскими. Из сельдерея делали венки и возлагали их на головы (вот откуда появился арех!) выдающихся спортсменов. Знаменитый врач XI века Одо из французского города Мена оставил нам книгу «О свойствах трав», где описано 77 растений, в том числе 12 ароматических и пряных, среди которых целая глава посвящена сельдерею. В ней описывается упомянутый выше древний ритуал и уточняется:

> Первым, себя самого увенчавшим такой наградой,
> Был, повествуют, Алкид, и потомки обычай хранили…

Рис. 13. И венок, и приправа.

Интересно, что и в России сельдерей появился сначала не как пищевая приправа. При Екатерине II его можно было видеть

опять-таки на головах придворных. Впрочем, это не единственный овощ, использовавшийся для подобных целей. На замечательной гравюре А. Дюрера «Меланхолия» изображена аллегорическая фигура женщины в венке, который сплетен из… кресс-салата (*Nasturtium officinale*).

А теперь обратимся к цитрусам. Что может быть общего между ними и кедром? Уж очень они разные. Тогда почему душистая кожица лимона — цедра так созвучна кедру? Легче всего объяснить это простым совпадением. Однако давайте попробуем разобраться.

С цитрусовыми, точнее сначала с лимоном, европейцы познакомились, по-видимому, в IV веке до новой эры, во время походов в Азию Александра Македонского. А само название встречается впервые в описаниях Палестины, сделанных в XIII веке: «Сверх того есть еще другие деревья, производящие кислые плоды с едким вкусом: их зовут лимонами; их сок с удовольствием употребляют летом с мясом и рыбой, так как он холоден и сушит нёбо, и возбуждает аппетит». Однако еще раньше он упоминается в китайских летописях XII века, где описан плод «лимунга», который был завезен в Китай из других стран. Греки и римляне знали его под именем malus midica — мидийское яблоко (то есть из малоазиатской провинции Мидии). Позднее это название превратилось в malus medica — медицинское яблоко, и первоначальный смысл был искажен.

Здесь мы пока прервем рассказ о цитрусах и обратимся к кедрам. Подчеркнем, к истинным кедрам, потому что у нас кедром часто ошибочно считают сибирскую сосну (*Pinus sibirica*), дающую вкусные «кедровые орешки». Настоящих кедров ботаники насчитывают четыре вида, из которых атласский, кипрский и ливанский встречаются в Средиземноморье и лишь один — гималайский — имеет географически изолированную от них область распространения. Вообще же это обозначение происходит от греческого названия данного дерева — kedros. При переходе из Греции на Апеннинский полуостров оно превратилось в цедрус (Cedrus). Средиземноморские кедры, прежде всего ливанский, издавна ценились за желтовато-коричневую, прочную, негниющую и ароматную древесину. Ее использовали для постройки домов, кораблей, изготовления мебели и более мелких поделок. Особенно славились лари для хранения одежды, которая в них приобретала приятный смолистый запах и совсем не страдала от моли.

Вот на этой почве и происходит объединение цитрусов и кедра. Для различного рода отдушек римляне применяли и лимонную кожуру, и древесину кедра. Отсюда по сходству

применения кожура получает название цедра, а плоды, дающие цедру, — цитрусами. Malus medica превращается в citrus medica. Нынешнее его название, принимаемое современными ботаниками, — *Citrus limon* — снова воскрешает древнеарабские корни лимона.

Еще одна пара исторически связанных названий: гиацинт (*Hyacinthus*) и гладиолус (*Gladiolus*). Внешне их невозможно спутать: сравнительно низкорослый и мелкоцветный гиацинт и длинностебельный крупноцветный гладиолус с жесткими мечевидными листьями. И принадлежат они к разным семействам: первый к лилейным, второй — к ирисовым (касатиковым).

Первое из рассматриваемых растений, как повествует древнегреческий миф, было сотворено Аполлоном из упавших на землю капель крови своего любимца Гиацинта. Поэтично и красиво, не правда ли? Однако, отвлекаясь от мифологической образности, стоит сделать два существенных замечания. Древние греки, по-видимому, не были знакомы с теми цветками, которые мы сейчас именуем гиацинтами. Они появились в культуре в Европе лишь в конце XVI века. Их настоящая родина — Передняя и Средняя Азия. И потом: из капель крови Гиацинта могло вырасти скорее всего растение с красными цветками. Между тем естественный цвет диких гиацинтов голубой, синий или лиловатый. Другие расцветки были получены в культуре только сравнительно недавно. Напрашивается вывод: древние греки называли гиацинтом совсем иное, чем мы, растение. Какое же? По различным описаниям, дошедшим до нас в произведениях античной литературы, можно предположить, что это имя относилось к дикому гладиолусу, скорее всего к произрастающему в Греции гладиолусу византийскому (*Gladiolus bysanthinus*).

Теперь несколько слов о гладиолусе, название которого в переводе с латинского значит «маленький меч» — по форме его жестких, стоящих торчком острых плоских листьев. Это популярное садовое растение имеет сложную историю. Первые крупноцветные гладиолусы, по-видимому, попали в Европу из южной Африки во второй половине XVII века. Однако выращивать их можно было только под стеклом: в открытом грунте они не цвели — не хватало тепла. И только в 1841 году директором ботанического сада в Брюсселе, известным селекционером ван Хоуттом был получен родоначальник современных крупноцветных гладиолусов — гладиолус гентский (*Gladiolus gandavensis*), являющийся сложным гибридом нескольких африканских видов (мелкоцветные европейские с африканскими

не скрещивались). Само же название «гладиолус» появилось гораздо раньше. Впервые оно упоминается у поэта IX века Валафрида Страбона в уже упоминавшейся поэме «Садик». И что самое интересное: описанное Страбоном растение совсем не похоже на дикий гладиолус. Это скорее обыкновенный касатик или ирис. Вот какими связями соединены даже не две, а три популярных садовых культуры: гиацинт, гладиолус и ирис.

И опять повторим, что случаи перехода названия с одного на другое растение довольно часты. Первые систематики стремились сохранять античные названия даже несмотря на то, что многие из них не имели, так сказать, приложения. Можно было только догадываться, каким растениям они принадлежат. Эти имена присваивали вновь открытым и описанным видам, заведомо неизвестным древним грекам и римлянам. Примеры переноса таких названий уже приводились в главе «Загадки прошлого».

Но был еще один путь подмены названий, который связан с многотрудной работой переписчиков научных трактатов и справочников-травников. Ошибки, сделанные из-за небрежности или плохого владения латынью, катастрофически наслаивались друг на друга, искажая смысл и неузнаваемо изменяя имена растений. Нередко при копировании текстов названия разных видов по невнимательности меняли местами. Так возникло то, что обозначается термином «варварская латынь», то есть латынь неграмотная.

Вот несколько примеров такого «переселения» названий. Арахис (*Arachis*) — травянистое бобовое растение, чьи вкусные орешки стали популярным лакомством. Арахис широко культивируется в тропических и субтропических областях всего земного шара, в том числе на сравнительно небольших площадях и у нас: в Узбекистане и Таджикистане, на юге Украины, в Предкавказье и Закавказье. Древние греки и римляне арахиса не знали, поскольку родина его — Южная Америка, а попал он в Европу через Китай и южную Азию всего несколько столетий тому назад. Между тем само это название существовало еще в античные времена, но обозначало совсем другое, но тоже, видимо, бобовое растение.

Не знали греки и опунции — американского кактуса с уплощенными, как лепешки, колючими стеблями. Опунциями звали в древности какие-то растения, встречавшиеся в окрестностях города Опус (иначе Опонте). По имени этого города названа одна из провинций Греции — Опунтская или восточная Локрида, примыкающая к Малийскому и Эвбейскому заливам Эгейского моря. Кстати, и все кактусы, большинство из которых встречается в тропической Америке, с характерными для них

колючками, мясистыми стеблями и листьями, были неизвестны античным естествоиспытателям, хотя само слово кактус (cactus) существовало с глубокой древности. Оно определяло многие колючие растения Греции. У Теофраста, например, именем kaktos звался колючий артишок (*Cynara scolymus*).

То же самое относится и к широко известному кустарнику туе (*Thuja*). Она дико не растет в Средиземноморье, область ее распространения — восточная Азия и Северная Америка. Однако как раз туя встречается у древних греческих авторов, не знакомых ни с Китаем и Японией, ни тем более с американским континентом. Просто этим именем в те далекие времена определяли некоторые виды можжевельников.

Мы еще расскажем о происхождении названия «картофель», а пока отметим, что проникал он в XVI веке в Европу двумя путями: через Испанию и через Англию и Ирландию. Первый путь породил привычное нам обозначение этой культуры, а второй привел к возникновению английского — potato. Название это интересно тем, что возникло ошибочно, но в силу традиции все же сохранилось. А случилось это следующим образом.

Считают, что первые клубни картофеля в Англию привез с американского острова Роанок, расположенного близ побережья современного штата Виргиния, английский адмирал (он же знаменитый пират) Фрэнсис Дрейк. Но еще задолго до того среди европейских ботаников ходили слухи о существовании в теплых странах растения, дающего крупные крахмалистые клубни сладкого вкуса, которое местные жители зовут бататом. Привезенные Дрейком клубни походили по описаниям на клубни батата и были безоговорочно названы этим именем, которое по-английски звучало как potato. Между тем вырос из них картофель.

Рис. 14. «Виргинский батат» Д. Джерарда.

Оговоримся сразу: батат и картофель — растения очень разные. Вот изображение картофеля из книги английского ботаника Джерарда, вышедшей в конце XVI века (рис. 14). Надпись на нем гласит batata virginiana — виргинский батат. А вот изображение настоящего батата *Ipomoca batatas* (рис. 15). Картофель относят к семейству пасленовых, батат — к семейству вьюнковых. Как выглядит картофель, знают все. Батат же — это ползучее травянистое растение, клубни которого образуются не на удлиненных столонах, как у картофеля, а на стебле, в узлах, соприкасающихся с землей. И если у картофеля клубни представляют собой видоизмененные стебли, то у батата ими становятся утолщенные придаточные корни. Да и по форме они заметно отличаются от картофельных: обычно более узкие, веретенообразные, часто заостренные.

Рис. 15. Батат.

Их ни за что бы не спутали, будь в Англии в то время человек, видевший раньше и те, и другие. Но сравнить было некому, и картофель в английском языке по сей день остается бататом. Впоследствии, правда, ботаники попытались если не исправить, то несколько сгладить ошибку, введя термин «сладкий батат» (sweet potato) для разграничения этих двух растений хотя бы в названиях. К тому же, как считают некоторые исследователи, путанице способствовало то, что вместе с картофелем Дрейк привез, по-видимому, еще и сладковатые, сходные по вкусу с бататом клубни земляной груши — топинамбура (*Helianthus tuberosus*).

Теперь об ошибках и недоразумениях несколько иного рода — географических. Отец систематики Карл Линней, лично открывший и описавший около полутора тысяч видов, скрупулезнейшим образом изучал детали строения растений. Современные ботаники до сих пор прибегают к линнеевским (более чем 200-летней давности!) описаниям для уточнения определения того или иного вида. А вот географические познания великого ученого, увы, оставляли желать лучшего, что приводило к весьма очевидным ляпсусам.

Ну, например, присланный из Китая кустарник волчье лыко

Линней назвал индийским (*Daphne indica*), а в описаниях мятлика китайского (*Poa chinensis*), череды китайской (*Bideus chinensis*), апельсина, который по-латыни был назван китайским цитрусом (*Citrus sinensis*), родиной указывает только Индию. В XVIII веке достаточно хорошо было известно о существовании двух Индий: Ост-Индии (объединяющей территорию современной Индии и некоторых других стран южной и юго-восточной Азии) и Вест-Индии (включавшей острова, лежащие в Атлантическом океане между Северной и Южной Америкой). Для Линнея такого деления как будто не существовало, поэтому и появилась на свет, скажем, полевица индийская (*Agrostis indica*), в самом деле обитающая на островах Карибского моря, в тысячах километров от настоящей Индии. И поскольку почти для половины своих китайских и индийских растений Линней не назвал коллекторов, приславших ему гербарный материал, определить только по названию, действительно ли это растение китайское, индийское или латиноамериканское, весьма затруднительно. Но этими регионами путаница не ограничивалась. Пролеска перуанская (*Scilla peruviana*) на поверку оказалась обитающей… в Средиземноморье, плакучая вавилонская ива (*Salix babylonica*) отнюдь не из Вавилона, а по-видимому, из Китая.

Не ладили с географией и ботаники, работавшие до Линнея. Сегодня любой школьник, не задумываясь, назовет родину кукурузы — Америка. А впервые эта культура появилась в Европе под названием Turcicum frumentum — «турецкое зерно». Так она именуется и на изображении в вышедшей в 1542 году книге немецкого ботаника Леонарда Фукса (рис. 16). А почему — объяснить трудно. Ведь еще раньше, излагая сведения о далеких американских землях, испанские путешественники подробно описывали культуру и применение кукурузы (маиса) и даже упоминали о религиозных церемониях с использованием ее зерна. Казалось бы, нет сомнения, откуда она проникла в Европу. А через полвека английский ботаник Дж. Джерард, подробно изучивший целых восемь культурных форм кукурузы, приходит к выводу о … невысоких вкусовых и питательных свойствах ее зерна. И именует ее уже Frumentum indicum — индийским зерном (возможно, имея в виду Вест-Индию), но переводит это название на английский язык опять-таки как турецкое зерно (Turkie wheate).

Рис. 16. Рисунок кукурузы из книги Л. Фукса.

Еще раньше географическая неразбериха происходила с гречихой. Сейчас ботаники сходятся в том, что эта полевая культура ведет свое начало из Индии. Когда же во второй половине XV века она появилась в Западной и Средней Европе, ее окрестили так же, как позднее кукурузу, турецким и даже сарацинским зерном.

Это название косвенно указывает на пути проникновения гречихи на запад. Предполагают, что пролегали они через Малую Азию и Закавказье — территории, имевшие прочные связи с древней Индией.

Систематики могут указать немало более поздних и даже совсем недавних географических курьезов в растительных названиях. Возникали они по-разному: тут и перепутанные этикетки, и небрежности в оформлении, и просто слишком слабая

осведомленность автора описания.

Часто встречающаяся в юго-восточной Европе, на Кавказе и в Малой Азии мушмула — кустарник с кисловатыми плодами — по ошибке обозначена германской (*Mespilus germanica*), хотя она и отсутствует в немецких флорах. В Крыму вы можете встретить пион даурский, вопреки названию не известный на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири. А как раз исконная здешняя уроженка лилия почему-то именуется пенсильванской (*Lilium pensylvanicum*). И таких примеров довольно много.

Продолжая наше мысленное путешествие во времени и пространстве, перенесемся в 1815 год, в Царскосельский лицей и попытаемся представить себе интереснейшую сценку, очень живо описанную И. И. Пущиным. «Как теперь, вижу тот послеобеденный класс Кошанского, когда, окончивши лекцию несколько раньше урочного часа, профессор сказал: „Теперь, господа, будем пробовать перья! Опишите мне, пожалуйста, розу стихами…“ Наши стихи вообще не клеились, а Пушкин мигом прочел… четверостишия, которые всех нас восхитили…»

Вот что родилось тогда под пером юного лицеиста:

Где наша роза,
Друзья мои?
Увяла роза,
Дитя зари.
Не говори:
Так вянет младость!
Не говори:
Вот жизни радость?
Цветку скажи:
Прости, жалею!
И на лилею
Нам укажи.

Прелестный, изящный экспромт. Два цветка — роза и лилия. Точнее — лилея, как принято было говорить в старину.

Уточнение важное, потому что лилея (*Lilaea*) родом… с высокогорий Северной и Южной Америки. Не лилия, а именно лилея. Как ее назвали французский ботаник Э. Бонплан и немецкий естествоиспытатель А. Гумбольдт в 1808 году. Наведение справок об этом растении показывает, что оно необычное, буквально единственное в своем роде. Род лилея, в свою очередь, единственный в очень маленьком семействе.

А вот в русском языке существуют два семейства, носящие совершенно одинаковые названия — лилейные. В первом

(*Liliaceae*) — весьма многочисленном и известном — такие популярные растения, как тюльпаны, ландыши, гиацинты, наконец, сами лилии. Во втором (*Lilaeaceae*) — чрезвычайно ограниченном, о котором знают лишь специалисты, — единственный род с единственным видом. А между тем как раз оно с большим правом может именоваться семейством лилейных, а для крупного семейства-«тезки», наверное, лучше подошло бы название лилийные. Но традиция есть традиция, и сейчас у нас так и соседствуют два семейства с одинаковым русским названием. Кстати, они близки и систематически — оба относятся к классу однодольных.

А как же быть с лилеей молодого Пушкина? Скорее всего здесь простое случайное совпадение: поэт не знал о существовании маленького американского цветка с нежным и звучным именем и говорил о знакомой всем лилии.

Возвращаясь к заглавию данного раздела, скажем еще раз, что и настурция, и множество других растений названы своими именами по ошибке. Но в данном случае это такие ошибки, которые вряд ли стоит исправлять…

Яблоки бывают разные

Мы уже говорили, что древние греки первоначально называли лимон мидийским яблоком. Такое сравнение вполне понятно, поскольку яблоки были хорошо известны европейцам и считались самыми обычными фруктами. Яблоками же, правда, с разнообразными географическими эпитетами, в обиходе становились попавшие на континент не только практически все плодовые, но и многие заморские овощные растения.

На рубеже XV–XVI веков в Португалию то ли из Индии, то ли из Китая привезли незнакомые кисловато-сладкие плоды с оранжевой душистой кожурой. Вскоре плантации этих деревьев появились на юге Европы. В середине XVI столетия фрукты попали на стол папе римскому Пию IV и придворные папские историки назвали их aurantium Olysponense — золотистыми плодами из Лиссабона. Нетрудно догадаться, что речь идет об апельсинах. Если свериться с современным русско-итальянским словарем, можно убедиться, что и сейчас «портогалло» означает и апельсин, и Португалию (Portogallo), указывая на происхождение первых итальянских апельсинов. А самому названию «апельсин» мы обязаны опять-таки яблокам, вернее, немецкому *Apfelsine* — китайское яблоко, хотя первое растение из семейства рутовых, а второе — из семейства розоцветных.

Гранат древние римляне тоже считали разновидностью яблок. Из Карфагена в Рим этот плод привозили под именем malus puniceum — яблоко карфагенское, и впоследствии вторая часть словосочетания (*Punica*) стала родовым обозначением. Назвали же гранат по испанской провинции и городу Гранада, откуда, как полагают, благодаря арабам экзотические фрукты стали широко распространяться в Европе. Об этом напоминает нам также английское pomegranate — «плод из Гранады».

А теперь на очереди помидоры. Этимологический словарь так

объясняет происхождение этого слова: «Заимствовано через посредство французского языка из итальянского, в котором pomi d'oro буквально значит „золотые яблоки“». И все-таки подобное объяснение не исчерпывающее. Если объясняясь с итальянцем, вы попросите дать вам яблоко, назвав его poma, то собеседник вас не поймет. В «Новейшем толковом словаре итальянского языка» Палацци говорится, что pomo (поэтическое — pomo, множественное число — pomi) происходит от латинского pomum и означает фруктовое дерево или его плод, но отнюдь не обязательно яблоню или яблоко. Для них соответственно есть названия melo и mela. Таким образом, pomi d'oro (то есть наши помидоры) для итальянцев не «золотые яблоки», а «золотые плоды». Уточнение небольшое, но, как мы увидим дальше, существенное. А вот на других языках плоды помидоров — это все-таки яблоки: у поляков jablko zlote — золотое, у чехов jablka rajska — райское. И, наконец, возможная общая первооснова — латинское фармацевтическое обозначение из обихода средневековых медиков: mala aurea — то самое золотое яблоко, о котором мы говорили вначале.

Кстати, еще один вопрос, связанный с помидорами. Раз яблоки золотые, выходит, они золотистого, желтоватого цвета. А современные сорта дают зрелые плоды почти исключительно красной или малиново-красной окраски и лишь у немногих они действительно желтые. Дело в том, что попавшие в середине XVI века из Америки в Европу помидоры были очень похожи на дикорастущие формы с ребристыми или мелкими гладкими плодами, напоминающими вишню. Многие из них были желтовато-золотистого цвета, что и отразилось в их названии.

Популярный же синоним помидоров — томат — слово из лексикона древних обитателей Мексики — ацтеков, перешедшее во многие языки, в том числе и в русский. А латинское обозначение рода *Lycopersicon* происходит от древнегреческого lykos — волк и persicon — персик («волчий персик»). Так, видимо, называлось не известное нам несъедобное растение в Древнем Египте, чье наименование было перенесено впоследствии на американский томат.

Сравнительно недавно бытовали и другие названия: Pomme de Perou — перуанский плод, pomme d'amor — любовный плод, love apple — любовное яблоко. Последнее калькируется изданным в 1780 году в Петербурге ботаническим справочником Кондратовича с таким вот пространным заглавием: «Дикционер или Речениар по алфавиту российских слов о разных произращениях, то есть древах, травах, цветах, семенах огородных и полевых, кореньях и о прочих былиях и минералах».

А в вышедшей двумя годами позже статье известного ученого-агронома А. Т. Болотова «Общие замечания о цветах», представляющей собой по сути дела цветоводческий справочник с основными данными об ассортименте и культуре тогдашних озеленительных растений, под номером 56 мы находим «любовное яблочко, особого рода и на картофель похожее произрастание, имеющее прекрасные красные яблочки». Выходит, томаты использовались в то время в России не столько для еды, сколько для украшения цветников. Как пищевое огородное растение помидоры стали возделывать у нас уже в конце XVIII века, но массовое их производство началось лишь с середины XIX века, когда в Крыму, Грузии, Нижнем Поволжье появились первые промышленные плантации. Сейчас же помидоры в нашей стране — одна из главнейших овощных культур.

Армянским яблоком — malum armeniacum — именовали на первых порах попавшие в Рим с Востока абрикосы. Но они недолго пробыли в разряде яблок: как-никак крупная косточка сводила их сходство к минимуму. И у Диоскорида появилось словосочетание «армянские сливы» (*Armeniaca*), которое впоследствии итальянский ботаник Скополи сделал родовым обозначением. Происхождение же современного названия этой культуры ученые объясняют тем, что она была известна грекам и римлянам преимущественно в виде рано плодоносящих форм, которые носили единое латинское название praccocia — ранние, видоизмененное арабами в al barquq. Таким оно снова вернулось в европейские языки, превратившись в Италии в albercocco, или albicocco, во Франции — в abricot, в Англии — в apricot, в России — в абрикос.

Картофель тоже пытались произвести в яблоки, правда в земляные, точнее в «земляные плоды». Именно так переводится с французского pommes de terre. В статье А. Т. Болотова «Примечания о тартофеле», написанной в 1770 году, читаем: «Тартофеля заведено здесь оба рода, а именно: один белый, круглый с немногими ямочками. Первые зовут здесь по большей части яблоками земляными, на что они и похожи, а вторые некоторые начали земляными грушами именовать, что для продолговатой их фигуры и сходственно». Речь идет о картофеле и топинамбуре (*Helianthus tuberosus*), за которым, как уже отмечалось, и до сего дня сохранилось название земляной груши.

Само слово «картофель» пошло от итальянского tartufo — трюфель. Трюфели — съедобные, но не слишком популярные у нас грибы, чьи плодовые тела, общими очертаниями действительно напоминающие клубень картофеля, развиваются в земле. Они были известны европейцам очень давно и поэтому

сравнение с ними клубней, появившихся позже картофеля, вполне объяснимо. Рисунок 17 воспроизводит изображение картофеля, сделанное с экземпляра, выращенного в 1588 году на правах заморской редкости в венском ботаническом саду Шарлем д'Эклюзом. Надпись гласит: «Тартуфли или перуанский папас». Первое название — видоизмененное итальянское, второе — испанское, бытующее до сих пор (papa). С XVIII века слово «тартуфо» уже появляется в немецком языке в его современном виде Kartoffel и, в свою очередь, дает целый веер русских вариаций: картошка, картоха, картопля и так далее. Однако в болотовском «тартофеле» звучат еще отголоски итальянского tartufo.

Рис. 17. Первое изображение картофеля.

Надо сказать, что список такого рода «яблок» можно

продолжать очень долго. Наверное, в языке каждого народа есть «яблочные имена» самого различного приложения. Например, крупные ярко-красные плоды американского травянистого растения стополист пальчатый (*Podophyllum peltatum*) из семейства барбарисовых могут похвастаться, по крайней мере, тремя такими названиями: may apple — майское яблоко (плоды эти созревают довольно рано), indian apple — индейское яблоко и devil's apple — дьявольское яблоко.

Происхождением только что упомянутого эпитета мы обязаны библейской легенде об Адаме и Еве, где рассказывается о том, как дьявол совратил их попробовать плод с древа познания. С давних времен богословы ломали копья, пытаясь отыскать ботанический эквивалент растущим в раю яблокам, и это нашло свое отражение в языке. Райским яблоком назвали немцы (Paradies apfel) и итальянцы (poma di paradiso) некоторые цитрусовые. Французы же плодом Адама (pomme d'Adam) окрестили… банан! Именно так назван банан и в упомянутом уже «Дикционере» Кондратовича. Но, пожалуй, первым подобное отождествление сделал в XVI веке английский ботаник Джерард, у которого это растение фигурирует как «Adam's apple tree» — яблоня Адама. Райским же деревом банан чтили издавна, например, арабы. Так или иначе, но легенды и верования отразились и в латинском названии *Musa paradisiaca* — банан райский. У нас райскими яблочками обычно называют мелкоплодную китайку (*Malus baccata*).

Рис. 18. Банан или «райское» яблоко?

В «Ботаническом словаре» Анненкова мы находим еще один тип яблок — волчьи. Это прозвище относится к совсем уж несъедобным, даже ядовитым плодам купены (*Polygonatum officinale*) и родилось когда-то в Саратовской губернии. Вообще-то надо сказать, что все эти волчьи (*Daphne, Lonicera xylosteum*) и бирючьи (*Aspuragus officinalis*) ягоды, волчье лыко (*Daphne mesereum*), собачью петрушку или кокорыш (*Aethusa cynapium*), песью вишню (*Physalis alkekengi*) и им подобные, как правило, относили к вредным, ядовитым растениям, внешне похожим на употребляемые человеком, то есть полезные. Например, наряду с кокорышем собачьей петрушкой кое-где именуют также чрезвычайно ядовитых представителей этого же семейства зонтичных: вех (*Cicuta virosa*), болиголов (*Conium maculatum*), омежник (*Oenanthe aquatica*).

Баклажаны попали в Европу в конце XVI века с Востока, о чем свидетельствуют и многочисленные варианты их названия в тюркских языках: например, турецкое «паглыджан», персидское «бадинджан». Потребовалось почти три столетия, чтобы этот овощ стал относительно массовой культурой. А ведь другие пищевые растения завоевали всеобщую симпатию за гораздо более короткий срок! Одной из причин такого недоверия к чужеземцу явилось мнение о несъедобности этих странных сине-фиолетовых «яблок». Одно время баклажан в научном мире носил прозвище бешеного или безумного яблока (mala insana) — такое ужасное действие приписывалось его ни в чем не повинным плодам.

Аналогичную дурную славу имела и родственница баклажана по семейству пасленовые — мандрагора (*Mandragora officinarum*). О ее «яблоках» (mala mandrake — как они числились в реестрах средневековых аптекарей) стоит рассказать подробнее. Старинное mandrake легло в основу родового имени мандрагоры. И видовое название «лекарственная» (*officinarum*) она носит недаром: во всех частях растения содержатся галлюциногены — алкалоиды гиосциамин и скополамин, обладающие спазмолитическими и болеутоляющими свойствами, которые отчасти используются и современной медициной.

Что же касается средневековых медиков, то они приписывали мандрагоре поистине чудодейственную силу. Если ее желтые или оранжевые шаровидные плоды — «яблоки» считали безумными, то корень попал в разряд универсальных лечебных средств, стал панацеей — лекарством чуть ли не от всех болезней. В качестве весьма важного ингредиента входил он и в состав ядов, различных магических снадобий. Эта слава в значительной степени основывалась на его необычной, человекоподобной форме (вспомним, что аналогичную связь «обличья» корня и его

целебных свойств древние китайские медики находили у женьшеня).

Чрезвычайно важной представлялась процедура выкопки корня. Вот как описывает ее английский ботаник Д. Джерард в своем «Травнике», вышедшем в 1597 году: «Тот, кто хочет добыть растение, должен привязать к нему собаку, которая и будет тащить его. При этом мандрагора будет испускать ужасные вопли. Если же человек не сделает этого, то он, безусловно, скоро умрет». У других авторов тот же процесс обрастал все новыми и новыми подробностями. Охотник за растениями (ризотом или ризотомист, как его называли) должен был трижды описать круг около мандрагоры, оборотясь при этом лицом на запад. Все время, пока собака выполняет роль тягловой силы, нужно подбадривать ее, трубя в рог. После того как сопротивляющийся насилию корень все-таки вылезет из земли, собака издыхает.

Рис. 19. Только так, согласно травнику XVI века, следовало извлекать корень мандрагоры.

Рисунок 19, взятый из итальянского травника начала XVI века, можно считать своеобразным пособием ризотомисту. Собака, вдохновляемая трубными звуками рога, тянет из земли

мандрагору — этакого бородатого человека с розеткой листьев на голове. В травнике, известном как «Венский кодекс», изображен древнегреческий ботаник и медик Диоскорид, получающий корень мандрагоры из рук Эврезии — богини открытий. У ног ее лежит собака в предсмертных конвульсиях. Тем самым составители книги как бы утверждали, что метод извлечения таинственного корня подсказан человеку богами. Попробуйте не выполнить какое-либо из перечисленных выше условий, и вся целебная сила корня пропадет. Вот оно каково легендарное растение, дающее «безумные яблоки»!

В заключение главы расскажем немного о более приятных экзотических «яблоках». На островах Карибского моря растет одно из самых ценных плодовых деревьев — аннона колючая (*Annona muricata*). На ней созревают плоды, которые под сравнительно плотной оболочкой содержат нежную кисло-сладкую мякоть, удивительно напоминающую сливки или сметану с сахаром. Их-то и прозвали «сметанными (кремовыми) яблоками», хотя ни вкус, ни форма (яйцевидная, с колючками), ни размер (до 30 сантиметров), ни масса (около 4 килограммов) отнюдь не яблочные. А вот «сахарные (коричные) яблоки» со сладкой, имеющей запах корицы мякотью дает аннона чешуйчатая (*A. Squamosa*), встречающаяся в диком виде в тропиках Центральной и Южной Америки.

Лес из хлебных деревьев

Итак, мы познакомились с довольно большим набором «яблочных» эпитетов. Пожалуй, не менее обширна и группа «древесных» определений, каждое из которых обозначает отдельный ботанический вид. Конфетное, хлебное, колбасное, молочное, изюмное, масляное, уксусное, дынное, капустное, золотое — все это о деревьях! Прямо описание какого-то сказочного, волшебного леса. Между тем такие деревья реально существуют. Правда, они не в равной степени заслуживают своих обязывающих эпитетов. Да и большинство из них знакомо нам понаслышке, поскольку обитают они в различных тропических и жарких странах, так что собрать их вместе можно лишь в оранжереях ботанических садов и на страницах книг.

Начнем мы с хлебного дерева. Надо сказать, что видов с таким названием довольно много: сорок семь объединены в род Artocarpus, двенадцать — в род Treculia, а оба рода входят в семейство тутовых. Это вечнозеленые деревья, выделяющие, как и многие другие растения данного семейства, клейкий белый сок латекс. Сюда же относится и фикус эластический *Ficus elastica*, нередко разводимый в наших комнатах.

Хлебные деревья — растения двудомные: плоды завязываются и созревают только на женских деревьях. И, наконец, цветки у них образуются прямо на довольно толстом стволе. Подобное явление, называемое каулифлорией (буквально стеблецветением), — не редкость у многих представителей тропической флоры, и с ним мы еще столкнемся на страницах книги. У хлебного дерева женские цветки, первоначально образующие соцветие, после опыления по мере созревания семян срастаются в одно соплодие, прикрепленное непосредственно к стволу. При взгляде на такое соплодие понимаешь, что далеко не всякая ветка была бы способна удержать его: масса этого гиганта

у *A. heterophyllus*, именуемого еще джекфрут, доходит до 40 килограммов! Впечатляют и размеры: длина — до 90, ширина — около 50 сантиметров. Под кремово-золотистой, покрытой частыми небольшими выростами оболочкой находится коричневатая тестообразная, по вкусу напоминающая нечто среднее между тыквой и картофелем, а у некоторых форм и приторно сладкая мякоть. В многочисленных мелких воздушных полостях заключены семена величиной со сливу. Однако есть культурные формы, плоды которых полностью лишены семян. Таких плодов на одном дереве созревает порой более сотни.

Рис. 20. В этом лесу, даже и заблудившись, не погибнешь от голода.

Из плодов настоящего хлебного дерева (*A. altilis* и *A. heterophyllus*), широко распространенного в тропиках Старого и Нового Света, местные жители, сбраживая мякоть, готовят тесто для выпечки лепешек. Можно просто поджарить ломтик недозрелого плода: по вкусу он немного напоминает печеный картофель, поскольку тоже содержит большое количество крахмала. Как видите, хотя оно и зовется хлебным, это совсем не то дерево, о котором генерал из сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина говорил, что на нем «булки в том самом виде родятся, как их утром к кофею подают».

Африканское хлебное дерево из рода трекулия (*T. africana*), дико встречается в тропиках западной Африки (к востоку до Уганды). Плоды его несколько меньше, они достигают «только» 45 сантиметров и весят «лишь» около 14 килограммов. К тому же мякоть их не едят: в пищу употребляют крупные, величиной с фасоль крахмалистые семена, из которых обычно делают муку.

История хлебного дерева весьма занимательна. Во время первой (1768–1771) кругосветной экспедиции Джеймса Кука, знаменитого английского мореплавателя, сопровождал ботаник Д. Бэнкс. И вот корабль «Индевор» бросил якорь у берегов Таити. Здесь молодой ботаник впервые увидел хлебное дерево, которое его буквально поразило. Вернувшись домой, он сумел убедить правительство снарядить специальную экспедицию, чтобы интродуцировать, ввести это растение в культуру в Вест-Индии как источник дешевой пищи для переселенных туда африканских негров-невольников.

Надлежащим образом оборудованный корабль «Баунти», на корме и в трюмах которого находились тысячи кадок и горшков для сеянцев хлебного дерева, в 1789 году взял курс на Таити. Экспедицию возглавил капитан У. Блай, один из сподвижников Кука в его последних плаваниях. Корабль благополучно прибыл на Таити, матросы загрузили его посадочным материалом, и попутный ветер понес «Баунти» к берегам родной Англии. Однако бросить якорь в английском порту ему не пришлось. На корабле вспыхнул мятеж, вызванный жестоким обращением капитана с матросами. Восставшие посадили Блая вместе с его сторонниками в шлюпку, а сами направили «Баунти» в малодоступный район Тихого океана, к острову Питкерн и организовали там поселение свободных колонистов.

Шлюпка Блая, преодолев более 3600 миль, достигла острова Тимор. Вернувшись в Англию, капитан предпринял новую экспедицию в Океанию. На этот раз она увенчалась успехом, доставив в 1793 году в ботанический сад на острове Сент-Винсент

саженцы хлебного дерева, которые впоследствии стали широко возделывать в Вест-Индии и за ее пределами. А память о путешествиях, связанных с хлебным деревом, закрепилась в названиях растений: Блайя (*Blighia*) из семейства сапиндовых распространена в тропической Африке; бэнксия (*Banksia*) из семейства протейных, представительница австралийской флоры; питкерния (*Pitcairnia*) из семейства бромелиевых встречается в тропиках Америки и западной Африки.

Следующим по степени известности, наверное, будет дынное дерево (*Carica papaya*) — папайя или фрута бомба (рис. 21), как называют его в Америке. Считают, что происходит из Колумбии, в культуре же дынное дерево очень обычно в самых разных районах тропиков и субтропиков вплоть до Черноморского побережья Кавказа, где на опытном пункте Главного ботанического сада Академии Наук СССР имеются полупромышленные посадки папайи. Плоды этого дерева действительно похожи на продолговатые дыни, их иногда сравнивают также с мячом для игры в регби. Мякоть такой «дыни» розоватая, часто душистая, слегка кисловато-сладкая. Папайю используют в салатах, едят в сыром виде, готовят из нее варенье. При этом считается, что мелкие плоды вкуснее крупных, достигающих в длину трети метра. Но папайя еще и лекарственное растение. В соке ее листьев и незрелых плодов содержится фермент папаин, и на его основе изготовляют препараты, применяемые при некоторых желудочных заболеваниях. Заметим, что из 45 видов этого рода, растущих в американских тропиках и субтропиках, возделывается еще и так называемое горное дынное дерево (*C. curdinamarcensis*).

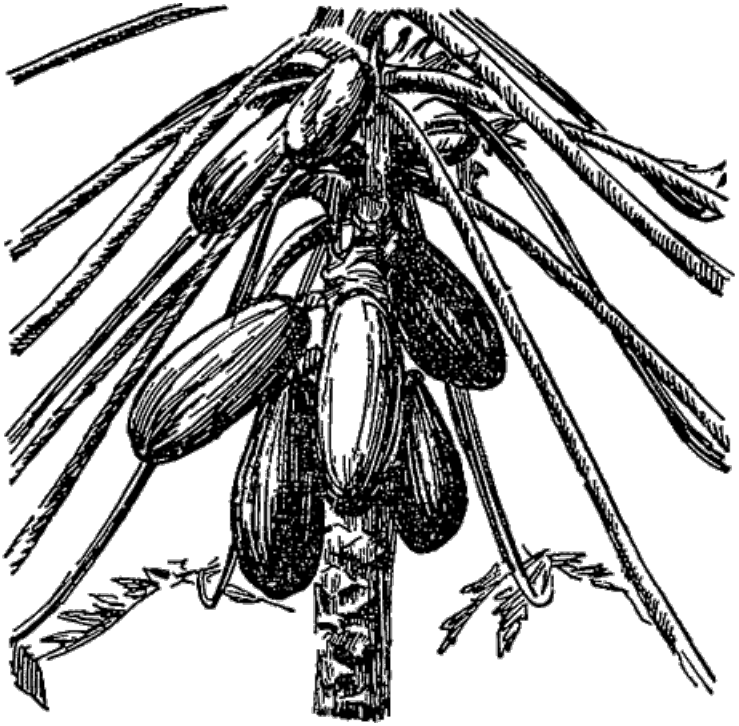


Рис. 21. Плоды дынного дерева.

Знаменитый немецкий естествоиспытатель Александр Гумбольдт, путешествуя в начале прошлого века по Южной Америке, описал молочное дерево (*Brosimum galactodendron*), принадлежащее, как и хлебное к семейству тутовых. Цветки этого дерева собраны в интересное головчатое соцветие: в нем вокруг единственного женского центрального цветка группируется много мужских однотычинковых, почти лишенных околоцветника. Но наибольшее удивление вызывает, конечно же, «молоко», обильно текущее из надрезанного ствола. По вкусу этот густой и клейкий сок с приятным ароматом очень схож с коровьим молоком, смущает только его вязкость, к которой, как говорят, можно привыкнуть. Оставленный на воздухе сок через 5–6 дней загустевает настолько, что становится похожим на настоящий сыр. Разумеется, по своему составу «растительное молоко» существенно отличается от коровьего. В нем почти нет белка и жиров, свойственных животному продукту, но зато много воска и смол.

Колбасное дерево (*Kigelia pinnata*) действительно несет на своих ветвях множество буроватых колбасовидных плодов, которые свисают на длинных плодоножках и придают ему весьма необычный, причудливый вид. Каждая такая колбаса может быть

до полуметра длиной при диаметре около 10 сантиметров, а созревает она в течение целого года. Но, увы, и зрелые — одревеснеевшие, и незрелые — более мягкие, растительные колбасы несъедобны. Удивительны и особенности цветения колбасного дерева. Красные воронковидные цветки раскрываются вечером и цветут ночью. К утру многие из них опадают, нередко сплошь усеивая землю. Завязи образуют только те, которые ночью были опылены. А опылители тоже необычные — водящиеся в тропиках мелкие летучие мыши. Остается добавить, что родина колбасного дерева — тропическая Африка (Судан, Уганда, Кения, Мозамбик). Впрочем, такое же экзотическое имя носит в обиходе любителей комнатного цветоводства аукуба японская (*Aucuba japonica*). Считают, что названием колбасного дерева аукуба обязана расцветке своих кожистых долговечных листьев, которые бывают покрыты золотисто-желтыми пятнами и точками, отчасти напоминающими кусочки жира на срезе колбасы. Сходство, правда, довольно отдаленное, но чего только не подскажет человеческая фантазия.

Как нельзя питаться плодами колбасного дерева, так совершенно бесполезны для гурманов капустные деревья, растущие на острове Святой Елены. Их три вида: черное (*Melanodendron integrifolium*), мужское (*Senecio leucadendron*) и белоствольное (*Petrobium arboreum*). Они невысокие, редко достигают нескольких метров, но это им, можно сказать, простительно, поскольку принадлежат к семейству сложноцветных, где древесные растения вообще довольно редки. Капустными эти деревья назвали потому, что все листья собраны у них на концах ветвей в виде густых розеток, в центре которых изредка появляется масса мелких соцветий, похожих на корзинки маргаритки, отчего их именуют еще древовидными маргаритками.

Не производит бутылок и бутылочное дерево, получившее свое прозвище, однако, именно по характерной форме вздутого ствола. Его название — собирательное для нескольких очень различных по систематическому положению видов. Ствол австралийского бутылочного дерева (*Brachychiton rupestris*) из семейства стеркулиевых сегментирован и состоит обычно из двух полостей. В нижней скапливается вода, в верхней — сладковатый желеобразный сок, прекрасно утоляющий жажду. Если учесть, что ствол-фляга бывает внушительных размеров — до 1,8 метров в диаметре и до 15 метров высоты, и что растет это дерево в засушливых местах на северо-востоке континента, то станет ясно, какой неоценимый подарок припасла природа для здешних обитателей.

Величественное зрелище представляют собой каваниллесии (*Cavanillesia*) — растения из семейства бомбаксовых с редьковидно вздутыми громадными (до 40 метров высотой) стволами. Панамское бутылочное дерево (*C. platanifolia*) особенно знаменито тем, что древесина его чрезвычайно легкая, куда менее плотная, чем, скажем, у широко известной бальсы, из которой был сделан плот «Кон-Тики». Понятно, она не может служить надежной поддержкой для огромных деревьев. Роль несущей конструкции у каваниллесии берет на себя толстая и очень крепкая кора, которая гораздо тяжелее и прочнее древесины. Гладкие серые стволы панамского бутылочного дерева издали кажутся закованными в бетон. Характерно, что среди бутылочных гигантов есть и свои «карлики». Например, низкорослое деревце с мясистым, вздутым у основания стволом — ятрофа (*Jatropha podagrica*) из семейства молочайных, растущее в тропической Америке, тоже относится к этой группе.

Если бутылочные деревья запасают воду в тканях ствола, то мадагаскарское дерево путешественников (*Ravenala madagascariensis*) знаменито тем, что аккумулирует ее во влагалищах своих листьев. Плотно прилегающие одно к другому и к тому же расположенные в одной плоскости, влагалища эти составляют своеобразный гигантский веер. Считается, что путешественники могут легко утолить жажду, проткнув снизу ножом один из подобных естественных резервуаров влаги. Однако знаток тропических деревьев Э. Менninджер авторитетно утверждает, что очень часто таким способом удается добыть лишь несколько капель сока.

Горлянковое дерево дает человеку много различных по форме и емкости сосудов. Но прежде познакомимся с просто горлянкой, или бутылочной тыквой (*Lagerania siceraria*), чьи округлые, яйцевидные, вздутые с одного конца на манер половинки гантели, змеевидные плоды с упругой прочной поверхностью не пропускают воду и годятся, после того как подсохнет мякоть, для употребления на разнообразные домашние поделки. Чаще всего из горлянок делают всяческие сосуды для хранения пищевых продуктов и воды, посуду, ложки. Сосуды называют калабасами, калабашами или калебасами, отчего и горляночное дерево иногда именуют калебасовым. Плоды его полностью копируют по размерам, цвету и форме плоды бутылочной тыквы. И применение их после удаления мякоти такое же. Ботаники относят горлянковое дерево (*Crescentia cujete*) к семейству бигноniевых. Родина его — тропическая Америка.

Конфетное дерево вызывает вполне понятное живейшее любопытство и желание непременно попробовать, что же за

плоды-конфеты рождаются на его ветвях. Если уж быть точным, то они сухие и несъедобные, зато извитая ось держащего их соцветия — сочная и мясистая. Однако вкус этой растительной конфеты на любителя: он напоминает кисловатый изюм. Может быть, поэтому конфетное дерево (*Hovenia dulcis*) называют еще японским изюмным деревом. Данный представитель семейства крушиновых происходит из субтропиков Японии и Китая.

В числе деревьев с «пищевыми» названиями укажем еще шпинатное дерево (*Pisonia alba*). В отличие от капустных «собратьев» оно вполне съедобно, точнее его молодые листья, идущие на салат. Это растение из экзотического семейства ночецветных распространено по морским побережьям тропической Азии. Не обойдем вниманием и плоды калифорнийского перечного дерева (*Schinus molle*) из семейства сумаховых, действительно похожие вкусом на острый и душистый черный перец и способные служить ему полноценной заменой. Одно только непонятно: почему это дерево зовется калифорнийским, хотя растет оно лишь в Перу, Аргентине и на юге Бразилии.

В последнее время в нашей ботанической литературе, в том числе научно-популярной, стало все чаще появляться томатное дерево или древовидный томат. Носящее это имя перуанское растение *Cyphomandra betacea* (рис. 22) так же, как и томат, входит в семейство пасленовых и представляет собой небольшое деревцо или крупный кустарник с яйцевидными красновато-оранжевыми или пурпурными плодами, напоминающими по вкусу помидоры. Их можно есть сырыми, но лучше всего они подходят для консервирования. Большое содержание пектиновых веществ позволяет готовить из них желе. В Главном ботаническом саду Академии Наук СССР ведутся успешные опыты по скрещиванию томатного дерева и травянистого томата с целью получения многолетних устойчивых и высокоурожайных гибридов.

Рис. 22. Плоды «томатного дерева» — цифомандры.

Можно найти в ботанических справочниках и масляное дерево. Такое имя носит индийская *Diploknema butyracea* из семейства сапотовых, правда, похоже, не совсем заслуженно. Дело в том, что в косточках ее ягод содержится 42–47 процентов масла. Если исходить из этой цифры, то больше прав на подобное название, например, у австралийской макадамии (*Macadamia ternata*), в плодах которой масла почти в два раза больше. Даже наш грецкий орех в извилистых полушариях своих плодов накапливает до 60 процентов прекрасного пищевого масла и не менее успешно, чем диплокнема, может претендовать на титул масляного дерева.

Уксусное дерево (*Rhus typhina*) из семейства сумаховых, наверное, одно из самых холодостойких среди деревьев с экзотическими именами. Это небольшое деревце встречается в восточных штатах США, доходя на севере до границы с Канадой. Мелкие его плоды, собранные в густую кисть, покрыты яркими красными волосками, отчего вся кисть кажется мохнатой. Очень красивы уксусные деревья осенью, когда их перистые, похожие на рябиновые листья окрашиваются в яркий оранжево-красный цвет.

Уксусные деревья раздельнополы. Мужские соцветия крупные и рыхлые, женские — компактнее. Сок плодов удивительно

кислый, впрямь очень сходный с пищевым уксусом.

Если ботаника-систематика попросят сообщить научное название красного или черного дерева, он придет в некоторое замешательство. Дело в том, что деревьев, чье обиходное прозвище отражает эти цвета их древесины, довольно много, и каждое претендует на то, чтобы считаться «настоящим». Попробуем, хотя бы в общих чертах, разобраться.

Черной, пригодной для различного рода поделок обычно бывает не вся древесина, а более темная и твердая сердцевина стволов многих представителей семейства эбеновых. Недаром черное дерево иногда еще называют эбеновым. Эта сердцевина отличается не только цветом (обычно древесина у них белая), но и структурой. Она лучше поддается токарной и иной обработке и более плотная.

Наилучшее черное дерево дают виды рода хурма (*Diospyros*), родственники популярной съедобной хурмы (*D. kaki* и *D. lotus*). Наиболее известно так называемое африканское черное дерево (*D. reticulata*) и индийское черное дерево (*D. ebenum*). Первое в диком виде растет на острове Маврикий, второе — не в самой Индии, а на острове Шри-Ланка. Поставщиками черной древесины являются также растения из семейства бобовых и близкого к нему семейства цезальпиниевых. Мозамбикское черное дерево получают из стволов *Dalbergia melanoxylon*, венесуэльское или маракаибское дает *Caesalpinia granadillo*. Особо следует сказать о так называемом «коричневом» черном дереве (*Brya ebenus*) с острова Ямайка. Его первоначально светло-коричневая древесина постепенно темнеет с возрастом, только наблюдается это не у живого дерева, а у поделок из него.

А вот красное дерево имеет почти одинаково интенсивно окрашенную древесину и сердцевину. Наиболее известно американское красное дерево. Этим названием обозначают разные виды рода свитения (*Swietenia*), относящегося к семейству мелиевых. Первыми европейцами, познакомившимися с ним в начале XVI века, были испанские колонисты на островах Карибского моря.

Из него сначала была изготовлена мебель для королевского дворца Филиппа II в Эскуриале, затем возведен целый кафедральный собор в Санто-Доминго (ныне остров Гаити). Большинство военных кораблей испанской Великой Армады, посланной против Англии в 1588 году, тоже были построены из красного — очень прочного и практически не подверженного гниению дерева. Однако его запасы на Кубе, где оно первоначально добывалось, довольно быстро истощились. Дальнейшие разработки перенесли на материк, где встречалось

другое красное дерево, названное крупнолистным (*S. macrophylla*) в отличие от мелколистного кубинского (*S. mahagoni*). Древесина его светлее, не такая тяжелая и менее пригодная для обработки. Кроме того, красным деревом (red wood) обычно называют знаменитую секвойю, хотя цвет древесины у нее заметно светлее. Вообще-то окрашенная в красные тона разной интенсивности древесина встречается достаточно часто и у других видов деревьев, однако они не носят названия «красных».

Существует еще и розовое дерево. Этот титул носят сразу два вида уже знакомого нам рода дальбергия (*Dalbergia*): *D. nigra* — американское розовое дерево, растущее в Бразилии, *D. latifolia* — индийское розовое дерево. И совсем уж изысканно звучит название «атласное дерево» (по-английски satin wood). Этим именем величают многие породы, дающие древесину с шелковистым, атласным отливом. Наиболее известно индийское атласное дерево (*Chloroxylon swietenia*) из семейства рутовых.

Название «железное дерево», а значит, твердое, прочное, как железо, объединяет многие виды растений. Подобными качествами может похвастаться целый ряд представителей флоры, поэтому неудивительно, что народы разных стран нашли у себя свои, «местные» железные деревья. Обладая твердостью, прочностью, износостойкостью, долговечностью и другими замечательными свойствами, они были в свое время (а порой остаются и сейчас) незаменимым конструкционным материалом для наиболее нагруженных деталей, узлов и сопряжений в машиностроении, строительстве, на транспорте.

Среди железных деревьев наиболее известен гваякум (*Guajacum officinale*), или бакаутовое дерево, из семейства парнолистиковых. Родина его — Центральная Америка и острова Карибского моря. Древесина гваякума знаменита не только своей твердостью, но и тем, что содержит гваякол — душистую смолу, применяемую в медицине как стимулирующее, благодаря чему раньше ее нередко называли древесиной жизни (lignum vitae). Другое центральноамериканское железное дерево — *Copaifera hymenaefolia* — из семейства цезальпиниевых местные жители окрестили кебрачо (quebra hacho), что значит «сломай топор». То же самое красноречивое прозвище носят южноамериканские схинопсис Лоренца (*Schinopsis lorentzii*) из семейства сумаховых и аспидосперма (*Aspidosperma guebrachoblanco*), или белое кебрачо, из семейства ластовневых.

Есть свои кебрачо и на других континентах. В Африке это деревья из семейства сапотовых — аргания сидероксилон (*Argania sideroxylon*) и бутироспермум Парка (*Butyrospermum parkii*); в Азии — знаменитое тиковое дерево (*Tectona grandis*) из семейства

вербеновых, дающее великолепную корабельную древесину; в индо-малайском регионе — мезуа (*Mesua ferrea*) из семейства зверобойных, демонстрирующее самый, пожалуй, широкий диапазон применения; прочная древесина идет, скажем, на изготовление шпал, а нежные душистые цветки очень ценятся в парфюмерии.

Помимо всем знакомого хлопкового куста, на котором вызревают коробочки с волосистыми семенами — будущим волокном, на свете есть, оказывается, еще и хлопковое дерево, или цейба (*Ceiba pentandra*), — близкая родня баобабу, правда, происхождением из тропической Америки. Блестящие волоски (капок) у цейбы тоже лежат внутри коробочки, но лишь прикрывают семена, а у хлопчатника они являются тонкими выростами семенной кожуры. Цейбовое волокно не годится для текстильной промышленности, зато оно легкое, с очень низкой теплопроводностью, немнущееся и не смачиваемое водой — служит прекрасным набивочным и изоляционным материалом, особенно для морских спасательных жилетов, одежды полярников и т. п.

Эта книга, как все прочие, отпечатана на бумаге. И поэтому мы с особым чувством представляем читателю бумажные деревья. Одно из них — древесный родственник травянистого женьшеня — китайское бумажное дерево, или тетрапанакс (*Tetrapanax papyrifera*). В теплых странах его нередко используют для озеленения городов — уж очень привлекательны крупные темно-зеленые пальчато-лопастные листья, оттененные белыми и кремовыми пятнами и разводами. Но главная ценность тетрапанакса скрыта внутри ствола. Его рыхлая сердцевина, составленная из нежных тонкостенных клеток, с давних времен зарекомендовала себя первосортным материалом для приготовления великолепной, чрезвычайно тонкой, «рисовой» бумаги. А вот очень прочную долговечную бумагу высокого качества (например, для денежных купюр, бланков важных документов и т. п.) получают из луба бруссонеции бумагоносной (*Broussonetia papyrifera*) из семейства тутовых, которую называют также бумажной шелковицей за сходство их листьев. Внутренние волокнистые слои коры бруссонеции служат сырьем для изготовления весьма оригинальной нетканой материи. Сшитую из нее одежду, называемую «тапа», и сегодня носят жители некоторых островов Полинезии.

Юго-восточная Азия дала человеку и восковое (оно же сальное) дерево (*Sapium sebiferum*) из семейства молочайных. Впрочем, оно с таким же успехом вправе именоваться масляным, так как дает масло трех различных типов: белое, синее и

древесное. Первое, образующееся в виде тонкого налета на листьях, внешне действительно похоже на воск или твердое сало. Второе добывают из плодов, точнее из плоских семян, заключенных в четырехстворчатую коробочку, причем из наружного слоя семенной кожуры получается твердое при обычной температуре «китайское сало», а из внутреннего содержимого семян — жидкая фракция. Наконец, масло третьего типа давят из листьев. Белое и древесное масла идут на изготовление свечей, мыла и т. п., а синее — жидкое, быстро высыхающее — служит сырьем для производства лаков, красок, глицерина.

Более качественное сырье для лаков дает китайское (японское) лаковое дерево, или сумах лаконосный (*Rhus vernicifera*). Это распространенное в юго-восточной Азии растение со сложными перистыми листьями и мелкими белыми цветками в поникающих кистевидных соцветиях очень ядовито. Его белая вязкая смола, вытекающая при подсечке ствола, на воздухе довольно быстро твердеет и темнеет. Но она лишь сырье для получения знаменитого японского лака, технология изготовления, нанесения, сушки которого очень сложна и раньше держалась мастерами в секрете. Зато полученный лак обладает поразительной стойкостью и долговечностью, столетиями сохраняя первозданные блеск и стойкость. Им покрывали не только разнообразные художественные произведения и поделки, но и днища судов. Между прочим, плоды лакового дерева, как и плоды его ближайшего родственника — сумаха *Rh. succedanea*, нередко именуемого японским восковым деревом, тоже идут в дело: из них добывают растительный воск.

К тому же семейству сумаховых (анакардиевых) принадлежит и мастиковая фисташка — мастиковое дерево (*Pistacia lentiscus*). Во многих местностях современного Средиземноморья характерным элементом пейзажа являются густые, часто колючие и труднопроходимые заросли крупных кустарников и низкорослых деревьев — «маквис» по-французски или «маккия» по-итальянски. Отсюда и пошло название скрывавшихся здесь неуловимых отрядов французских партизан — маки, которые активно боролись в рядах Сопротивления против фашистских оккупантов в годы Второй мировой войны. Ботаники считают, что такая растительность пришла на смену прежним дубовым и сосновым лесам, покрывавшим некогда побережье Средиземного моря. Сейчас мастиковая фисташка — один из наиболее обычных видов, составляющих маквис. Древесина ее тяжелая, твердая, пригодная для токарных работ. При подсечке ствола вытекает густой сок — смолокамедь, известная под именем мастика.

Собирали ее еще в древнем Риме и Греции. Само название «мастика» — греческое и означает просто смолу. Существует также глагол mastako — жевать, указывающий на то, что в давние времена выделения мастикового дерева служили лакомством — «жвачкой». Впоследствии из мастики стали вырабатывать прозрачные защитные лаки, которыми покрывали художественные изделия, в частности живописные полотна. Близка к этому виду тоже здешняя уроженка — фисташка терпентинная (*P. terebinthus*), или терпентинное дерево. Смолокамедь ее дает терпентин, содержащий эфирное масло, в целом аналогичное по составу и действию скипидару. Подобного типа смолу, называемую в обиходе живицей, мы получаем, как правило, из хвойных деревьев, фисташка же — растение лиственное.

Когда знакомишься с тропическими деревьями, растущими у себя на родине, а не в оранжерее, то порой замечаешь у них, как говорят ботаники, новообразования — всяческие отклонения отдельных органов от нормальной формы. Очень часто виной тому — насекомые. Сплошь и рядом можно наблюдать, скажем, такую картину. Вот в редкой траве между обнажившихся корней вьется цепочка муравьев-листогрызов. У каждого в челюстях — кусочек листа, чуть не втрое превышающий размеры носильщика. Кажется, будто маленькие лодки с зелеными парусами лавируют между травинками. А ведь это настоящий грабеж: в короткое время листогрызы способны полностью «раздеть» дерево. Другие муравьи проникают внутрь ствола, веток, черешков и даже в мясистые пластинки листьев, поселяясь здесь надолго и всерьез и превращая дерево в живой муравейник.

Понятно, деревья вынуждены искать средства защиты, прибегая, в частности, к уже упомянутым новообразованиям. В некоторых случаях мы встречаемся со специальными образованиями, как бы нарочно предназначенными для колоний муравьев. Такие деревья часто носят название муравьиных, или мирмекофильных. Наиболее известным муравьиным деревом можно считать цекропию (*Cecropia peltata*), относящуюся к семейству крапивных. Полый стебель — этакая труба до 18 метров высотой, идущая от кроны почти до корней, представляет собой идеальный муравьиный дом. Но квартирующие в нем муравьи из рода ацтека (*Azteca*) получают кров и стол (а их излюбленное лакомство — выросты в основании листовых черешков) отнюдь не задаром. Они защищают цекропию от листогрызов. При малейшем признаке опасности отряды добровольных стражей дружно устремляются навстречу неприятелю. Цекропия — жительница островов Карибского моря,

однако свои муравьиные деревья есть в тропиках всех частей света.

Слоновые деревья по иронии судьбы, а вернее, по прихоти ботаников-систематиков, растут там, где слоны не водятся и не водились никогда. Это небольшие деревца с непомерно раздутыми стволами, которые оканчиваются несколькими тонкими веточками. Кто видел их, говорит, что они похожи на слоновьи хоботы, сжимающие букетик. Слоновые деревья вида *Pachycormus discolor* принадлежат к семейству сумаховых, а *Bursera microphylla* — к семейству бурсеровых. Родина их — северо-западная Мексика и юго-запад США. Поскольку оба вида обитают в пустынных районах, листья их на время сухого периода опадают, и в безлистном состоянии «хоботообразность» стволов особенно заметна.

С мамонтовым деревом, или секвойядендроном гигантским (*Sequoiadendron giganteum*), читатели более подробно познакомятся в главе «Короли и капуста». А пока можно сказать, что символика этого названия двоякая: мощь одного из самых крупных в мире деревьев рождает ассоциацию с самым крупным наземным млекопитающим, а долголетие позволило первым европейцам, открывшим его в горах Сьерра-Невада в 1850 году, считать это дерево современником мамонта. Позднее ботаники откорректировали действительный возраст патриарха североамериканских лесов. Считается, что самому большому мамонтову дереву, которое носит собственное имя «Генерал Шерман», свыше трех с половиной тысяч лет, то есть мамонтов на нашей планете этот долгожитель все же не застал.

Сейчас любители растений могут познакомиться с мамонтовым деревом не только по рисункам, описаниям, фотографиям и фильмам. Молодые секвойядендроны во многих городах земного шара приобрели права гражданства: одни — в коллекциях ботанических садов, другие — в уличных посадках. История же переселения мамонтова дерева в новые районы довольно любопытна. Открытие его связано с наплывом золотоискателей на «дикий запад» США во время так называемой золотой лихорадки. По рассказам, переселенец Д. Вудраф стал знаменит тем, что случайно под одним из мамонтовых деревьев обратил внимание на падающие сверху семена. Это были остатки завтрака белок, шелушивших шишки в недоступных человеку высях крон. Вудраф набил семенами свою табакерку и при случае отослал их к себе на родину, в штат Нью-Йорк. Семена незнакомого хвойного дерева приобрел питомник в городе Рочестер. Из полученных там четырех тысяч сеянцев несколько сот было отправлено за границу, главным образом в Англию. Это

были первые путешествия мамонтова дерева: сначала через американский континент, а затем и через океан.

Рис. 23. Так началось путешествие мамонтова дерева.

Но вернемся с гор Сьерра-Невады в тропики и познакомимся здесь с пушечным деревом. Носящая это необычное прозвище курупита гвианская (*Couroupita guianensis*) примечательна во многих отношениях. Ее крупные душистые розовые цветки сидят на извивающихся, как змеи, цветоножках в нижней части ствола. Тычинки в цветке собраны на особом выросте — андрофоре, которая изогнутой крышечкой нависает над центром цветка, и обращены пыльниками внутрь, в сторону пестика, а не наружу, как у большинства известных нам цветков. Но самыми удивительными у этого дерева считаются плоды. Они красновато-коричневые, гладкие и почти идеальной сферической формы. Их сравнивают с ядрами для старинных пушек, причем довольно крупного калибра (до 20 сантиметров). Впрочем, они недостаточно твердые, чтобы стрелять ими из орудий. Непригодны они и для еды. Между тем есть деревья, которые действительно могли бы претендовать на титул пушечных. Известно, например, что на вооружении японской армии еще в XX веке находились легкие орудия со стволами из … бамбука. В истории же гражданской войны в нашей стране встречаются упоминания о «деревянной артиллерии» сибирских партизанских

отрядов.

Париковым деревом скумпию (*Cotinus coggigria*) называют, по крайней мере, в двух языках: английском и немецком (wigtree и Perrűkenbaum). Это небольшое дерево или, скорее, крупный кустарник европейской части СССР. Его выделяют яркая лиловато-пурпурная окраска листьев некоторых форм, полыхающая среди меркнущих осенних тонов других деревьев, и своеобразие плодов, точнее, того, на чем эти плоды сидят. Чтобы читателю было яснее, посмотрим сначала, как устроено соцветие скумпии. Ее мелкие цветки собраны в рыхлые кисти на концах ветвей. Из одних после опыления образуются небольшие черноватые орешки, другие остаются стерильными и опадают. Это служит своеобразным сигналом для преображения всего соцветия. Цветоножки, на которых сидели стерильные цветки, заметно удлиняются и покрываются тонкими серебристыми волосками. Изменяется и цвет самих цветоножек: из красноватых они становятся пепельно-серыми. Дерево как будто покрывается дымчатыми ажурными облачками. Видимо, сходство этих образований с завитыми старинными париками и послужило столь необычному названию. Впрочем, скумпию зовут еще курящим или дымящим деревом (smoke tree).

Величественное североамериканское дерево с оригинальными остролопастными листьями в обиходе носит имя тюльпанного, а его родовое латинское обозначение *Liriodendron* в переводе значит лилейное дерево. Но в любом случае в основу имени легла ассоциация с крупным и ярким цветком. Шестилепестковый нежно-желтый околоцветник достигает 10 сантиметров в диаметре, но тюльпан он напоминает, пожалуй, лишь в начальной стадии цветения, в фазе полуроспуска бутонов. Полностью раскрывшийся, он больше похож на цветок магнолии, близким родственником которой и является тюльпанное дерево. Еще в меньшей степени цветки его сходны с цветками лилии. И может быть поэтому полное научное название тюльпанного дерева звучит как-то компромиссно: *Liriodendron tulipifera* — лириодендрон (лилейное дерево) тюльпаноносное.

Теперь речь пойдет об именах деревьев, связанных с драгоценными металлами. Золотым деревом в практике комнатного цветоводства называют аукубу японскую (*Aucuba japonica*), она же, как мы знаем, и колбасное дерево, — растение из семейства кизиловых. Обычно его жесткие блестящие листья окрашены в темно-зеленый цвет. Однако известно довольно много культурных форм с пестрыми листьями. На зеленом фоне у них ярко проглядывают золотисто-желтые точки, пятнышки, прожилки. Чем не золотоносный, с драгоценными блестками

песок. По-английски это сходство выражено еще более точно: gold-dust tree, то есть дерево золотого песка, золотой пыли. Интересно, что интенсивность этих вкраплений можно искусственно изменять: при соответствующем уходе они становятся гораздо ярче и многочисленней.

Серебряное дерево обычно в комнатной культуре не встретишь. Семейство протейных, к которому оно принадлежит, захватывает в своем распространении лишь тропики и субтропики Южного полушария. Основное разнообразие видов протейных распределяется между южной Африкой и Австралией. Для многих представителей этого семейства характерны цветки необычных форм и расцветок, собранные в довольно крупные соцветия. В 1975 году во время XII Международного ботанического конгресса в Ленинграде присланные делегатам из Африки в качестве сувенира цветы протейных кто-то метко окрестил «лунными цветами» — настолько они отличаются от привычной земной флоры. Кроме удивительных цветов, роднит протейных и строение листьев. У многих видов листья жесткие, прямо-таки жестяные, иногда покрытые шелковистыми волосками, словом, максимально приспособленные для сохранения влаги, что необходимо обитателям засушливых районов. К таким растениям относится и серебряное дерево (*Leucadendron argenteum*), чьи листья отливают на солнце ярким блеском серебристых волосков.

В поисках сравнения

Если вы хотите быстро и надолго запомнить какое-либо незнакомое слово, свяжите его по звучанию (фонетически) или по смыслу с уже хорошо вам известным. Таково одно из правил мнемотехники — искусства запоминания. Оно же справедливо и для звуков, красок, запахов, вкусовых ощущений и т. п. Наши предки, еще и не зная премудростей мнемотехники, успешно пользовались ее приемами. Да и как иначе, если того требовала сама жизнь. Ведь им приходилось запоминать множество разных растений: и полезных — пищевых, кормовых, лекарственных, пригодных для поделок, строительства, шитья одежды, обуви и для прочих нужд, и вредных — ядовитых, жгучих, болезнетворных. Сколько же изобретательности нужно было проявить человеку, чтобы найти подходящие и запоминающиеся названия и эпитеты!

Ну, скажем, телорез (*Stratiotes aloides*) — сразу понятно, что следует остерегаться его узких листьев, усаженных по краям острыми зубцами. Или одуванчик (*Taraxacum*), чьи семена-парашюты срываются и улетают даже от легкого дуновения. А ежеголовник (*Sparganium*) со своими растопыренными наподобие игл плодиками похож на ежа.

Еще больше растений, отличительным признаком которых стала их окраска. Достаточно вспомнить чернику, голубику, бруснику (старославянское бруснъ значит красный), синюху, белозор.

Некоторые виды различались по характерному запаху. Пахучий колосок (*Anthoxanthum*), или душицу (*Origanum*) даже с закрытыми глазами не спутаешь, например, с клоповником (*Lepidium*). Кто бывал на торфяных болотах, особенно в жаркий летний день, наверняка помнит сильный одуряющий запах, который плотным облаком висит надо мхом, и, кажется,

пропитывает все вокруг. А источник — листья багульника (*Ledum palustre)* — невысокого кустарничка из семейства вересковых. Название его произошло от старинного слова «багулить», отравлять. Ну уж а чем нам грозит болиголов (*Conium maculatum*), сомневаться не приходится. Впрочем, сильный и, как правило, не особенно приятный запах — особенность многих ближайших родственников этого ядовитого растения из семейства зонтичных.

А сколько трав человек перепробовал на вкус! И все брал на заметку, запоминал, откладывал в копилку народного опыта. Одних кислиц было, наверное, больше десятка. Это имя носили и часто носят до сих пор барбарис, горец альпийский, дикая груша, дикая яблоня, ревень, красная смородина, щавель и, наконец, настоящая кислица (*Oxalis acetosella*) — небольшое лесное растение с нежными светло-зелеными тройчатыми листьями. Не менее многочисленны горькие растения, объединяемые одним прозвищем горчица. Здесь и обыкновенный тысячелистник, и красный перец, и золототысячник, и различные горцы, что тоже созвучно слову «горечь» (например, водяной перец — *Polygonum hydropiper*). Сюда же входят ярутка полевая, и, наконец, семья наших обыкновенных горчиц: белая (Sinapis alba), которая разводится главным образом ради содержащегося в семенах горчичного масла, и сарептская (*Brassicá juncea*), из чьих обезжиренных семян и получают известный всем горчичный порошок, идущий на приготовление и популярной приправы, и жгучих медицинских горчичников. Стало быть, из всех горчиц серептская — самая что ни на есть горчичная! Правда, справедливости ради, следует сказать, что для этой цели используется также и горчица черная (B. nigra). А в бывшей Тверской губернии к горчицам причисляли все лютики. Между прочим, само это название дано растениям за едкий (лютый) вкус сока.

В нашей флоре есть многолетник, чьи небольшие ярко-красные плоды, похожие на крохотные помидоры, обладают любопытным свойством. Вначале они очень горькие, но по мере созревания постепенно становятся сладкими. В одном они постоянны — остаются ядовитыми. Данный вид из семейства пасленовых так и называется: паслен сладко-горький (рис. 24), что является прямым переводом латинского *Solanum dulcamara* (dulcis — сладкий, amarus — горький). Это растение фигурировало в средневековых травниках как Dulcis amara и широко применялось в медицине, начиная с XIII века. Недаром итальянский композитор Доницетти дал персонажу своей оперы «Любовный напиток» — шарлатану-доктору прозвище Дулькамара, по всей видимости, в честь двуликого лечебного

паслена.

Рис. 24. Паслен сладко-горький.

Издавна разнообразные косметические средства человек находил в растительном царстве. Например, источники всевозможных ароматов. Аналогичных им пахучих веществ животного происхождения было сравнительно немного. Из них самым популярным считался мускус — выделение мускусных желез кабарги, бобра и даже крокодила. А эфирные масла, продуцируемые особыми железистыми волосками на поверхности побегов или заключенные в специальные эфироносные хранилища в глубине тканей, пахучие смолы в многочисленных смоляных ходах — это и многое иное дарят нам растения. Исстари известны душистые и тонизирующие ванны, питательные и очищающие маски и кремы, притирания, духи, мыла и все прочее, что особенно ценят женщины с незапамятных времен. Древние римляне применяли лавандовую воду не только для умащения тел, но и для дезинфекции. Само название лаванды происходит от латинского lavare — мыть, умываться.

В индустрии духов дегустаторы различают шесть основных групп запахов. Цветочную группу возглавляют роза, настоящий жасмин, гардения. В пряную группу входят мускатный орех,

гвоздика, корица. Смолистая группа включает запахи сандалового дерева и кедра. Особо редкую группу составляют некоторые лишайники, в первую очередь «дубовый мох» (*Evernia furfuracea*). Запах листьев табака — образец «травяной» группы. Наконец, выделяют еще восточную группу, куда входят запахи различных экзотических тропических растений типа ванили.

В группе растений с цветочным запахом видное место занимает ландыш. Его аромат присутствует во многих духах и одеколонах, не говоря уже о таких как «Ландыш серебристый». Вот что говорит о названии этого растения «Краткий этимологический словарь»: «По всей вероятности, собственно русское образование с помощью суффикса — ыш от ладьнъ — „ладан“». Церковный ладан (он же фимиам) — смола тропического африканского дерева босвеллия Картера (*Boswellia carteri*) из семейства бурсеровых. Этот драгоценный ароматический продукт исстари был предметом торговли, трофеем военных походов, целью далеких экспедиций. Так, еще древние египтяне отправлялись в загадочную страну Пунт, находившуюся, как полагают, где-то в районе современного государства Сомали, чтобы добыть ладан и деревья, его производящие. На старинном рисунке, сделанном свыше трех тысячелетий назад, изображен корабль, на который грузят живые деревья босвеллии, а также коммифоры (*Commiphora*), дающей другое ароматное вещество — мирру.

В обиходе слово «ладан» уже прочно стало символом сильного и приятного запаха. Вот так и ландыш вошел в «ладанную» компанию. И недаром — здесь подобрались очень интересные растения. Входит в эту группу еще ладанник (*Cistus*) — небольшой кустарник, из которого перегонкой добывают ладанное масло — темно-зеленое или коричневатое, густое, с очень приятным запахом. Его широко используют в парфюмерной промышленности и ценят не только за аромат: масло ладанника служит закрепителем, фиксатором всех других запахов, придает им особую стойкость.

Несколько другое дело — бальзамы. Их название (от греческого balsamon — ароматическая смола) является собирательным для смол многих растений. Первая ассоциация, возникающая в связи с этим словом, — медицинская («бальзам на рану»). Действительно, рецепты лечебных бальзамов передавались по секрету еще в поколениях средневековых медиков. Да не только у них, но и в семьях — от родителей переходили к детям, к внукам и правнукам. Вспомните хотя бы слова Д’Артаньяна, обращенные к раненому Атосу: «У меня есть чудодейственный бальзам для лечения ран. Этот бальзам мне

дала с собой матушка, и я испытал его на самом себе. И что же? А то, что не далее как через каких-нибудь три дня вы — я в этом уверен — будете исцелены…». Впрочем, и сегодняшняя наука признает антисептические свойства ряда растительных смол, их противовоспалительное и ранозаживляющее действие.

Однако, кроме медицинских, есть еще бальзамы парфюмерные. Существует даже бальзамное дерево — мироксилон (*Myroxylon balsamum*), растущее в Центральной и Южной Америке, которое дает бальзамы двух типов — перуанский и толуанский, применяемые как в косметике, так и в медицине. В парфюмерии ценились не только ароматические растения, но и красильные, из которых получали помады, румяна, белила, а также красители для волос. Хна и басма — и средства, и названия восточные. Хна (хенна) произошла от арабского аль кенна. Эту знаменитую краску получают из тропического растения лавсония (*Lawsonia inermis*), встречающегося дико в Египте, Передней Азии и Индии, а в культуре распространенного гораздо шире. Его измельченные молодые побеги — это и есть зеленый порошок хны, дающий темно-красные тона. Хной издавна красили и ткани, например те, в которые были завернуты мумии египетских фараонов. А басма — тюркское название кустарника, именуемого по латыни *Indigofera tinctoria*, что прямо указывает на применение этого растения (fero — значит «несу», tinctoria — красильная, а вместе — индигоноска красильная). Индиго — одна из самых стойких в мире синих красок, прозванная за свои свойства королевой красящих веществ. Если же говорить о косметике, то в смеси с хной басма придает волосам и бровям красивый синевато-черный цвет, на протяжении многих веков успешно создавая искусственных жгучих брюнеток.

Немало «косметических» названий и в русском языке. Румянка, бабьи румяна, краснокорень, красная трава и, наконец, просто румяна — это все относится к растениям вида *Echium rubrum* (семейство бурачниковых). Из красных покровных тканей их корней получались первоклассные румяна. Подобное применение находили и корни других представителей этого семейства: оносмы (*Onosma echioides*), она же румяница, румянка, румяная трава, а также воробейника (*Lithospermum arvense*), прозванного в народе румяницей. Прямое указание на использование находим мы в названиях «мыльнянка» или «мыльный корень» (*Saponaria officinalis*). В подземных частях этого травянистого растения содержится пенообразователь сапонин. Он и по сей день входит в состав моющих шампуней.

Поговорим теперь о других характерных особенностях и связанных с ними именах растений. Вспомните, например, свою

последнюю прошлогоднюю лыжную прогулку по лесу в самом конце зимы по ноздреватому, осевшему и посеревшему снегу. То и дело вам приходилось встречать проталины, обнажившие пожелтевшую траву и жухлую листву. И вдруг — зеленый росток, пробивший губчатую снежную толщу. Его бутоны еще не развернулись, и пока трудно судить, каким будет цветок. Вокруг тонкого стебелька снег уже протаял, образовав неглубокую воронку. Первый появившийся из-под снега цветок — победитель, предвестник весны. Какое бы имя вы дали ему, доведись вам быть его открывателем? Почти наверняка — «подснежник». Вообще-то, названия растений, связанные со сроками их сезонного развития, — одни из самых старых и распространенных в любом языке. Их довольно много, и среди них часты омонимы — имена одинакового звучания, которые носят самые разные растения. Те же подснежники — это целая группа порой ботанически весьма несхожих видов, но обязательно зацветающих рано по весне. Здесь и горицвет-адонис (*Adonis vernalis*), и гусиный лук (*Gagea*), и пролески (*Scilla*), и ветреницы (*Anemone*) — все они кое-где именуются подснежниками. А чтобы избежать путаницы, ботаники предложили называть подснежником только галантус (*Galanthus*) из семейства амариллисовых. Однако его изящный молочно-белый цветок знаком не всем: у нас он встречается лишь на Кавказе, в Крыму и на западе европейской части страны.

Еще одним собирательным названием такого рода является первоцвет. Официально оно присвоено растениям из рода примула (*Primula*) и в переводе означает «первый». Этот род объединяет более 500 видов и распространен главным образом в горных районах Северного полушария, в частности на Кавказе, в Гималаях, Тибете, а один его представитель добирается на юг даже до Магелланова пролива. В наших среднерусских лесах часто можно встретить самый обычный вид — первоцвет весенний (*P. veris*), называемый еще баранчиками, или ключиками. Пожалуй, второе название понятнее: у повислых на конце безлистного цветоноса бледно-желтых цветков, несомненно, есть сходство со связкой миниатюрных ключей. Как бы то ни было, а большинство примул цветет, действительно, довольно рано. Здесь и низкорослые бесстебельные примулы, и примулы ушастые, прозванные так за широкие, довольно мясистые листья, и многие другие виды. Но среди них существуют и не только предвестники весны. Например, относящаяся к субтропическим растениям примула обратноконическая (*P. obconica*), которая иногда цветет в наших комнатах почти круглый год, безусловно, потеряла право называться первоцветом. В обиходе же, если так можно

выразиться, неофициально, первоцветами зовут медуницу (*Pulmonaria*), селезеночник (*Chrysosplenium alternifolium*) и некоторые иные, в основном лесные растения.

Ритм развития растений или, как говорят ботаники, фенологическое их состояние дает основу и для названий других видов. Достаточно вспомнить майник — и вы легко догадаетесь, что это один из обитателей майского леса. А вот слово «зимовник» рождает ассоциацию с чем-то не боящимся ни снегов, ни морозов. Может ли быть такое? Оказывается, может. Интересное растение, носящее это имя, относится к семейству лютиковых, встречается у нас на Кавказе и в Карпатах, благополучно зимует, часто сохраняя свои кожистые, словно жестяные листья, и цветет в феврале-марте.

Некоторые связанные с рассматриваемыми особенностями растений русские названия, появившиеся сравнительно недавно, повторяют латинские. Веснянка — крохотное крестоцветное с плотной розеткой маленьких листьев — порой в изобилии цветет на слабозадернованных склонах уже с середины апреля. Латинское ее имя *Erophila* произошло от греческих er — весна и phileo — люблю. Можно было бы перевести его как веснолюбка, если бы это не звучало несколько искусственно. А вот название «зимолюбка» (*Chimaphila*) для зимующего с поднятой над землей розеткой листьев растения из семейства грушанковых прижилось и стало общеупотребительным.

Очень многочисленна группа растений, чьи названия связаны с местами их обитания. Например, несомненно, что поручейница и поручейник — виды прибрежные, любящие влагу, как и водяная сосенка, водяной орех, водяной гиацинт. А вот калужницу вряд ли кто заподозрит в пристрастии к воде. Между тем полагают, что ее название произошло от слова «калуга», что значит болото. Не слишком ласкающие слух прозвища пустырника и окопника тоже напоминают нам о местах их частого произрастания. Куда благозвучнее, скажем, эремурус. Греческое eremia — пустыня дало основу для латинского названия этого красивейшего растения степей и пустынь. На русский оно переводится как пустынный хвост и довольно метко определяет его пикообразные, торчащие белые, розовые или желтые соцветия.

Романтическая элодея (*Elodea*) происходит от весьма прозаического греческого helodes — болотный, рожденный в болотах. Вечнозеленый кустарник розмарин впервые был найден на орошаемых брызгами волн приморских скалах южной Европы, что и отразилось в его названии (ros — по-латыни роса, marinus — морской). А почему популярное ныне декоративное растение прозвали гипсофилой (*Gypsophila*) — гипсолюбкой, наверное,

пояснять не нужно.

Естественно, что названия, очень метко отражающие какую-либо особенность растения, бытуют у всех народов мира. Вот, например, как называют некоторые растения англичане. Скажем, хвощ весьма разнообразен по форме надземных органов. У хвоща лесного они длинные, сильно разветвленные, наподобие мутовок сосновых игл, и поэтому его зовут Horse tail — лошадиным хвостом (кстати, его родовое латинское название *Equisetum* переводится как лошадиный волос). Хвощ с короткими, торчащими в стороны жесткими стеблями именуют Bottlebrush — щетка для чистки бутылок. А прозвище Shave grass — трава для бритья — содержит шуточный намек на острошероховатую царапающую кожу поверхность хвощей. Или голубой василек — Corn flower — цветок хлебного поля.

Распознавая растения, отделяя полезные от вредных, наши предки пытались отыскать какие-либо характерные их признаки, обнаружить пусть маленькие, но закономерности, которые помогли бы им в этом. Так, существовало поверье, что исцеление от болезни можно найти в том же месте, где она «прицепилась». Иногда приходил случайный успех. Например, было обнаружено, что растущая у воды ива дает целебное средство от ревматизма — заболевания, нередко связанного с долгим пребыванием человека во влажных условиях. А дело в том, что ее кора содержит гликозид салицин, названный по латинскому имени ивы Salix. После соответствующей обработки из этого гликозида образуется салициловая кислота, которая стала основой популярнейшего аспирина. Долгое время ива была почти единственным источником сырья для изготовления данного лекарства, и лишь в начале нашего века салициловую кислоту впервые синтезировали искусственно.

Но очень часто в поисках сравнения (а именно так мы назвали эту главу) человек шел неверным путем, руководствовался чисто внешними признаками, толковал их сходство слишком упрощенно, буквально. В первой половине XVI века знаменитый целитель и алхимик Теофраст Бомбаст Гогенгейм, подписывавший свои сочинения латинским именем Парацельс, провозгласил свою «Доктрину сигнатур», где утверждал, что в форме растений есть сходство с той частью тела человека, которую растение способно вылечить. Это своего рода знак, рецепт (сигнатура) лекарственных растений. Такая доктрина по своей сути не оригинальна: еще в древнем Китае корень женьшеня сравнивали с фигурой человека. Благодаря наглядности и простоте доктрина Парацельса быстро завоевала признание средневековых медиков. Возникла так называемая

симпатическая медицина, основной принцип которой — «подобное лечи подобным».

Итальянский ученый и путешественник Джанбатиста делла Порта, человек жадный до знаний, но далеко не критически их систематизировавший, выпустил в 1588 году книгу под названием «Фитогномоника». По мнению автора, растения с желтым соком полезны от желтухи, нитевидными листьями самых разных растений можно врачевать от облысения, а виды, обладающие членистым стеблем, дают лекарство от укусов скорпионов. На рисунке 25, взятом из этой книги, собраны вместе три различных растения. Семена граната, кедровой сосны и подземные органы зубянки или, может быть Петрова креста соседствуют здесь… с человеческой челюстью, и их весьма относительное сходство будто бы и есть прямое указание на возможное применение этих растений от зубной боли. Кстати, латинское и русское названия (*Dentaria* и зубянка) — отголосок такого сравнения. Отвары из сердцевидных листьев деревьев и кустарников (а таких довольно много) прописывали страдающим сердечными недугами, настои из соцветий головок — от головной боли и т. д. Русское название «печеночница» — калька латинского обозначения этого низкорослого ранневесеннего растения (*Hepatica*) с тройчато-лопастными, отдаленно напоминающими печень, листьями (hepar — по-латыни печень).

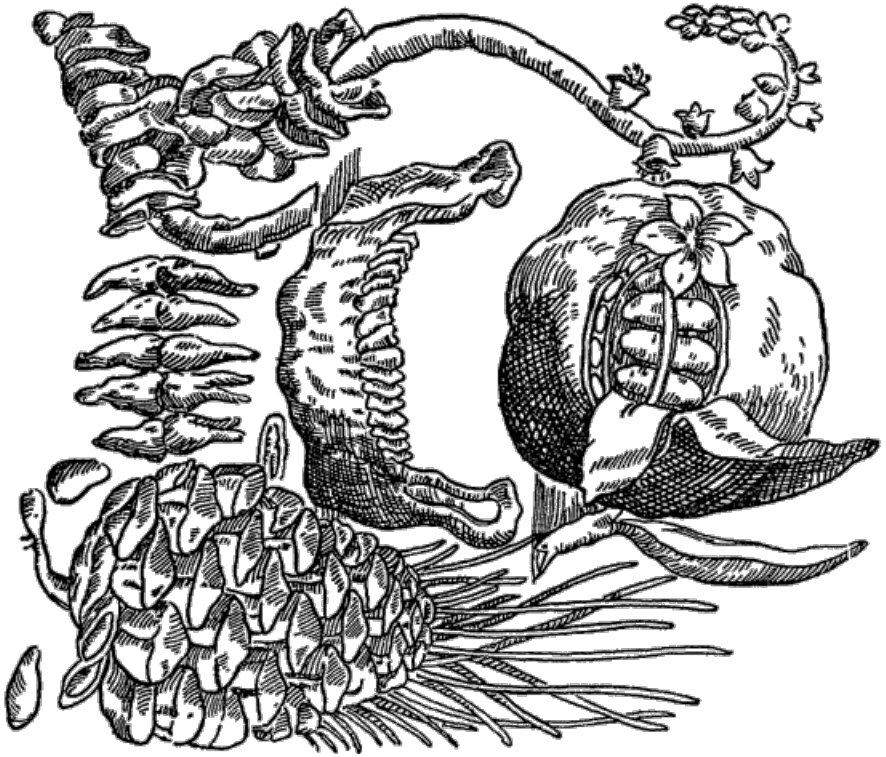


Рис. 25. Растения, рекомендуемые от зубной боли в симпатической медицине.

В немалой степени запутали дело и астрологи, приписав еще влияние небесных светил на растения-целители. Внесли свой вклад и средневековые знатоки минералов. Вот что говорит об этом В. Н. Дав, автор книги о суевериях, связанных с камнями: «Темно-зеленый камень, пятнистые разновидности которого несколько напоминают рисунком змеиную шкурку, называется серпентинитом (латинское serpens и значит — змея). Аналогично образовано и русское название этого камня — змеевик. Разумеется, фирменное средство симпатической медицины от змеиных укусов — лепешка из смешанного с патокой молотого серпентинита, которую нужно прикладывать к месту укуса». Ну, как тут не вспомнить описанную Плинием траву драконтею, якобы излечивающую от укусов змей, «ибо она имеет сходную со змеиной пятнистую кожу».

Рис. 26. От любой хвори…

Известный знаток названий растений Н. И. Анненков еще сто лет назад писал: «Весьма многие названия растений представляют буквальный перевод их фармацевтических названий, а эти последние в свой черед составляют повторение названий, употребительных в средние века». Давайте совершим небольшой обзор таких растений. Далеко не всегда представления о них связаны с доктриной Парацельса, но у большинства лечебное действие либо весьма сомнительно (с точки зрения современной медицины), либо указания на него и вовсе ложны.

Растение алиссум (*Alyssum*) в древности считалось средством от укусов бешеных собак (по-гречески «а» — против, lyssa — безумие). Селезеночник в своем научном названии *Chrysosplenium* несет греческое splen — селезенка, что говорит о возможном применении его в прошлом против болезней селезенки. Всем известная резеда (*Reseda*), оказывается, тоже слыла лекарственной травой, применявшейся от … синяков. Об этом напоминает греческая основа названия resedo — исцелять. Название декоративного растения скабиозы (*Scabiosa*) созвучно слову scabies — чесотка. По-видимому, скабиоза использовалась в лечении кожных болезней. Однако было бы совершенно неверным утверждать, что все старинные имена лекарственной флоры ошибочны. Скажем, современное фармакопейное растение валериана пронесло свои свойства, отраженные в названии, через многие века (латинское valere означает быть здоровым). Кстати, порой только латынь сохраняет память о лечебном применении растения, а другие языки отражают совсем другой признак. Так, русская медуница на латыни зовется *Pulmonaria* и обязана этим

слову pulmo — легкое: ее листья применялись при лечении легочных заболеваний.

Но вот пример несколько особый, хотя тоже связанный со средневековой медициной. Одно и то же растение на языках многих европейских народов несет один и тот же смысл. Кошачья лапка — так называют его по-русски. Cat's foot — кошачья лапа — звучит оно по-английски. Тот же перевод имеет французское pied de chat и немецкое Katzenpfotchen. Соцветия этого растения действительно похожи на подушечки кошачьих лап: белые, пушистые, мягкие. Но чтобы так точно воспроизвести это сравнение на разных языках! Подобное совпадение невольно вызывает удивление, тем более что на латыни все иначе: *Antennaria* — от antennae — антенны, усики насекомых, утолщенные на концах. И однако же разгадка данного феномена именно в латыни, но не в ботанической, а в фармацевтической. Старинные травники определяют: Pes cati — кошачьи лапки! Значит, все современные имена растения на разных языках — это калька, буквальный перевод его прежнего фармацевтического названия. Кстати, известно и лечебное свойство кошачьих лапок — они до сих пор применяются против кровотечений.

А теперь снова слово Н. И. Анненкову. «Весьма многие названия растений, — пишет он, — произошли от названий тех болезней, противу которых употребляются или употреблялись разные травы. Некоторые из этих названий или уже вышли из употребления, или суть местные провинциальные выражения.» Что же это за названия? Ну, слышали, вы, положим, о выпадошной траве? А о самом недуге — выпадке? Вряд ли, хотя, несомненно, знаете и то, и другое, но под иными названиями. Выпадок — это просто сыпь, а выпадошная трава — обычная многолетняя астра (*Aster amellus*).

Некоторыми растениями лечили домашних животных. Норичник дал свое имя целому семейству норичниковых. А расшифровывается это название так: лекарственное растение от болезни норица. Что же это за такая хворь? Спросите знающих ветеринаров, и большинство из них, видимо, в ответ только пожмут плечами. Кстати, дело тут совсем не в том, что болезнь редкая. Просто термин «норица» (производное от нора — язва, изъязвление холки лошадей) сейчас вышел из употребления, оставшись лишь в имени растения.

Приведем примеры названий, связанные с применением совсем другого рода. Допустим, с музыкой. Дудник — зонтичное растение с полым стеблем, перехваченным плотными узлами. Если срезать междоузлие вместе с узлом и затем рассечь по всей длине, то оно превращается в простейший духовой инструмент. А

подмаренник желтый (Galium verum) англичане окрестили весьма вычурно: Lady's bedstraw, что буквально означает сено для набивки постели леди. Этой душистой травой в старину набивали матрацы.

В своей охоте за растениями человек сталкивается с довольно частым явлением — своеобразной мимикрией в растительном царстве. Хочет он, например, собрать весной молодую крапиву на зеленые щи, а сорванные побеги почему-то не жгутся. На поверку оказывается, что это вовсе не крапива, хотя листья очень похожие. Так появляется в обиходе глухая крапива (она же яснотка белая), а за нею несъедобный гусиный лук, который не в состоянии заменить лук огородный, горький конский щавель, цыганский ревень — корни обыкновенного лопуха, конский редис — хрен и прочие дублирующие названия. Особенно много таких «дублеров» можно найти в мире грибов: ложный опенок, ложная лисичка, ложный валуй. Впрочем, подобный нелестный эпитет и сам по себе ложный: разве виновато растение в том, что похоже на какое-то другое?

Названия-гибриды

Вспомним шуточное детское стихотворение: «Показал садовод нам такой огород, где на грядках, засеянных густо, огурбузы росли, помидыни росли, редисвекла, чеслук и репуста». У этих чудесных растений-гибридов и названия гибридные, очень точно говорящие нам об их происхождении и в комментариях, видимо, не нуждающиеся. С такого вот забавного примера мы и начнем разговор о той информации, которая заложена в названиях ряда культурных растительных форм.

Подобные имена могут быть разного рода. Чаще всего после двойного, бинарного латинского или русского названия следует наименование культурной разновидности или определенный цифровой индекс, под которым это растение передано для массового возделывания (например, груша Сеянец Киффера, кукуруза ВИР-25 и др.). В повседневной производственной практике культурные формы обычно называют сортами, однако в нашей стране настоящий сорт — это только такая культурная форма, которая прошла государственное сортоиспытание и районирована на определенной территории.

В международной практике принят термин, объединяющий все разнообразие культурных форм, — культивар (сокращенно cv). Происходит он от словосочетания cultvated varieties — культивируемые разновидности. «Кодекс номенклатуры культурных растений» определяет его как «совокупность культивируемых растений, которая явственно отличается какими-либо признаками… и которая при воспроизведении (половом или бесполом) сохраняет свои отличительные признаки».

Селекционеры-профессионалы и любители ежегодно пополняют и без того очень пространный список различных культиваров. Но не все их первоначальные названия становятся официальными. Часть из них приходится браковать.

Действительными, имеющими приоритет считаются только те, которые опубликованы и зафиксированы в национальных и интернациональных органах регистратуры. Но даже при весьма жестких ограничениях списки культиваров достаточно велики. Скажем, у роз их не менее 25 тысяч, у яблони — свыше 10 тысяч, по нескольку тысяч у риса, мягкой пшеницы, садовых тюльпанов. А коллекция одной лишь кукурузы во Всесоюзном институте растениеводства имени Н. И. Вавилова насчитывает 8000 сортов.

Можно отметить определенную закономерность в подборе названий культиваров. Многие из них, например, названы по создавшим их учреждениям. Так, Всесоюзный научно-исследовательский институт селекции и семеноводства овощных культур вырос на базе Грибовской селекционной станции, где получены широко известные сорта свеклы Грибовская плоская, фасоли Грибовская 92, томата Грунтовой Грибовский и ряд других. Земляника Красавица из Загорья, Поздняя из Загорья выведены в питомниках известного научно-исследовательского института садоводства нечерноземной зоны, находящегося в пригороде Москвы — Загорье. Подсолнечник ВНИИМК 8883, ВНИИМК 6540, ВНИИМК 1646 создан сотрудниками Всесоюзного научно-исследовательского института масличных культур. Широко известный в нашей стране и за рубежом озимый сорт Мироновская 808 родом из Мироновского научно-исследовательского института селекции и семеноводства пшеницы.

В названиях сортов мы часто видим местности, где эти сорта родились и впервые районированы: апельсин Лучший сухумский, лимон Новогрузинский, черная смородина Чемпион Приморья, хлопчатник Ташкент 1, Ташкент 2, Ташкент 3. Вообще-то, подобный принцип присвоения имен традиционен.

Географическую информацию мы сплошь и рядом встречаем и в названиях старых сортов народной селекции: репа Соловецкая, огурцы Муромские, лимон Павловский.

Пожалуй, о последнем фрукте стоит поговорить особо. Село Павлово на Оке издавна славилось своими мастерами по металлу. По всей стране расходились павловские ножи, вилки, замки и другие нужные в быту вещи. А вот с конца прошлого века к ним прибавились еще и … лимоны. Их, как говорят, завезли сюда из Турции и в течение нескольких десятилетий в этом нижегородском селе расцвела своя, можно сказать «избяная» культура этого субтропического плодового дерева. Черенками и отводками экзотическая в наших северных краях культура широко разошлась по стране. Причина такого успеха очень простая. Павловский лимон, как никакой другой, устойчив в условиях

недостатка света и перепадов температур, что как раз и характерно для крестьянских изб. И еще одно положительное свойство лимона с берегов Оки: он низкорослый, очень удобный для горшечной и кадочной культуры. Пусть плоды у него не такие уж крупные, зато они сочные и ароматные.

Ныне Павлово — большой промышленный город. Но и старое дело не забыто. И сегодня павловские золотоплодные лимонные деревца можно видеть на подоконниках домов в самых разных уголках нашей страны.

В названиях некоторых сортов звучат имена их создателей: груша Бере зимняя Мичурина, малина Новость Кузьмина, яблоня Ренет Симиренко, горох Жегалова 112, томат Штамбовый Алпатьева, картофель Лорх. Знаменитые сорта, знаменитые имена ученых и селекционеров.

Очень обычны названия, отражающие какое-нибудь качество сорта: ежевика Изобильная, яблоня Коричное полосатое, груша Бессемянка, редис Розовый с белым кончиком. А уж такие популярные, как Победа, Победитель, Триумф, Успех, Великан, Красавица, Гигант, Ранний, Поздний, Скороспелый, Урожайный, существуют у многих культур. По названиям можно даже проследить, так сказать, генеалогию сорта, его происхождение. Так, например, у абрикоса есть сорта Краснощекий и Сын Краснощекого.

Фантазия, воображение и пристрастия селекционеров, отраженные в названиях выведенных ими культиваров, воистину неисчерпаемы. Известный голландский цветовод Лефебер, неоднократно бывавший в Москве, вывел сорта тюльпанов Большой театр и Галина Уланова. В каталоге фирмы Ван Туберген можно найти гибридные тюльпаны, носящие имена великих композиторов: Берлиоз, Глюк, Иоганн Штраус, Вивальди. Чего только не встретишь в подобных каталогах: Her Grace — Ее Грация, Jewel of Spring — Алмаз Весны, White Triumphator — Белый Триумфатор, Smiling Queen — Улыбающаяся Королева и т. д. Но нельзя забывать, что название культивара за рубежом — это своего рода реклама. И порой она становится назойливой, непомерной. Чтобы избежать коммерческого оттенка в названиях разводимых для продажи сортов или хотя бы смягчить его, в правила ботанической номенклатуры введено следующее ограничение: «Следует избегать названий, преувеличивающих достоинства растений, например, Earliest of all — Самый ранний из всех, Longest of possible — Наивозможно длинный и т. п.» Заметьте, что это правило не категорично, оно звучит как пожелание, чем пользуются коммерсанты, продолжая поставлять на рынок новые культивары с «завлекательными» названиями.

Есть в своде правил и другие регламенты для любителей сочинять имена, например, о неприменимости очень длинных слов и словосочетаний. Особенно это касается немецкого языка, составные слова которого Марк Твен сравнивал с бесконечными, уходящими вдаль рельсами, концы которых теряются из виду. Как вам понравится, скажем, Diplomgartenbauinspector — дипломированный садовод-инспектор?

Рис. 27. В честь великой балерины…

Великолепный современный гибрид пшеницы (*Triticum*) и озимой ржи (*Secale*) вполне закономерно носит и гибридное название тритикале (× *Triticale*), или тритикосекале (× *Triticosecale*). Знаменитый церападус Мичурина *Cerapadus* произошел от скрещивания вишни (*Cerasus*) с черемухой (*Padus*). Впрочем, церападус для селекционеров и систематиков не является чем-то чрезвычайно удивительным. Межродовых гибридов и соответственно межродовых гибридных названий в семействе розоцветных, куда входят и вишня, и черемуха, особенно много. Их можно узнать по знаку «×», означающему скрещивание. Здесь мы находим гибриды рябины и груши (*Sorbus* × *Pyrus* = × *Sorbopyrus*), так сказать, рябигрушу, миндаля и персика (*Amygdalus* × *Persica* = × *Amygdalopersica*), абрикоса и сливы (*Armeniaca* × *Prunus* = × *Armenoprunus*), рябины обыкновенной и черноплодной (*Sorbus* × *Aronia* = × *Sorbaronia*) и ряд других. Своеобразная «предрасположенность» к гибридизации часто затрудняет определение видов и даже родов. Немало подобных гибридов и среди цитрусовых, где мы отыщем лимондарины, лимонанжи (гибриды лимона с апельсином), лимонаймы — гибриды лимона с лаймом — австралийским

пустынным цитрусом, единственным в этом семействе, встречающимся дико вне границ Азии.

Любителям-растениеводам хорошо известен топинамбур (*Helianthus tuberosus*) — клубненосный подсолнечник. Это древнее пищевое растение американских индейцев, в своих клубнях содержит в большом количестве полисахарид инулин. Он хорошо усваивается организмом человека и, кроме того, очень ценен для диетического питания, так как заменяет при диабете сахар и крахмал. Селекционеры получили гибрид топинамбура с подсолнечником *H. annuus* и назвали его топинсолнечником. Он оказался кладезем очевидных достоинств: дает обильную и пригодную для силосования зеленую массу, большой урожай клубней, семена его зачастую содержат много масла, а сами растения обладают высокой устойчивостью к болезням и вредителям.

Известный американский селекционер Лютер Бербанк в начале нашего века вывел гибрид душистого табака и петунии, который назвал никотунией (*Nieotiana* × *Petunia* = × *Nicotunia*). Гибрид, несмотря на свою привлекательность, в широкую культуру не пошел, поскольку был стерильным. Наконец, в том же семействе пасленовых исследователи в результате сложных генетических экспериментов получили совсем уж необычный, но потенциально очень ценный гибрид. Вот что писала об этом газета «Известия»: «Западногерманскому ученому профессору Георгу Мехерсу удалось создать путем соединения клеток помидора и картофеля новое растение, названное им „томоффель“ — что-то вроде „помидорокартофель“. И хотя его клубни и плоды еще малы и невзрачны на вид, сам этот факт, по словам журнала „Шпигель“, представляет собой большое научное достижение в генетике».

Намного чаще в селекционной практике получают межвидовые гибриды. И опять-таки на их происхождение нередко указывают «гибридные» названия, но уже не родовые, а видовые. Например, лилия сульфургале (*Lilium* × *sulphurgale*) получена в 1915 году немецким селекционером Ф. Шейбелем в результате скрещивания двух других лилий: королевской (*L. regale*) и серо-желтой (*L. sulphureum*). У любителей-цветоводов можно найти также лилию мархан (*L.* × *marhan*) — гибрид лилии саранки (*L. martagon*) и лилии Хансона (*L. hansonii*).

А теперь вернемся к огурбузам и помидыням из детского стихотворения, которым мы начали главу. Но то, что позволено поэту, видимо, не разрешено селекционеру. Во всяком случае статья 31 б «Международного кодекса номенклатуры культурных растений» считает недействительными названия культиваров

гибридного происхождения, образованные путем сочетания частей латинских эпитетов родительских видов. Проще говоря, латинские названия типа наших огурбузов официально запрещаются. Однако на практике мы все же сталкиваемся с нарушениями данной статьи: уж больно заманчиво показать в названии всю необычность выполненных скрещиваний.

Конечно, помидыни и редисвекла хороши лишь для веселого, шуточного стиха. Подобные кентавры, созданные фантазией автора, — из растений разных семейств: помидоры — относятся к пасленовым, дыни — к тыквенным, редис — к крестоцветным, свекла — к маревым. Вряд ли в действительности могут они существовать и размножаться. А вот огурец и арбуз происходят из одного семейства тыквенных, чеснок и лук родом из лилейных, репу и капусту объединяет семейство крестоцветных. В принципе легче всего представить себе гибрид лука (*Allium cepa*) и чеснока (*A. sativum*), поскольку они одного рода. Теоретически возможно сочетание огурца и арбуза. Что же касается репусты, то она существует на самом деле. Причем получали подобные гибриды неоднократно: при скрещивании репы и капусты и при скрещивании редиса и капусты. В большинстве случаев они не удовлетворяли селекционеров. В потомстве обычно шло интенсивное расщепление на формы, мало отличающиеся от родительских, или полученная репуста была бесплодной, стерильной. Последний кандидат в узаконенную репусту, созданный несколько лет назад советскими селекционерами и названный Дружба 100, еще ждет своей строгой и всесторонней проверки.

А пока в нашей жизни прочное место занял ближайший родственник репусты, которого все знают под именем … брюква. Изучая эту огородную культуру, ученые пришли к выводу о ее гибридном происхождении и даже назвали ее родителей — листовую капусту и сурепицу, иначе дикую редьку. Возник же этот гибрид давно и без помощи человека. Воспроизведя в лабораториях и на полях стихийный опыт природы, экспериментаторы получили как раз то, что ожидали — рукотворную брюкву.

Семейства Зевса и Юпитера

А сейчас нам предстоит совершить небольшое путешествие в таинственную область мифического, сказочного, легендарного. Начнем мы его с Древней Греции, с тех мест, где, согласно преданиям, обитали боги. Настало время, как мы обещали, познакомиться с ними поближе, а вернее, с растениями, названными в их честь. Гора Олимп на северо-востоке страны была резиденцией основного сонма богов-олимпийцев, а южнее поднималась гора Парнас — пристанище, так сказать, высокородной богемы.

Древние греки прекрасно знали своих богов и давали им исчерпывающие характеристики. Почти то же самое можно сказать и о ранних ботаниках-систематиках. Сплошь и рядом они использовали мифические имена и понятия для обозначения новых, открытых ими растений. И особенно кстати тут сказалось многочисленное и разветвленное семейство бога-громовержца Зевса.

Самому владыке Олимпа, не отличавшемуся излишней скромностью, достался как раз весьма скромный цветок. Латинское название гвоздики *Dianthus* происходит от еще одного имени отца богов — Дий. Если учесть, что древним грекам были известны лишь сравнительно невзрачные дикие гвоздики, то, пожалуй, Зевс мог бы избрать для себя цветок более, так сказать, пышный, представительный. А вот его жене Гере посвящена белоснежная лилия (*Lilium candidum*), или лейрион, как называли ее греки. По преданию, она выросла из капель молока, которым богиня кормила младенца Геракла — будущего великого героя.

Рис. 28. По преданию, из капель молока Геры взошла

белоснежная лилия.

Есть мемориальные растения и у братьев Зевса — владыки морей Посейдона и мрачного повелителя подземного царства Аида. Посейдония (*Posidonia*) — род, представленный исключительно водными, растущими у морских побережий цветковыми растениями, что как нельзя лучше соответствует сфере влияния Посейдона. Тропический же род аидия (Aidia) относится к семейству мареновых.

Из дочерей Зевса самая любимая — Афина Паллада, богиня мудрости, покровительница древней столицы Аттики, которая теперь носит ее имя. Обычно Афину изображают с оливковой ветвью в руке. Оливковое дерево — растение, посвященное этой богине. По преданию, Посейдон и Афина спорили о том, кто будет обладать страной. Посейдон ударил в скалу трезубцем, скала распалась, из нее забил источник чистейшей воды. В засушливой Аттике вода — настоящее богатство. В противовес Посейдону Афина подарила грекам оливковое дерево и тем выиграла спор. Драгоценное масло, отжатое из плодов этого дерева, посвященного с той поры богине, и дало ему название (olea — по-латыни масло).

Самая же привлекательная среди дочерей Афродита — богиня любви и красоты. А где любовь, там и цветы. И именно Афродите принадлежит, как сказали бы теперь, авторство в создании алой розы, которую древние греки и посвятили этой богине. Раньше, согласно мифу, все розы были белые. Но однажды, узнав о смерти Адониса, растерзанного на охоте свирепым вепрем, богиня, не помня себя от горя, бросилась к месту его гибели, не замечая ранивших ее острых шипов дикой розы — шиповника. Капли ее крови, попав на белые цветки, превратили их в ярко-красные. В честь Афродиты, которую звали еще Кипридой (по острову Кипр, где она родилась из морской пены), названы несколько орхидей и среди них циприпедиум (*Cypripedium*) и фаленопсис Афродиты (*Phalaenopsis aphroditae*) — изящные и яркие цветы.

Третью дочь Зевса — богиню охоты Артемиду изображают с луком и стрелами. Однако, кроме того, она считалась покровительницей рожениц и поэтому ее растение — полынь, или артемизия (*Artemisia*), которую в прошлом употребляли при лечении некоторых женских болезней.

А имя Гебы — самой молодой дочери Зевса, богини юности — звучит в названии похожего на нашу веронику древесного растения Южного полушария гебе (*Hebe*).

Теперь пора хотя бы коротко рассказать о сыновьях Зевса. В

честь проворного, сообразительного Гермеса, вестника богов с крылатыми сандалиями на ногах, а по совместительству еще и покровителя пастухов, путников и купцов, был выделен род гермесия (*Hermesia*) в семействе молочайных, который, впрочем, впоследствии стал носить другое название — альхорнея (*Alchornea*), Гермес при этом, естественно, был забыт.

Разбитного, беззаботного и хмельного Диониса (Вакха) — бога виноградарства, вина и веселья, насылающего во время празднеств безумие (читай — опьянение) на смертных, обычно изображали увитым виноградными лозами. Но есть в растительном мире и прямая память о Дионисе — в названии рода дионисия (Dionisia) — представителя семейства первоцветных.

Среди сыновей Зевса особенно выделяется Аполлон. Не столько потому, что он бог-целитель, бог-прорицатель, который к тому же может дарить эту способность людям. Прежде всего он покровитель искусств, безраздельный владыка второй резиденции богов — Парнаса, где его окружает блестящая свита. Красивый, стройный юноша с луком или тонкозвучной кифарой в руках, он популярен и у богов, и в кругу муз и граций, а еще больше чтим за пределами Олимпа и Парнаса — простыми смертными. Ему посвящен лавр — символ славы, победы и мира. Жесткие листья лаврового венка зеленым серебром отблескивали на головах лауреатов — победителей спортивных, музыкальных, поэтических и иных баталий. Эти листья жевали жрецы Аполлона — лавроеды, чтобы усилить способность предсказывать будущее.

Среди семейства лавровых нашлось место и еще одному роду, посвященному Аполлону, — аполлониас (*Apollonias*). Описана ботаниками и пихта Аполлона (*Abies apollinis*).

Кстати, и сама гора Парнас отражена в латинском названии изящного болотного цветка белозора — Parnassia. Раньше существовал и род олимпия (Olympia), но теперь на смену ему пришел широко известный род зверобой (*Hypericum*).

И только один сын Зевса — бог войны Арес (Арей) ничем не привлек внимания ботаников. Нет растений, названных в его честь. И поделом: ведь это его стараниями народы на равнинах, лежащих ниже Олимпа, истребляли друг друга, захватывали чужие земли, предавали огню и мечу все, что построено и посеяно, что выращено и выхожено.

Если говорить о богах третьего поколения, то наиболее известным из них был, пожалуй, Асклепий (Эскулап) — сын Аполлона, бог медицины, бог врачевания (рис. 29), награжденный мемориальным родом ваточник — асклепиас (*Asclepias*). По крайней мере, один вид этого рода обладает несомненными

лечебными свойствами — ваточник клубневой (*A. tuberosa*). А ученик Асклепия, во многом превзошедший своего учителя, великий врачеватель Пеон удостоился быть упомянутым в роде пион (*Paeonia*), к которому принадлежит популярнейшее садовое растение. Некоторые виды этого рода применяются в народной медицине и гомеопатии.

Рис. 29. Древнегреческий бог медицины Асклепий (Эскулап).

Олимпийскую элиту обычно сопровождали боги более

низкого ранга. Здесь были хариты — три богини красоты, изящества, радости. Здесь были мойры — три богини судьбы. Здесь были музы — девять покровительниц наук и искусств. Многочисленные нимфы являлись своего рода посредницами между высшими силами и простыми смертными. Они обитали повсюду: в озерах, реках и ручьях — наяды; в морях — нереиды; в горах — ореады; на лесных деревьях — дриады. Кстати, нимфам повезло с памятью людской. В названиях растений мы нередко находим их имена: Наяс (*Najas*), Нерина (*Nerine*), Аретуза (*Aretusa*), Филлодоца (*Phyllodoce*), Калипсо (*Calypso*), Дафна (*Daphne*), Акмена (*Acmene*), Дриас (*Dryas*). Первые три наяды и растения, названные в их честь, тоже водные или прибрежные.

Старухи мойры распоряжались судьбами людей. Клото начинала прясть нить жизни, Лахесис определяла и распределяла то, что уготовано человеку, наконец, зловещая Атропос обрезала жизненную нить. Не случайно именно ей ботаники отдали растение *Atropa* — ядовитую от корней до листьев белладонну (красавку).

А вот хариты Аглайя, Ефросина и Талия служили древним грекам эталоном женской красоты и добродетели. Ботаникам для увековечения этих замечательных качеств оказалось достаточно одной Аглайи, именем которой назван род из семейства мелиевых, распространенный в юго-восточной Азии, Австралии и на островах Океании. То же самое случилось и с музами. Из всего их сонма только Эутерпа — покровительница лирической поэзии — запечатлена в названии пальмы *Euterpe*, растущей в тропической Америке.

Три Горгоны, дочери морского бога, были необычайно безобразны. С крыльями за спиной, с копной ядовитых змей вместо волос на голове, они наводили леденящий кровь ужас на всех смертных, а стоило на них взглянуть — и все живое обращалось в камень. По имени одной из этих ужасных сестер — Эвриалы названо водное растение нашего Дальнего Востока. Листья эвриалы (рис. 30), плавающие на поверхности воды наподобие листьев кувшинки, со всех сторон ощетинились крупными острыми шипами. Свободны от шипов только цветки. Шипы, конечно, не змеи, но тем не менее дают основание считать эвриалу устрашающей (*Euryale ferox*). Другая Горгона нашла отражение в названии кустарника из семейства гречишных: это каллигонум (или джузгун) — голова Медузы (*Calligonum caput medusae*). Его плоды имеют многочисленные тонкие выросты, отдаленно напоминающие змеиные волосы, а вместе образующие ажурный шарик, легко переносимый с места на место (рис. 31). Персею же было совсем не легко победить Медузу Горгону,

отрубить ее змеиноволосую голову. Имя знаменитого мифического героя носит известное плодовое растение тропиков авокадо (*Persea americana*).

Рис. 30. Эвриала устрашающая.

Рис. 31. Плоды каллигонума голова Медузы.

Вообще же в ботанической номенклатуре проходит целая вереница древнегреческих героев. Вместе с Персеем здесь непобедимый Ахилл (род *Achillea* — тысячелистник из семейства сложноцветных). Это и силач Геракл (род *Heracleum*) — борщевик из семейства зонтичных, один из самых мощных представителей травянистой флоры. Это и хитроумный Одиссей (тропический злак одиссея — *Odyssea*). Перечисленные растения получили свои имена не случайно. Так, кентавр Хирон, обучавший молодого Ахилла, давал ему уроки врачевания и, в частности, познакомил его с тысячелистником, который считался лучшим средством для лечения ран. Память о самом мудреце Хироне хранит родственница наших горечавок хирония (*Hiromia*), обитающая в тропиках Африки.

Не обошла ботаническая номенклатура и других, пусть не столь знаменитых смертных, но так или иначе связавших свою судьбу с богами. Имя Орхиса — сына сатира Пателла и нимфы Асколазии звучит сейчас в популярном названии орхидея. Гиацинт (Гиакинт), наследник спартанского царя Амикла, был любимцем Аполлона и бога ветров Борея. Когда Аполлон учил его метать диск, ревнивый Борей направил брошенный богом диск в голову юноши. Из крови погибшего Аполлон в память о нем

сотворил прекрасный цветок. Нечто подобное произошло и с Кроком, который соревновался в метании диска с Гермесом. Погибший от пущенного диска, он тоже был превращен богами в цветок — крокус (*Crocus*) или шафран. Наконец, Нарцисс, самовлюбленный юноша, описанный Овидием в его «Метаморфозах». Глядя в воду, он без памяти влюбился в собственное отражение, застыл у ручья и умер, упоенный своей красотой. Кстати, имя Нарцисс (*Narkissos*) не совсем греческое. Оно связано с персидским nargis — коченеть, застывать. От него же происходит и известное всем слово «наркоз».

Надо сказать, что примеры превращения мифических персонажей в деревья и травы встречаются в верованиях древних греков довольно часто. Всем известен миф о Фаэтоне — сыне бога солнца Гелиоса. Только на один день он выпросил у отца его солнечную колесницу, которая каждый день совершает традиционный путь по небу с востока на запад. Неопытный возница не справился с упряжкой. Кони понесли колесницу к Земле, грозя испепелить на ней все живое. Тогда Зевс поразил Фаэтона молнией. Пылающим факелом тот упал в реку Эридан. Сестры Фаэтона — гелиады — так безутешно оплакивали брата, что превратились в тополя. Слезы гелиад застыли на земле каплями янтаря. Удивительная прозорливость древних мифотворцев: прозрачный янтарь действительно растительного происхождения, хотя никакого отношения к тополям не имеет.

Существует рассказ о том, как бог лесов и рощ Пан воспылал любовью к нимфе Сиринге. Спасаясь от его преследований, нимфа укрылась в реке, обратившись в тростник. Но и здесь нашел ее Пан, срезал гибкий стебель и сделал из него свирель. И запела свирель нежным голосом Сиринги, услаждая слух бога. Многие изображения Пана имеют неизменную деталь — тростниковую свирель. Не забыта, однако, и сама нимфа. Ее имя носит очень популярное растение — сирень (*Syringa*).

Сходный мотив звучит в мифе о нимфе Дафне. Она всячески избегала ухаживаний Аполлона, и боги по ее просьбе превратили Дафну в лавр. Напомним еще раз, что лавр — это дерево, посвященное Аполлону. Ботаники знают еще одну дафну — обычно невысокий листопадный или вечнозеленый маловетвистый кустарник из семейства волчниковых. В наших среднерусских лесах, например, встречается цветущая рано весной розовыми душистыми цветками *Daphne megereum*, иначе называемая волчьим лыком или волчником. Кстати, Сиринга и Дафна не одиноки. Красавицу Мирру (Смирну) боги превратили в мирровое дерево (*Commiphora*), дающее ароматную смолу — мирру.

Недаром имя жрицы Агавы носит известное многим центральноамериканское растение из семейства амариллисовых. Это отголосок мифической трагедии. Строптивая жрица отказалась верить в божественность Диониса, и разгневанный бог наслал на нее безумие. На празднике, посвященном богу вина, она в припадке неистовства разорвала на части своего родного сына. Агава в странах Центральной Америки — источник сладкого сока, который зовется аква миель — медовая вода. Его собирают, срезая стебель в начале цветения, и сок скапливается в центре розетки листьев. За сезон одна агава может дать до тысячи литров сладкого сока. Его сбраживают и получают пьянящий напиток пульке. А то что алкоголь вызывает «добровольное безумие», знали еще в старину.

У древних римлян сонм богов был своеобразным отражением олимпийской олигархии древних греков. Скажем, Зевсу здесь соответствовал Юпитер, Гере — Юнона, Афродите — Венера, Гермесу — Меркурий, Артемиде — Диана, Аресу — Марс, Аиду — Плутон, Посейдону — Нептун. И часть названий растений посвящена именно древнеримским богам. Вот некоторые из них. Например, *Lychnis flos jovis* — зорька — цветок Юпитера; *Coix lacrima jobi* — койкс слеза Юпитера. Последнее растение мало кто знает. Это тропический злак, у которого зерновки перламутрового, белого или буроватого цвета по форме действительно похожи на каплю. В тропических странах из них делают изящные ожерелья. Род юнона (*Juno*) из семейства ирисовых (касатиковых) назван в честь супруги Юпитера. Об орхидеях, посвященных Венере, уже говорилось. Весьма известная лилия — саранка, царские кудри, или мартагон (*Lilium martagon*), в своем названии несет имя Марса. Есть в семействе бобовые тропический род нептуния. Обычно бобовые — растения сухопутные. Нептуния же, соответствуя стихии бога морей, — растение водное. Особенно интересна *Neptunia oleracea*, чьи листья плавают на поверхности воды и обладают подобно листьям мимозы стыдливой повышенной чувствительностью к прикосновению.

Христианская религия в сравнении с древнегреческими и древнеримскими верованиями почти не нашла отражение в научных названиях растений. Это объясняется, видимо, тем, что систематики в известной степени опасались недовольства церкви, считавшей «персонификацию» флоры отголоском ненавистного ей язычества. Считают, правда, что название известного многим растениям вероника (*Veronica*) дано в честь святой Вероники. Другим примером служит колючее держидерево из семейства крушиновых. По-латыни оно зовется *Paliurus spina — christi*, что

буквально означает шип, острие, ость Христова. Ботаник Миллер дал дереву это название по ассоциации с терновым венцом. Подобная же ассоциация, но только связанная с формой цветка, напоминающего своими многочисленными тонкими лепестковидными выростами терновый венец, побудила Линнея назвать род тропических лиан страстоцветом, или пассифлорой (*Passiflora*). Несколько более многочисленны народные прозвища подобного рода: например, иудино дерево, на котором, согласно библейским текстам, повесился Иуда, предавший Христа. Это имя носят сразу два дерева: бобовое *Cercis siliquastrum*, растущее в Средиземноморье, и наша осина. Основанием для этого послужило свойство их листьев дрожать как бы от страха при малейших дуновениях ветра.

В легендах, мифах, преданиях, уходящих в тьму веков или возникших сравнительно недавно, очень часто упоминаются различные растения. Приведем еще несколько примеров.

В практике комнатного цветоводства широко представлена лиана с темно-зелеными разрезными листьями и свисающими вниз многочисленными воздушными корнями — монстера (*Monstera*). Это род из семейства ароидных, насчитывающий около 50 видов, распространенных в тропиках Америки. Название лианы имеет общий корень с французским монстр — урод, чудовище. Казалось бы, на первый взгляд ничего уродливого и чудовищного в растении, о котором идет речь, нет. Однако у немецкого ботаника прошлого века Шотта, «крестного отца» монстеры, были достаточные основания для выбора этого имени. Дело в том, что во время так называемой Парагвайской войны (1864–1870 гг.) из далекой южноамериканской страны в европейские газеты попадали самые невероятные известия. Так, сообщалось, что в парагвайской провинции Чако под неким деревом часто находили трупы и человеческие скелеты, завернутые в громадные листья, которые, как полагали, и душили свои жертвы. Подобные газетные сенсации, по сути, являлись одними из последних отголосков языческих преданий о растениях-людоедах. Растительным вампирам отдал дань и знаменитый английский писатель Г. Уэллс в своем рассказе «Странная орхидея».

Рассказ Уэллса не претендует на достоверность, это типичная фантастика. А вот что лежит в основе поразительных сведений о монстере, выдававшихся за истину? В книге Э. Менниджера «Причудливые деревья» мы находим следующее объяснение: «Блоссфелд, некоторое время живший в Мату-Гросу, специально занялся расследованием этих историй. Он обнаружил, что речь шла о *Philodendron bipinnatifidum*, листья которого действительно

достигают в длину метра и больше. По слухам, людей привлекал к дереву сильный аромат его цветков; этот запах оглушал их, как наркотик, после чего листья обвертывались вокруг потерявшей сознание жертвы и высасывали ее кровь. Цветки действительно пахнут очень сильно, но людей к этому дереву в опаляемой солнцем пустыне Чако, где растут только колючки, привлекала его тень и сладкая мякоть плодов, съедобных, как и плоды родственной ему монстеры (*Monstera deliciosa*). Однако ни в цветках, ни в плодах нет ни яда, ни наркотических веществ. Трупы же под ним принадлежали раненым или умиравшим от жажды людям, которые укрывались в тени дерева. Листья, всегда ниспадающие до земли, действительно смыкались над ними, но вовсе не для того, чтобы сосать их кровь. По словам Блоссфелда, эта легенда все еще имеет хождение в Бразилии — слишком уж она увлекательна, чтобы газеты так просто от нее отказались».

Драконовы деревья (*Dracaena draco*) Канарских островов имеют прямое отношение к легендарным драконам всех народов. Их знаменитая алая смола «драконова кровь» с незапамятных времен применялась в религиозных обрядах, в частности для бальзамирования мумий. Достигают драцены весьма внушительных размеров и преклонного возраста. Описан, например, экземпляр дерева, имевший в окружности 24 метра. Максимальный возраст подобных гигантов оценивается ориентировочно в шесть тысяч лет. Интересно, что только в преклонном возрасте драцены и способны выделять «драконову кровь».

Плачет кровавыми слезами-камедью и родственное канарскому драконово дерево с острова Сокотра, расположенного у противоположного побережья Африки, в Индийском океане. Согласно древнему индийскому поверью, которое приводит в своей книге Менниндже р, «драконы постоянно дрались со слонами. Они питали пристрастие к слоновьей крови. Дракон обвивался вокруг хобота слона и кусал его за ухом, а потом одним глотком выпивал всю его кровь. Но однажды умирающий слон упал на дракона и раздавил его. Кровь дракона, смешавшуюся с кровью слона, назвали киноварью, а потом так стали называть красную землю, содержавшую красную сернистую ртуть, и, наконец, смолу драконова дерева. Эта легенда объясняет и то, почему смола называется „драконовой кровью“, и название, данное ей сокотрийцами, — „кровь двух братьев“. Согласно религиозным представлениям индийцев, слон и дракон — близкие родственники». Драконово естество заключено и в научном названии рода: греческое слово drakeia значит дракон (правда, женского пола).

И у народов Востока мы найдем немало растений, посвященных различным богам. Скажем, у индийского Кришны есть «персональный» фикус *Ficus krishnae*, удивительные листья которого закручены конусовидно и срослись по краям, образуя подобие большого бокала. По преданию, такую форму придал им сам Кришна, чтобы использовать во время пиршеств. Конечно, с этим экзотическим фикусом трудно сравнить манжетку — невысокое травянистое растение из семейства розоцветных, которое все лето до глубокой осени можно встретить при дорогах, на низкотравных лугах, на лесных опушках и полянах нашей средней полосы. По утрам и на вечерней заре поверхность ее листьев обычно покрыта алмазными каплями росы, скапливающейся также и в углублении своеобразной воронки, вблизи прикрепления черешка. Средневековые алхимики приписывали этой влаге чудодейственную силу, собирали ее и использовали в своих опытах. Подобные представления и сегодня звучат в ее научном названии *Alchemilla*, возникшем, как и слово «алхимия», от арабского alkemeluch.

Среди русских названий, относящихся к волшебно-сказочной области, можно выделить, пожалуй, две основные группы, правда границы между ними будут не особенно четкими. Первая из них связана со знахарством, ведовством, ворожбой; вторая — с различного рода поверьями, приметами, символикой.

Знахарей, которые лечили травами или «нашептыванием на травы», так называемых зелейников, официально на Руси в старину не очень жаловали. «Домострой», например, допускал возможность «врачеваться» только «божьей милостию, да слезами, да молитвою, да постом, да милостынею к нищим, да истинным покаянием». Те же, кто признает «звездочетье, альманахи, чернокнижье … и иные козни бесовские или кто чародейством, и зелием, и корением, и травами на смерть или на потворство окормляет, воистину, творят богомерзкие дела».

Выходит, обращение к лекарственным травам сплошь и рядом приравнивалось к колдовству и, следовательно, требовало самого беспощадного осуждения. Кстати, можно составить длинный список растений, которыми «врачевали» от наговора, сглаза, порчи, сухоты и тому подобного, словом, от «болезней», так или иначе связанных с нечистой силой. Вот как характеризуется в одной из книг XVIII века любовь: «Страсть сия простолюдинами называется сухотою, и есть ли кто в которую влюбится, а она к нему не склонна, то и говорят, что напустила она на него сухоту, и сие разумеют: не спроста, то есть что будто бы тут замешалась дьявольщина».

Вера в наговоры, связанные с колдовскими растениями, была

так велика, что, например, обслуживавший царя и царицу штат постельничих, окольничих, мастериц, прачек и т. д. давал публичную клятву оберегать здоровье царствующей семьи, «никакого дурна не учинити, и зелья, и коренья лихова ни в чем и нигде не ложити и от всего подобного оберегати накрепко».

Известно, в частности, дело, которое было заведено против одной из мастериц царициных золотошвейных мастерских. Она принесла с собой и случайно обронила корень растения, называемого «обратим». Подозревая ее в темных замыслах, царь приказал пытать мастерицу на дыбе и огнем. Клятвопреступница призналась под пытками, что корень дала ей ворожея, чтобы «обратить» (то есть заставить снова полюбить) «лихова мужа», который ушел к другой. Для этого необходимо было «положить корень на зеркальное стекло да в то зеркало смотретца». Мастерица отделалась по тем временам довольно легко: она вместе с мужем (все-таки ему пришлось вернуться!) была выслана в Казань «в опалу». Другие подозреваемые в колдовстве, направленном против царской семьи, нередко кончали свою жизнь казнью, как это случилось, например, с одной ворожеей, которую подозревали в попытке сглазить царицу, в то время как действительной ее «специализацией» были наговоры на вино, уксус и чеснок против сердечной болезни и лихорадки. Заметим, что и сейчас препараты чеснока, в том числе спиртовые, рекомендуются при атеросклерозе и гипертонии. Фитонцидные же его свойства помогают бороться с некоторыми инфекционными заболеваниями. Вот вам и «наговоры на травы»!

Рис. 32. «…да в то зеркало смотретца…»

В большинстве случаев идентифицировать названия всякого

рода колдовских трав, если они и встречаются в письменных документах или устных преданиях, не удается, да и стремления к этому ботаники обычно не испытывают. Описания подобным травам, как правило, не давали или заведомо вносили искажения, чтобы затруднить их поиски. Попробуй теперь догадайся, что это за такой корень «обратим»!

При знакомстве с чудодейственными растениями в первую очередь бросается в глаза обилие приворотных зелий, любовных напитков, наговорных отваров и прочего. Некоторые их ингредиенты все же известны. Например, в них входил любисток (*Levisticum officinale*) — ароматическое многолетнее растение из семейства зонтичных. Его иногда разводят и сейчас в южных районах нашей страны, но уже, разумеется, не как любовное, а как лекарственное средство. В старинных травниках под названиями любимник, любим-трава и просто любь приводится обычное луговое и лесное растение гравилат (*Geum*). Свойство привораживать приписывают его семенам, точнее, плодикам. Причину этому, похоже, следует искать как раз в их строении. Они снабжены острыми крючочками, цепляющимися за что попало, и в определенном смысле действуют подобно еще одному средству — наговорному мылу. Его ворожеи давали покинутым женам для умывания: «сколь скоро мыло к лицу прильнет, столь же скоро муж жену полюбил». Кстати сказать, цепкость плодов дала древним грекам основание иронически назвать подмаренник филантропосом, то есть любящим человека. Если главным считать именно этот признак — «прилипчивость», то в разряд любовных или привораживающих средств можно было бы отнести еще довольно много самых разных растений: череду, лопух, дурнишник, линнею и другие.

Старинный славянский праздник Ивана Купала в честь бога плодов отмечался в старину 23 июня. Люди жгли костры, устраивали игры и хороводы вокруг них, прыгали через огонь, громко выкликая при этом имя Купала, чтобы умилостивить бога, от которого зависело плодородие близкой осени. А накануне праздника, ночью особо удачливым показывался в лесу мерцающий огонек: это зацветал папоротник. «Краснеет маленькая цветочная почка и, как-будто живая, движется. В самом деле, чудно! Движется и становится все больше, больше и краснеет, как горячий уголь. Вспыхнула звездочка, что-то тихо затрещало, и цветок развернулся перед его очами, словно пламя, осветив и другие около себя», — так описывал Н. В. Гоголь впечатления Петруся Безродного, героя известной повести «Вечер накануне Ивана Купала».

Память об этой чудесной ночи и об этом языческом

празднике постепенно стиралась. А вот своеобразным их отголоском, как можно предположить, служит название купальницы — одного из популярных луговых и лесных среднерусских растений. Это, разумеется, не папоротник, но ярко-желтые шаровидные цветки купальницы так же, как в повести Гоголя, небольшими огоньками проблескивают в сумраке леса. Нечто таинственное и сказочное видели в купальнице и жители других стран. Полагают, что латинское ее название *Trollius* восходит к немецкому Trollblume — цветок троллей. А тролли, как известно, мифические герои скандинавского и немецкого фольклора. Правда, другая версия происхождения этого слова совсем прозаическая: его производят от латинского trulleus, обозначающего круглый сосуд, — по шаровидной форме цветка.

Довольно многочисленны названия трав, помогающих находить спрятанные клады, разрывать цепи и замки, изгонять нечистую силу. Не правда ли, у чертополоха — «пугающего чертей» — смешное название? Мы к нему привыкли, и вложенный в него начальный смысл словно бы стирается. Но ведь за этим непременно что-то было! И вот случайно отыскиваются первоисточники. Исследователь Новгородской губернии А. Шустиков писал в конце прошлого века: «Чертополох употребляют для изгнания бесов, вообще нечистой силы из дому». И еще: «Во время припадка лежачего больного очерчивают кругом и бьют нещадно травою чертополохом». Средство, надо прямо признать, действенное: ведь чертополох изрядно колюч, и, понятно, даже очень больной человек попытается встать, лишь бы прекратить нещадное битье.

Рис. 33. «Радикальное» средство.

В компанию чертополоху вполне годятся прыгун-трава и скакун-трава. Они, как сказано в книге с забавным заглавием «Абевега русских суеверий», изданной в XVIII веке, «особую в колдовстве имеют силу и без них кладу никакого вынять не можно». На ее страницах найдется еще и непременная во многих русских сказках разрыв-трава, с помощью которой освобождали закованных в цепи богатырей. «Ежели сию траву приложит кто к запертому замку, то оный тотчас же без ключа сам отопрется, а ежели лошадь ходя по полю с железными путами найдет на сию траву, то оные тотчас же отпадут».

До сих пор сохранилось древнее народное прозвище у плакун-травы (*Lythrum salicaria*) — многолетнего растения с удлиненным соцветием из пурпурных или слегка лиловатых цветков, открывающего цветную вставку в нашей книге. Происхождение этого названия легко объяснимо. В покровных тканях листьев плакун-травы имеются специальные органы — гидатоды, через которые она избавляется от излишней влаги. Капли воды стекают с листьев вниз, растение «плачет». Процесс этот ему совершенно необходим, если учесть, что плакун-трава чаще всего обитает в избыточно увлажненных местах: на заливных лугах, по берегам водоемов. Несколько иное объяснение

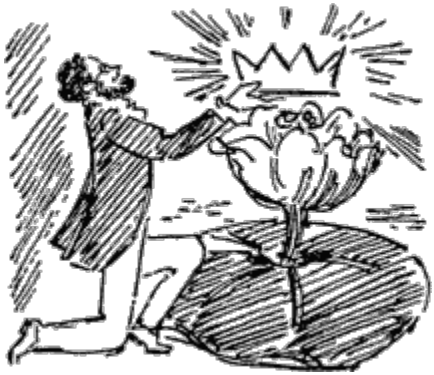
дает та же «Абевега»: «Плакун-трава заставляет плакать нечистых духов. Когда будет кто при себе иметь сию траву, то все неприязненные духи ей покоряются. Она одна в состоянии выгнать дедушек домовых, кикимор и прочих, и открыть приступ к заклятому кладу, который стерегут нечистые духи». Вот, оказывается, какие чудодейственные растения окружают нас!

В старину символика цветов значила многое. Посмотрим, как писал об этом неизвестный автор в книге «Язык цветов», изданной в Петербурге в 1849 году:

По вкусам, лицам и годам
Цветы в саду своем имею:
Невинности даю лилею,
Мак сонный приторным мужьям.
Душистый ландыш полевой
Друзьям смиренной Лизы бедной;
Нарцисс несчастливый и бледный
Красавцам, занятым собой.
В тени фиалка притаясь,
Зовет к себе талант безвестный;
Любовник встретит мирт прелестный:
Спесь барскую надутый князь.
К льстецам, прислужникам двора
Несу подсолнечник с поклоном;
К временщику иду с пионом,
Который был в цвету вчера.
Злых вестовщиц и болтунов
Я колокольчиком встречаю;
В тени от взоров сокрываю
Для милой розу без шипов.

Здесь в поэтической форме описывается «язык цветов», или, как еще говорили, их эмблематическое значение: белая лилия — непорочность; мак — сонливость, флегматичность; нарцисс — себялюбие; фиалка — стыдливость; мирт — взаимная любовь: подсолнечник — интриги, сплетни, лесть; колокольчик — болтливость; алая роза — нежность. Из всего этого весьма богатого «языка» в наш обиход вошло и сохранилось до теперешних дней, пожалуй, лишь имя нежной незабудки, символизирующей верность.

Короли и капуста



У О. Генри в его сатирическом романе «Короли и капуста» популярный огородный овощ фигурирует в виде экзотических капустных пальм, а места королей занимают самозванные президенты банановой республики Анчурии. В этой главе читатель тоже не найдет капусты, зато королей и прочих «их величеств» окажется в избытке.

…Время действия — год 1638-й, место действия — Южная Америка, Перу, город Лима. Во дворце вице-короля тревожно: серьезно больна вице-королева Чинчон. Придворные медики разводят руками: тропическая малярия, европейские лекарства, увы, бессильны. Решено попробовать средства, бытующие в практике местных индейцев. Одно из них — легендарная «перуанская кора», которую дает невысокое вечнозеленое деревце, растущее в горных лесах на склонах Анд. Индейское зелье совершает чудо — Чинчон выздоравливает. Но здешний климат ей уже противопоказан, и она едет в Испанию, разумеется, захватив с собой «перуанскую кору». В Мадриде вице-королева сама лечит ею своих приближенных. Дальше по Европе это целебное средство распространяют миссионеры-иезуиты. Его довольно успешно применяют против малярии, эпидемия которой охватила Рим. Слава перуанского лекарства растет и ширится. В Англии придворный медик Тейлор вылечил с ее помощью короля Карла II. Так калейдоскопично можно представить себе победоносное шествие хины — продукта хинного дерева.

Испанцы вовремя оценили всю значимость монопольного владения деревом, дающим «перуанскую кору». Вывоз лечебного сырья из Перу постоянно увеличивался, а вот на экспорт семян и саженцев было наложено вето: закладка новых плантаций в чужих, не испанских тропических колониях породила бы опасную конкуренцию. Однако попытки тайком вывезти запретное дерево

все учащаются: ведь обладание им сулит поистине золотые горы.

В 1735 году в тропики Южной Америки отправляется французский исследователь Бернар Жюссье. Двадцать шесть лет длится его экспедиция, сотни образцов семян удивительнейших южноамериканских растений собрано во время переходов по девственным тропическим лесам, но на пути домой Жюссье постигает неудача. Гибнут почти все его сборы, в том числе и семена чудесного дерева — источника «перуанской коры». К тому времени ботаники уже знают его научное наименование: Карл Линней описал это растение в 1742 году и назвал его цинхоной лекарственной (*Cinchona officinalis*) в честь уже знакомой нам вице-королевы Чинчон.

В конце XVIII века семена цинхоны — хинного дерева, как его сейчас называют фармацевты, контрабандным путем добыл англичанин Х. Уэддель. В ботанических садах Парижа, Лондона, Лейдена удалось из них получить небольшое количество сеянцев, которые, к сожалению, скоро погибли. Очередная попытка составить конкуренцию испанцам провалилась. Дальше история цинхоны напоминает настоящий приключенческий роман. За ней продолжают охотиться англичане, французы, голландцы. Директор тропического ботанического сада в Бейтензорге на острове Ява М. Гаскарль под фамилией Мюллер проникает в Перу и Боливию и вывозит оттуда семена. Казалось бы, цель достигнута: семена успешно проросли, сеянцы высажены на плантации. Однако это оказалось совсем другое хинное дерево, кора которого почти не содержала хинина. Вскоре выяснилось, что род цинхона содержит около 40 видов, различающихся не только внешне, но и по химическому составу.

Больше повезло англичанам. Они дважды доставляли семена лекарственной цинхоны в Королевский ботанический сад Кью под Лондоном. Последняя попытка, сделанная в 1865 году Леджером, оказалась удачной. Затем сеянцы хинного дерева в конце концов попали на Яву и дали там начало обширным плантациям, которые в первой половине нашего столетия обеспечивали около 90 процентов мирового экспорта хинина. Так закончилась почти трехвековая история введения в культуру этого дерева с «королевским» названием.

Систематики еще не раз обращались к именам царствующих особ, которым было лестно оказаться запечатленными не только на монетах, но и на скрижалях науки. Ну, скажем, популярный кустарник чубушник, цветущий душистыми белыми цветками, который обычно зовут садовым жасмином, обязан своим латинским названием *Philadelphus* памяти о египетском царе Филадельфе. Появилась, например, традесканция королевская,

названная одновременно в честь английского ботаника Д. Традесканта и королевы Марии Бельгийской. Необычный южноафриканский цветок стрелитции, отдаленно похожий на голову какой-то экзотической птицы, запоминается сразу. Его посвятили жене английского короля Георга III Шарлотте, урожденной Мекленбург-Стрелитц. Дважды отражена в ботанической латыни первая жена Наполеона Бонапарта Жозефина, в девичестве Ла Пажери. В королевском саду в Мальмезоне придворный ботаник Э. Бонплан вырастил два тропических южноамериканских растения: жозефинию императорскую (*Josephinia imperatricis*) и лапажерию, или лапагерию, розовую (*Lapageria rosea*).

Европейцам еще с XVIII века по описаниям путешественников была известна гигантская водяная кувшинка, встречающаяся на Амазонке. Ее семена неоднократно привозили в Европу, но вырастить «амазонскую лилию» удалось лишь спустя почти столетие. В 1837 году на английский престол вступила королева Виктория. Систематик Линдлей сделал ей тогда поистине королевский подарок, назвав царственную «амазонскую лилию» именем Виктории (*Victoria*). Сейчас виктория — одно из довольно обычных и в то же время любопытнейших растений многих ботанических садов, имеющих закрытые водные бассейны. Ее похожие на огромные зеленые сковороды листья способны выдержать равномерно распределенный 80-килограммовый груз. Не менее знамениты и цветки виктории. Крупные, до 30 см в диаметре, они распускаются вечером или даже ночью и по мере цветения меняют окраску. Вначале эти большие кувшинки снежно-белые, потом постепенно розовеют и, наконец, становятся в центре пурпурными.

На Сейшельских островах встречается пальма, на которой созревают громадные орехи (в поперечнике почти до полуметра и массой около 25 килограммов) и к тому же словно бы разделенные надвое узкой перетяжкой, желобком. Орехи эти были известны еще в глубокой древности, их прибивало волнами к западным берегам Индии. А вот сами пальмы стали известны с открытием Сейшельских островов — в 1743 году. А в 1805 году французский ботаник Ф. Коммерсон назвал сейшельскую пальму Лодоицея или Людовиция (*Lodoicea*) в память последнего французского короля Людовика XVI, казненного в период Французской революции. Во времена же правления Бонапарта, провозгласившего себя императором, воздание почестей королям уже не было крамолой. Его имя испанские ботаники Руиз и Павон дали одному из родов семейства бромелиевые — бонапартея (*Bonapartea*). Можно обнаружить в списках растений также род

наполеонею (*Napoleonea*), входящий в отдельное семейство наполеоновых (*Napoleonaceae*).

Но случается, что царственные имена не только появляются, но и бесследно исчезают из ботанического обихода. Так случилось, например, с родом николайя (*Nicolaia*), которым был «увенчан» в 1862 году самодержец Николай I. Однако потом выяснилось, что этот тропический род семейства сцитамновые был, как говорят ботаники, сборным, то есть состоящим из нескольких более мелких, но вполне обособленных родов. И николайя, таким образом, распалась, перестала существовать. Как, впрочем, вскоре и сама российская монархия, сметенная Великой Октябрьской социалистической революцией.

Попал в ботаническую историю и император Карл Великий. В честь него, правда, названо растение, по внешнему виду отнюдь не величественное. По-русски оно зовется колючником, по-латыни *Carlina*. Согласно преданию, во время чумы, которая охватила войско Карла, к нему явился ангел и указал на это растение, как на средство от повального мора. В немецком «Травнике», изданном на рубеже XV и XVI веков, имеется даже изображение колючника, перед которым в молитвенной коленопреклоненной позе стоит император в блистающей короне (рис. 34). Казалось бы, сколь желанная находка для фармаколога! Божественное лекарство от грозной болезни само идет в руки, к тому же и растение отнюдь не редкое, распространено почти повсеместно. Беда только в том, что теологи до сих пор не пришли к единому мнению, на какое же растение указал Карлу ангел. Споры ведутся еще вокруг более полудюжины имен, среди которых известные многим дудник (*Angelica*) и дягиль (*Archangelica*), чьи латинские названия тоже напоминают об их легендарном происхождении.

Рис. 34. Коленопреклоненный император Карл Великий перед посвященным ему цветком — карлиной.

Королевским растением одно время считался обыкновенный табак. История его раннего появления в Европе такова. Никола Монардес никогда не бывал в Америке. Однако занимая пост

придворного медика и ботаника в Севилье, он имел доступ ко всем поступавшим из-за океана диковинным растениям, а также получаемым из них продуктам. Еще Монардес скрупулезно записывал рассказы путешественников о быте, нравах и традициях обитателей далекой Вест-Индии. Все это, должным образом обработанное, было затем издано в 1569 и 1571 годах под заглавием «Две книги удивительных известий о новонайденном свете». В последнем томе упоминалось индийское растение эль табако (*el tabaco*) и описывалось, что уставшие индейцы и негры кладут табак в нос и в рот, после чего «лежат как мертвые три-четыре часа», а также курят: «поскольку им не разрешают пить вино, они рады доводить себя до состояния опьянения, вдыхая дым табака» (рис. 35).

Рис. 35. Изображение табака из книги Н. Монардеса (справа — голова курящего трубку индейца).

Однако в Европе с табаком познакомились еще до появления книг Монардеса. Молодой французский посланник в Португалии Жан Нико, вернувшись в середине XVI века в Париж, поразил придворных необычным растением, которое со свойственным дипломатам тонким расчетом назвал травой королевы. Сначала его использовали в дворцовых декоративных насаждениях, но вскоре слухи о наркотических свойствах табачного дыма трансформировались в утверждение, что дым этот чрезвычайно полезен при заболеваниях… легких! И тогда табак стали разводить и применять для курения «в лечебных целях» во многих

европейских странах. В соответствии с этим в научных кругах он превратился из «травы королевы» в никоциану (*Nicotiana*) — «траву Нико». В ранг никоцианы его впервые возвел фламандский ботаник и по совместительству медик английского короля Якова I Маттиас Л'Обель в 1570 году. Под тем же именем табак позже нашел себе место в системе Линнея.

Теперь предоставим место другому растению. Символическое изображение его цветка несколько столетий назад было куда более известно и популярно, чем сейчас. Оно красовалось на королевских знаменах, дверцах придворных карет, портьерах, плащах юных пажей. При виде его ярость волной нарастала в народных толпах, заполнивших улицы Парижа в незабываемые дни Великой французской революции. Это знаменитая королевская лилия, символ королевского дома Бурбонов, деспотически правивших Францией и Испанией свыше двухсот лет. Со свержением монархии цветок лишился не только своего королевского титула. Ученые потом выяснили, что столь любимая придворными лилия — вовсе и не лилия. История данного символа гораздо древнее дома Бурбонов. Он встречался еще в V веке на штандартах франкского короля Хлодвига. Некоторые предполагают даже, что мы имеем дело просто со стилизацией наконечника алебарды. Многие же сходятся на том, что символ этот — цветок ириса. Сравните (рис. 36) старинное изображение ириса и «королевскую лилию» — «флер де лис», как ее именуют французы. Не правда ли, сходство достаточно большое? Да и само французское название fleur de lis — цветок лилии, по данным историков, появилось в применении к рассматриваемому символу сравнительно недавно как производное более раннего «флер де Луи» (fleur de Louis) — «цветок Луи (Людовика)», то есть цветок (не обязательно лилия!) короля.

Рис. 36. Ирис и королевские лилии.

Теперь пора объяснить, почему мы брали королевскую лилию в кавычки. Дело в том, что у цветоводов существует и сейчас королевская или царственная лилия (*Lilium regale*), не имеющая ничего общего с лилией Бурбонов. В 1903 году ее привез в США с гор западного Китая известный охотник за растениями Э. Вильсон. Очень скоро эта величественная лилия с крупными и душистыми белыми цветками завоевала всеобщую популярность и стала одним из самых распространенных в культуре видов данного рода. Многочисленные ее гибриды при всем

разнообразии окрасок цветков (от белой до оранжевой и темно-сиреневой) сохраняют аромат, присущий родительским растениям, морозостойки, хорошо размножаются.

Королевский титул носила также роза — древнейшее декоративное растение. Исторические памятники свидетельствуют, что этот ярко цветущий кустарник был известен еще за три с половиной тысячелетия до новой эры. Ему отдали дань в своих произведениях великие поэты всех времен и народов. Роза неизменно фигурирует и в дошедших до нас ранних ботанических трактатах. Причем она, по-видимому, первый цветок, у которого были известны махровые культурные формы. Древнегреческий историк V века до новой эры Геродот упоминает шестидесятилепестковую розу, растущую в садах Македонии, а двумя столетиями позже «отец ботаники» Теофраст описал уже столепестковую розу.

Но что удивительно: первоначально декоративные розы были, вероятно, только белыми, желтыми и розовыми. Французский поэт IX века Виллафрид Страбон в своей поэме «Садик» писал: «Драгоценные розы побеги венчают желтым металлом Пактола и жемчугом белым арабов». Медик и поэт XI века Одо из Мена так говорит о розе: «Я полагаю, что следом за золотом роз подобает лилий идти серебру». И это несмотря на то, что по преданию розу создала Афродита из крови Адониса, то есть изначально цветок просто обязан быть красным.

Настоящую же красную, алую розу — дамасскую — первым привез во Францию из крестового похода в 1270 году граф Тибольд IV Шампанский. Сейчас, известная многим под названием казанлыкской, она стала источником драгоценного розового масла, гордостью болгарских розоводов, превративших Казанлыкскую котловину в знаменитую Долину роз, а розу Тибольда Шампанского — в важную сельскохозяйственную культуру.

А тогда, едва появившись в Европе, красная роза перекочевала на эмблему королевского дома Ланкастеров — одной из ветвей английской династии Плантагинетов, в то время как Йорки — другая ее ветвь — отдали предпочтение белой розе (рис. 37). Кстати, и в гербе Плантагинетов тоже присутствовал растительный элемент — цветок дрока (*Genista*) — кустарника из семейства бобовые. Он-то и дал название всей королевской династии (по латыни *planta genista* — растение дрока). Эти эмблемы вошли в историю в связи с тридцатилетней войной (1455–1485) Ланкастеров и Йорков, которая больше известна как война Алой и Белой розы. Изнурительное и кровопролитное соперничество двух королевских домов нашло свое отражение не

только в учебниках, исторических трактатах и рыцарских романах. Селекционеры вывели у розы дамасской садовую форму versicolor, что значит разноцветная. По-английски эта разновидность называется York-and-Lancaster — Йорк-и-Ланкастер. И недаром: на одном кусте и даже на одном побеге у нее мирно сосуществуют белые, розовые и смешанные бело-розовые полумахровые цветки. Так садоводы символически примирили спесивых аристократов.

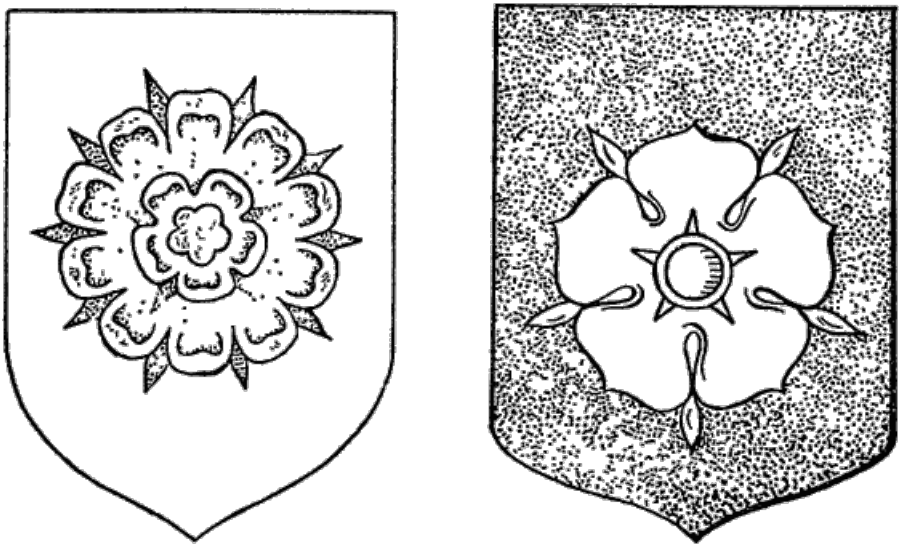


Рис. 37. Гербы Йорков (справа) и Ланкастеров (слева).

Не без основания можно назвать розу и царским цветком. В начале XVII века ко двору русского царя Алексея Михайловича приехал голштинец Марселлин и преподнес ему розовый куст с махровыми цветками. Царю подарок понравился, и сначала розу разводили только в царских садах, в том числе и в саду подмосковного села Измайлово, давшего название одному из самых зеленых районов нашей столицы.

Наряду с «их величествами и высочествами» попал в ботанический пантеон и «их преосвещенство». На влажных опушках и в болотах восточных районов Канады и США от Брансуика до Флориды встречается интересное растение — лобелия кардинальская (*Lobelia cardinalis*). Ее многочисленные пунцовые цветки, собранные в пикообразное соцветие, издалека бросаются в глаза. Однако несмотря на всю свою привлекательность, эта лобелия редко встречается в культуре. История же эпитета «кардинальская» такова. Из Канады, бывшей в начале XVII века французской колонией, это растение попало во

Францию. Американскую диковинку подарили королеве Генриэтте Марии, которая, поглядев на цветок, рассмеялась и сказала, что он напоминает ей по окраске чулок кардинала. Она имела в виду кардинала Ришелье, своего злейшего врага, чьи интриги вынудили ее эмигрировать в Англию. Так, благодаря язвительной королевской шутке вошел в ботаническую номенклатуру вельможа, фактический правитель Франции, известный теперь большинству из нас по роману А. Дюма «Три мушкетера».

Каждый, кто знакомится с полезными растениями тропической флоры, не может обойти вниманием род евгения (*Eugenia*). Ближайшие родственники гвоздичному дереву и ямайскому душистому перцу — основным поставщикам тропических пряностей, виды евгении в основном знамениты своими душистыми вкусными плодами, с одним единственным семенем внутри. Красная «кайенская вишня» — питанга, «бразильская вишня» — грумичама с белыми, красными и фиолетовыми кисловатыми плодами, черноплодная кубинская помароза, самаранговое «розовое яблоко» с острова Ява — вот далеко не полный перечень этих фруктовых растений. Назван же этот род, носящий, казалось бы, женское имя, в честь известного полководца, принца Евгения Савойского (1663–1736). Француз по происхождению, главнокомандующий австрийской армией, впоследствии наместник Нидерландов, он провел всю жизнь в походах и сражениях. Как подсчитали биографы, в его жизни не случалось даже двух следующих друг за другом мирных лет. Удача всегда сопутствовала ему на поле боя, и поэтому Наполеон числил принца среди своих учителей наряду с Ганнибалом, Юлием Цезарем и Фридрихом Великим. Однако вряд ли этот до мозга костей вояка мог быть покровителем ботаников, как считают некоторые систематики, объясняя происхождение названия рассматриваемого рода. Видимо «крестный отец» евгении Карл Линней отдал должное королевской крови Евгения Савойского и его таланту военачальника.

Но оставим в стороне королей и высокородных вельмож, а расскажем о прославившем себя вожде индейского племени чероки. Это могучее племя, как и многие десятки других, обитало на востоке Северной Америки. Земля их предков простиралась по обе стороны Аллеганских гор, там, где сейчас находятся штаты Теннесси и Северная Каролина. С незапамятных времен чероки охотились и пасли стада, но одними из первых среди североамериканских индейцев сменили кочевой образ жизни на оседлый, занявшись земледелием. Здесь во второй половине XVIII века родился Секвойя — будущий вождь племени чероки

(рис. 38). Он обладал большими и разносторонними способностями: был ювелиром, кузнецом, прекрасно рисовал. Однако основной его заслугой стала разработка алфавита родного языка. Он кропотливо трудился над ним долгое время и закончил в 1821 году. Богатый звуками язык чероки потребовал 85 знаков, чтобы перенести живую речь на бумагу. Спустя несколько лет была даже выпущена газета «Чероки Феникс», наполовину напечатанная с помощью алфавита чероки, созданного Секвойей. Но белым колонизаторам алфавит был нужен совсем для иной цели, и первой книгой, изданной на языке чероки, оказалось Евангелие. Секвойю заставили принять католическую веру и сменить индейское имя на христианское. Он стал Георгом Гуэсом. Но и это не способствовало сближению белых и краснокожих американцев. Слишком велика была пропасть между колонизаторами и коренными жителями страны, слишком различны были их стремления и интересы.

Рис. 38. Вождь чероков Секвойя.

Беда пришла внезапно. На землях чероки было найдено золото. Не так много, как несколькими десятилетиями позднее в Калифорнии, а затем и на Аляске, и севере Канады. Но и этого оказалось достаточно, чтобы прогнать индейцев с их родных мест. Не помогло им и обращение в федеральное правительство: закон всегда был на стороне белых колонизаторов. Лишенный родины,

Секвойя умер в изгнании, в северной Мексике, в 1842 году. Никто не издает сейчас книг на языке чероки, мало кто помнит об этом племени. Но имя Секвойи живет в памяти людей. Его носит знаменитое американское хвойное дерево секвойя вечнозеленая (*Sequoia sempervirens*). Это самые высокие деревья нашей планеты. В парке секвой в штате Калифорния есть, например, экземпляр высотой более 110 метров. Имя же «секвойя» дал этому роду немецкий ботаник Стефан Фридрих Эндлихер в 1847 году.

Первоначально считали, что в роде Секвойя два вида: секвойя вечнозеленая и секвойя гигантская (мамонтово дерево), уступающая первому по высоте, но зато обладающая более толстым стволом. Затем англичанин Линдлей выделил мамонтово дерево в отдельный род и присвоил ему имя Веллингтония (*Wellingtonia*) в честь Веллингтона, очередного в нашей книге герцога, командовавшего англо-голландской армией в битве при Ватерлоо. Почти одновременно американец Уинслер назвал мамонтово дерево Вашингтонией, стремясь увековечить память первого президента США Джорджа Вашингтона. Но оба эти названия впоследствии, согласно Кодексу Ботанической номенклатуры, оказались недействительными. Именем Веллингтона еще раньше был назван род из тропического семейства мелиссовых, а наименование Вашингтон уже числилось за двумя видами калифорнийских пальм. Однако различия между настоящей секвойей и мамонтовым деревом настолько велики, что последний вид в 1939 году все же выделили в отдельный род секвойядендрон (*Sequoiadendron*), или буквально «секвойное дерево».

Пальмой вашингтонией открывается список мемориальных растений американских президентов. Он невелик — вместе с упомянутой пальмой всего три названия. Род джефферсония (*Jeffersonia*) запечатлел имя третьего президента США Томаса Джефферсона (1743–1826). Внимание ботаников к нему не случайно. Разносторонне развитый человек — философ, архитектор, видный государственный и общественный деятель, один из авторов знаменитой «Декларации независимости» — он не оставил без внимания развитие молодой американской ботаники. При нем в 1801 году был основан первый в стране Нью-Йоркский ботанический сад. При его содействии знаменитый американский ученый Бенжамин Франклин вел в Европе переговоры об обмене семенами. На усадьбе Джефферсона Монтичелло в Северной Каролине выращивались многие из известных в то время в США декоративных растений. Наконец, еще одно имя и еще один род пальм. Франклин Делано Рузвельт, немало сделавший на посту президента для укрепления

взаимопонимания между Советским Союзом и США, и названная в его честь рузвельтия. Единственный вид этого рода рузвельтия Франклина (*Rooseveltia frankliniana*) встречается в Коста-Рике.

А закончить эту главу хотелось бы упоминанием о человеке отнюдь не королевских кровей, кого, однако, ботаники всего мира с уважением и восхищением называют и королем, и принцем, и князем. «Принц ботаники» — Princeps botanicorum — так лаконично написано на могильном камне знаменитого шведского систематика Карла Линнея в кафедральном соборе города Упсалы, где он жил и работал последние годы. На старинной гравюре (рис. 39) принц ботаники изображен со своим мемориальным цветком — линнеей северной (*Linnaea borealis*). Но подробнее об этом великом человеке — в следующей главе.

Рис. 39. Портрет молодого Карла Линнея.

Учителя и ученики, друзья и враги Линнея

В своих «Основах ботаники» двадцатидевятилетний Карл Линней приводит оригинальную классификацию… ботаников всех времен и народов. По его мнению, их можно разделить на две большие группы: ботаники истинные и ботаники-любители. К первым он относит «собирателей» и «методистов». «Собиратели» наиболее многочисленны: это и ботаники древнего мира, и ботаники-коллекционеры, и каталогизаторы, это флористы и путешественники, так или иначе интересующиеся растениями. К «методистам» относятся уже ботаники-философы, систематики, номенклатуры, то есть ученые, занимающиеся, в частности, установлением названий растений и их органов.

Такая классификация забавна лишь на первый взгляд. На самом деле она является одновременно и краткой историей развития рассматриваемой области знания: от подбора и накопления фактов — к их обобщению, анализу, философскому осмыслению, а значит, к созданию системы ботаники как комплекса естественно-исторических наук.

Сам Линней в подобной классификации, безусловно, возглавил группу «методистов» — настолько высок и непререкаем его авторитет в области систематики. Действительно, можно только поражаться объему той грандиозной работы, которая замыслена и проведена Линнеем. Он составил описания около восьми тысяч видов растений, из которых полторы тысячи ранее не были известны науке. От «инвентаризационного списка» Линнея, его знаменитой книги «Виды растений», вышедшей первым изданием в 1753 году, систематики ведут свою «профессиональную» хронологию. Недаром в 1953 году весь научный мир отмечал двухсотлетие этого, ставшего поистине

историческим, труда. Линней разработал свод ботанических терминов (около тысячи наименований), которыми следовало пользоваться при описании растительных форм, и тем самым заложил основы унификации этих описаний. Но самое главное, он построил четкую систему растений, состоявшую из 24 классов, позволявшую быстро и точно определить их виды. Nomina si nectis perit et cognitio rerum в переводе с латинского означает: если не будешь знать имен, умрет и познание вещей. Этим девизом Линней руководствовался в течение всей своей жизни ученого и поэтому взял на себя смелость дать свои собственные авторские, оригинальные названия большинству известных в то время растений, настаивая и на их обязательном применении.

На минуту представим себе такую ситуацию. Вы спрашиваете своего приятеля, какой марки магнитофон он считает самым лучшим, и в ответ получаете довольно пространное описание его устройства и оформления с подробным перечислением кнопок управления, индикаторов, микрофонов, динамиков, источников питания и других деталей общей характеристики. Данных много, но отсутствует одно, короткое и важное определение — тип этого аппарата, зная который, можно затем легко найти все интересующие вас сведения в его техническом паспорте.

Нечто похожее происходило до Линнея и в систематике. Справочники (травники) представляли собой описания растений, одни более, другие менее развернутые, но все же описания, весьма пространные, состоящие из многих слов (полиномы). «Нарцисс с узкими многочисленными листьями, похожими на листья лука-порея, стеблем, более тонким, чем листья, и цветками с оранжево-красной серединой, белым корнем, округлым, похожим на луковицу…» — вот в качестве примера только часть такого многословного «названия», взятого из книги О. Брунфельса (1532) и относящегося к растению, которое именуется сейчас нарциссом ложным (*Narcissus pseudonarcissus*).

Краткость и четкость — этим и следует, по мнению Линнея, руководствоваться, называя растения. Данному условию как нельзя лучше соответствовали введенные им в постоянный обиход двойные (бинарные) наименования. Каждое растение получило «фамилию» и «имя» — стоящее на первом месте родовое и следующее за ним видовое названия. Так, род лютик (*Ranunculus*) объединяет лютик ползучий, лютик едкий, лютик кашубский, лютик золотистый и еще около 400 видов. Видовое же название определяет, если можно так сказать, индивидуальность растения, его специфику.

Чтобы бинарные названия были единообразными, унифицированными, их следует подчинять строго определенным

правилам. Прежде всего они должны быть по форме латинскими или латинизированными, то есть написаны с соблюдением правил латинской грамматики. Хотя сами по себе, как мы знаем, могут быть совсем иного, отнюдь не латинского происхождения. В конце названия ставят (обычно в сокращенном виде) имя ботаника, впервые описавшего и «окрестившего» данное растение.

Бинарное название должно быть единственным и не повторяться больше нигде, чтобы не было никакой путаницы. Значит, все другие названия (синонимы), сколько бы их ни числилось за этим растением, должны быть безжалостно отброшены. Например, шелковицу белую только на латыни именуют *modus alba* L., *M. taurica* Bieb., *M. heterophylla* Loud. и пр. Ясно, что только одно из них будет истинным. Тут на помощь приходит правило приоритета. Первое из приведенных названий дал шелковице Линней, второе — российский ботаник Биберштейн, третье — английский садовод Лоудон. Как правило, ботаниками за основное применяется старейшее, самое первое из данных названий. По справедливому правилу приоритета предпочтение здесь отдано линнеевскому названию — шелковица белая (*Morus alba*). Оба других ученых описали повторно тот же вид значительно позже.

Кроме синонимов, в систематике можно столкнуться также с омонимами — одинаковыми по написанию названиями, но принадлежащим разным растениям. Кстати, мы имели дело с таким примером. Вспомните, что секвойядендрон гигантский поначалу назвали вашингтонией, в то время как это имя уже носила пальма. Здесь тоже действует правило приоритета, так что могучему секвойядендрону пришлось уступить.

Словом, мало просто назвать растение. Надо еще это название опубликовать, причем опубликовать вместе с описанием вида, иначе оно будет считаться «голым названием» (nomen nudum), то есть недействительным. Иначе говоря, процесс «утверждения» имени растения несколько напоминает процедуру получения авторского свидетельства на изобретение: сначала эксперты проводят патентный поиск на новизну предложения, устанавливая его приоритет, чтобы затем опубликовать описание в специальном издании.

Сейчас сведенные вместе номенклатурные правила, начало которым положил Линней, составляют Международный кодекс ботанической номенклатуры, которому подчиняются в своей работе все ботаники-систематики. Линнея иногда величают отцом научной систематики и даже отцом ботаники. Надо сказать, что эти титулы присваивают ему далеко не единогласно, поскольку он строил свою систему отнюдь не на пустом месте и его

реформы во многом были подготовлены работами предшественников.

Одним из первых известных нам ученых, кто свел воедино и систематизировал данные своего времени о растениях, был ученик великого Аристотеля Теофраст (381–286 гг. до н. э.). В «Естественной истории растений» он подробнейшим образом описал и классифицировал около 500 видов, заложил основы морфологии, географии и экологии растений. Именно Теофраст по праву достоин носить титул отца ботаники.

Свою систему Линней строил на различиях в морфологии частей цветка (число и величина тычинок, степень их срастания, половые особенности и т. д.). Один из классов его системы объединял споровые растения. Но попытки построения систем растений на основе самых разнообразных их признаков предпринимались неоднократно и до Линнея. Итальянец Андреа Цезальпин (1519–1603), например, ориентировался на характерные черты семян и плодов, француз Жозеф Турнефор (1656–1708) считал определяющей форму венчика. К тому же Линней не был первым и в использовании бинарных названий. Их предложил швейцарец Конрад Геснер (1516–1565), а довольно широко ввел в практику его соотечественник Иоганн Баугин (1541–1616).

Знал ли об этом Линней? Разумеется, и не только знал, но и высоко ценил эти работы. И речь тут не только о далеких предшественниках. Своими фундаментальными ботаническими знаниями Линней в значительной степени обязан своим учителям и коллегам, от которых многое перенял. Ему посчастливилось в Упсале слушать лекции знаменитого шведского ботаника Олафа Рудбека (1660–1740). В Лейдене, куда Линней прибыл для защиты докторской диссертации в 1735 году, он познакомился с Борхавом — известным голландским ботаником, общение с которым принесло молодому ученому большую пользу. Тремя годами позже Линней приезжает в Париж, но не за тем, чтобы восхищаться красотами старинного города. Первый его визит — в Королевский ботанический сад, где он встречается с братьями Жюссье — Антуаном и Бернаром — создателями оригинальной системы растительного царства. До сих пор, заметим, ботаники признают семейства, выделенные и описанные Антуаном Жюссье.

Затем — Англия, Оксфорд и Челси, новые научные знакомства и в их числе со знаменитым флористом и путешественником Гансом Слоаном, патриархом английских ботаников, серьезным, но объективным оппонентом работ Линнея.

Многое открыли Линнею голландские библиотеки и

ботанические сады. Голландия в то время вела интенсивное освоение своих тропических колоний, в первую очередь территорий в юго-восточной Азии. Капитан каждого голландского корабля, отправлявшегося в дальний путь, обязан был привезти домой семена и саженцы диковинных растений. Поэтому здешние сады являлись тогда одними из богатейших в Европе. Бургомистр Амстердама банкир Клиффорд предложил Линнею курировать его частный ботанический сад Хартекамп близ Гаарлема. Ученый согласился, и инвентаризация замечательных коллекций этого сада позволила ему как нельзя лучше познать растительный мир тропиков Старого Света.

Следует сказать и о знакомстве Линнея с североамериканскими растениями в садах Франции и Англии, о детальном анализе флоры Лапландии, куда он отправился после окончания университета, об отличном знании растений шведской флоры и России. Линней регулярно переписывался с видными русскими ботаниками И. Гмелином, И. Амманом, С. П. Крашенинниковым, меценатом и ботаником-любителем П. А. Демидовым и получал от них семена растений.

Идеи Линнея были подхвачены и развиты его учениками. Более пятисот студентов Упсальского университета ежегодно слушали его лекции по ботанике, пользовавшиеся неизменным успехом. Окончив университет и разъехавшись в разные страны, они продолжали дело своего учителя. Карл Тунберг изучал флору восточной Азии и южной Африки. Пер Кальм был командирован в Северную Америку для знакомства с полезными растениями востока Канады. В России пропагандировал систему Линнея А. М. Карамышев — один из зачинателей отечественной ботаники. В 1766 году под руководством Линнея он написал и защитил диссертацию о сибирских растениях. Список учеников Линнея можно продолжать еще и еще.

Знакомясь сейчас с разнообразием растительного мира, мы то и дело в калейдоскопе названий растений встречаем имена, напоминающие нам учителей и коллег, друзей и учеников Линнея. Таковы теофраста (*Theophrasta*) и цезальпиния (*Caesalpinia*), турнефорция (*Tournefortia*) и геснерия (*Gesneria*), баугиния (*Bauhinia*) и рудбекия (*Rudbeckia*), борхавия (*Boerhaavia*) и жюссьеа (*Jussiea*), слоанея (*Sloanea*) и клиффордия (*Cliffordia*), тунбергия (*Thunbergia*) и кальмия (*Kalmia*), карамышевия (*Karamyshewia*) и многие другие.

Но Линнея окружали не только друзья. «Князь ботаников» имел немало недоброжелателей, противников и прямых врагов. Именем одного из них — Иоганна Георга Сигезбека — Линней нарек полученное им из Сибири невзрачное полусорное растение

из семейства сложноцветных — сигезбекию восточную (Siegesbeckia orientalis). Сигезбек, директор Санкт-Петербургского ботанического сада принял в штыки предложенный Линнеем принцип классификации растений по строению половых органов — тычинок и пестиков. Он резко выступал против определения пола у растений, против описанного ботаниками процесса оплодотворения, считая, что в растительном царстве исключена подобная безнравственность. Такая нецеломудренная система, как система Линнея, говорил Сигезбек, не может быть изложена молодежи, не оскорбляя нравственности. Линней ответил на выпады Сигезбека довольно своеобразно. Однажды весной в Петербург пришла посылка от Линнея из Упсалы. Мешочек семян с сопроводительной надписью cuculus ignotus «кукушка неблагодарная» принесли Сигезбеку, и тот, приняв надпись за латинское название нового вида, велел высеять семена в саду. К великому удивлению, а затем и негодованию директора из них выросла… сигезбекия восточная! Язвительный намек Линнея попал точно в цель.

Но вот пример совсем другого рода. Имя Жоржа Луи Бюффона с некоторых пор тоже стало ненавистно Линнею. Известный французский естествоиспытатель, автор тридцатишеститомной «Естественной истории» — фундаментального труда о живой и неживой природе, Бюффон развивал идеи о закономерном развитии животного и растительного мира, об изменении растений и животных в процессе эволюции, то есть идеи, в корне противоположные воззрениям Линнея. «Князь ботаники» проповедовал постоянство числа и строения видов, созданных волей бога-творца, и идею эволюции считал по меньшей мере крамольной. Случилось так, что корректный научный спор между двумя исследователями был нарушен язвительным выпадом. Предложенное для одного из растений семейства гвоздичные название бюффония (в честь Бюффона) Линней одним росчерком пера изменил на буфония (*Bufonia*). В те времена не надо было быть большим знатоком латыни, чтобы понять весь сарказм этой трансформации: словом «буфо» (Bufo) зоологи обозначают жабу. Подтекст был более чем прозрачен. Сегодняшним почитателям великого ботаника весьма обидно, что в этом поединке одна из шпаг оказалась отравленной.

Сторонников Линнея было неизмеримо больше, чем противников, причем защищали они его «развратную» систему не только в своих выступлениях и научных трактатах, но и… в стихах. В конце XVIII века широкой известностью пользовалась поэма «Ботанический сад», во второй части которой,

озаглавленной «Любовь растений», поэтически описана та самая система Линнея, которая приводила в ярость Сигезбека. Автором поэмы был Эразм Дарвин (1731–1802) — дед великого эволюциониста Чарльза Дарвина, разносторонне образованный человек, врач по профессии, много занимавшийся естественными науками. Его перу принадлежит четырехтомный труд «Зоономия, или Законы органической жизни». Возле маленького английского городка Личфилда Эразм Дарвин заложил ботанический сад, а его подруга Анна Сьюард посвятила этому саду несколько стихотворений. Поэтическим ответом на них и стала поэма «Ботанический сад». Своеобразной благодарностью ботаников автору поэмы за активную поддержку прогрессивных идей явился мемориальный род дарвиния (*Darwinia*), объединяющий вечнозеленые австралийские кустарники из семейства миртовых.

А теперь еще раз взгляните на портрет молодого Линнея. Художник изобразил ученого, по-видимому, недавно возвратившегося из Лапландии, с небольшим растением в руках. Оно названо в его честь линнеей (*Linnaea*). Линнея северная (*L. borealis*) — единственный вид этого рода, принадлежащего к семейству жимолостных (рис. 40). Лиловатые колокольчики душистых цветков линнеи можно встретить довольно часто в лесах и тундрах Северного полушария.

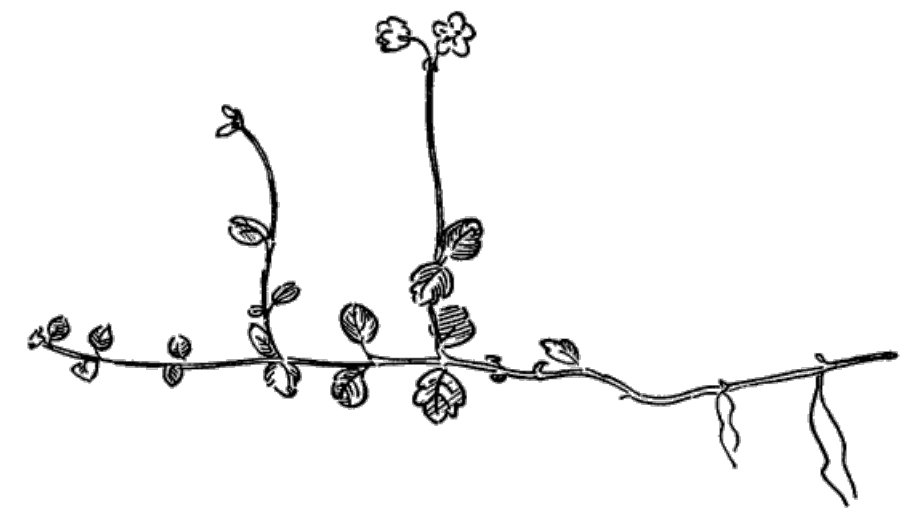


Рис. 40. Линнея северная — мемориальный цветок К. Линнея.

Шли годы. Родились и развились в самостоятельные науки те разделы ботаники, которые не были известны во времена Линнея. Не оставались неизменными также систематика и флористика. Система растительного царства, созданная Линнеем,

неоднократно и коренным образом подвергалась ревизии, искусственно выделенные классы заменялись классами и семействами, располагавшимися в соответствии со степенью совершенства органов растений, в соответствии с возможными путями их эволюции. Французы Жан Батист Ламарк (1744–1829) и Мишель Адансон (1727–1806), швейцарцы отец и сын Декандолли — Огюстен Пирам (1778–1841) и Альфонс (1806–1893), немец Адольф Энглер (1844–1930) — вот далеко не полный список авторов, предложивших свои системы классификации растительного мира. Система Энглера до сих пор считается одной из наиболее детально разработанных и взята за основу многих фундаментальных справочников, в том числе тридцатитомной «Флоры СССР». Растительный мир, с которым знакомы сейчас ботаники, гораздо шире и разнообразнее, чем представлялся Линнею. Скажем, число видов только сосудистых растений, известных систематикам во второй половине XVIII века и ныне, увеличилось с восьми до трехсот тысяч.

Английский ботаник Джозеф Далтон Гукер (1817–1911), следуя завещанию великого Дарвина, взялся за чрезвычайно трудную, но очень нужную работу — составление списка сосудистых растений всего земного шара. Под его руководством систематики ботанического сада в Кью, что под Лондоном, учли громадные коллекции живых растений и гербарных хранилищ, а также соответствующие публикации и к 1893 году создали знаменитый «Индекс Кью» (на латыни «Индекс Кевензис»). Он состоял из четырех томов общим объемом свыше 2500 страниц, на которых убористым шрифтом в три колонки была напечатана «адресная книга» растительного царства — названия сосудистых растений, их синонимы и краткие сведения о родине. Но и этот пространный список не был окончательным и полным. Вскоре после его выхода в свет стали появляться дополнения к нему. К последнему времени издано 15 таких дополнений, в совокупности по своему объему даже превышающих основной текст. Такого же типа справочник отдельно был посвящен папоротникообразным. Крупные сводки подвели итоги изучения других споровых растений. А в результате растительный мир XX века насчитывает около полумиллиона видов.

Внесли свой вклад в общую копилку систематических и флористических знаний и советские ботаники. Назовем лишь три наиболее значительных имени ученых, которые олицетворяют советскую школу ботаников.

Николай Иванович Вавилов (1887–1943) создал школу систематиков культурных растений земного шара, выдвинул и блестяще подтвердил идею о древних центрах их происхождения.

Организованный по его инициативе Всесоюзный институт растениеводства, носящий сейчас его имя, собрал в своих коллекциях громадное разнообразие флоры нашей планеты. На основе изучения ее начато и продолжается издание многотомной «Культурной флоры СССР».

Владимир Леонтьевич Комаров (1869–1945) — выдающийся флорист XX века, знаток растительности Дальнего Востока, северовосточного Китая, Якутии, Монголии, возглавил большой коллектив систематиков для составления «Флоры СССР». Издание ее длилось почти четыре десятка лет, и в тридцати своих томах вместе с опубликованными позже дополнениями она сосредоточила описания более двадцати тысяч видов дикорастущих, заносных и дичающих сосудистых растений.

Армен Леонович Тахтаджян является признанным основателем советской школы эволюционной систематики. Его работы по эволюции органов покрытосеменных легли в фундамент современной генетической системы растений.

Имена названных здесь ботаников-систематиков и флористов, равно как и целого ряда других, оставшихся за рамками этой книги, носят многие растения. Так, злаки ламаркия (*Lamarckia*) и кандоллея (*Candollea*), знаменитый баобаб, или адансония (*Adansonia*), сложноцветное энглерия (*Engleria*), лилейное гукера (*Hookera*), бобовое вавиловия (*Vavilovia*), зонтичное комаровия (*Komarovia*), род тахтаджяния (*Takhtajania*) из тропического семейства винтеровые навсегда вписаны в благодарную память человечества.

К неизведанным землям

Не знаю, как вам, а мне немного жаль, что на Земле практически исчезли «белые пятна», манившие людей своей неизвестностью и таинственностью. Однако до сих пор паруса туристских яхт наполняет все тот же ветер странствий, что нес вперед и деловитые каравеллы, и боевые галеоны, и гордые белокрылые фрегаты, которым суждено было встретиться с неоткрытыми островами. И теперь, путешествуя или слушая рассказы бывалых людей, смотря телевизионную передачу или читая книгу, мы как бы заново открываем (для себя, конечно) неведомые нам земли и страны.

Романтика дальних дорог всегда влекла человека. Но сама по себе она отнюдь не была единственным стимулом великих географических открытий, равно как в большинстве своем великие путешественники мало думали о непреходящей славе, о том, чтобы имена их были запечатлены на карте мира. И тем не менее географическая карта — это своего рода мемориал самым разным по своей значимости людям: тем, кто действительно заслужил, чтобы память о них жила как можно дольше, и тем, чьи заслуги со временем быстро забылись. Над этим достаточно потрудились географы. Однако и ботаники внесли свой посильный вклад, чтобы увековечить имена пионеров, первопроходцев, исследователей древнейшего растительного царства. Правда, их имена остались не на карте, а в названиях растений.

Обширен перечень таких названий, и признаться, трудно найти приемлемую форму для знакомства читателя с калейдоскопом имен, событий, дат и стран. Многие имена так или иначе связаны между собой — совместной деятельностью, событиями своей эпохи, преемственностью идей и стремлений, наконец, географическими районами. И часто именно названия

растений позволяют выявить и расшифровать эти, казалось бы, навсегда забытые исторические связи.

Мы по праву чтим имя Ивана Федоровича Крузенштерна — организатора и главу первой русской кругосветной экспедиции. В 1803 году из Кронштадта вышли корабли «Надежда» и «Нева» и взяли курс к берегам Камчатки и Аляски. Помимо доставки необходимых грузов в русские поселения, путешественники намеревались исследовать некоторые районы тропической части Тихого океана, а также, по возможности, установить торговые отношения с закрытыми для европейцев странами — Китаем и Японией. Четыре года длилась эта экспедиция, в состав которой входили и натуралисты Т. Тилезиус и Г. И. Лангсдорф. Первый, по профессии врач, впоследствии действительный член Российской Академии наук, посвятил жизнь изучению флоры, заведовал в Лейпциге кафедрой ботаники. В его честь названо несколько видов растений, в частности сибирские — полынь Тилезиуса (*Artemisia tilesii*) и горькуша Тилезиуса (*Saussurea tilesii*).

Григорий Иванович Лангсдорф к началу «кругосветки» был уже достаточно опытным ученым. Выпускник Геттингенского университета, он в свои 29 лет успел зарекомендовать себя хорошим специалистом в области ботаники, зоологии и медицины. Через год после возвращения экспедиции Крузенштерна в Петербург, Лангсдорф снова путешествует по Камчатке, а затем судьба забрасывает его в тропики. В 1812 году его назначают российским генеральным консулом в Бразилии. Будни дипломатической службы не сковали, однако, активности натуралиста. За шестнадцать лет, проведенных в этой стране, Лангсдорф собрал богатейший материал по зоологии, ботанике, этнографии. В витринах Ботанического музея в Ленинграде посетители и сейчас могут видеть экзотические экспонаты с этикетками «Сборы Г. И. Лангсдорфа». Будучи разносторонним ученым, он занимался также лингвистикой, изучал языки индейцев Амазонии.

В 1821 году Лангсдорф возглавил организованную им русскую комплексную экспедицию, в течение семи лет исследовавшую природные условия и растительные ресурсы Бразилии. В честь Лангсдорфа описан очень интересный южноамериканский род лангсдорфия (*Langsdorffia*) из семейства баланофоровых. Он содержит только один вид — лангсдорфию подземную (*L. hypogea*) — паразитическое растение с неокрашенными чешуевидными листьями и однополыми цветками, собранными в плотное початковидное соцветие. Сухие цветоносные стебли лангсдорфии содержат воскоподобное вещество баланофорин, хорошо горят и раньше использовались

местными жителями как факелы.

Эстафету Крузенштерна принял Василий Михайлович Головнин. Его экспедиция на шлюпе «Диана» из Кронштадта на Камчатку (1807–1809), обследование тихоокеанских берегов Северной Америки, Курильских и Шантарских островов дали многое для русской географической, да и не только географической науки. Им опубликованы, например, материалы по этнографии Японии, которые содержат немало сведений ботанического характера. Участник экспедиции Головнина морской офицер Елкин собрал и отправил в Петербург большой гербарий дальневосточных растений. Об этом нам напоминают названия рода головниния (*Golovninia*) из семейства горечавковых и молочая Елкина (*Euphorbia jolkini*).

Во время последнего плавания Головнина к берегам Камчатки и к русским поселениям на тихоокеанском побережье Северной Америки (1817–1819) на шлюпе «Камчатка» служил морской офицер Ф. П. Литке, будущий адмирал, знаток северных морских границ России. В 1845 году совместно с ветераном русского флота И. Ф. Крузенштерном Литке основал Русское географическое общество — центр, объединивший всех отечественных географов и взявший на себя организацию многочисленных экспедиций как в отдаленные районы России, так и за ее пределы. Именем Литке названы несколько островов в Северном Ледовитом океане, побережье Охотского моря, течение из Карского в Баренцево море. А в ботанике его память запечатлена в названии литкеа (*Lutkea*) — рода из семейства розоцветных, описанного в Северной Америке.

Выпускник кадетского корпуса Отто Коцебу начал свою карьеру мореплавателя в составе экспедиции Крузенштерна. Затем ему было предложено самому организовать аналогичную экспедицию, и в 1815 году из Кронштадта вышел, держа курс к берегам Аляски, корабль «Рюрик» под командованием Коцебу. План путешествия и подробные инструкции разработал лично И. Ф. Крузенштерн. Среди участников значились три натуралиста: зоолог, врач, впоследствии профессор анатомии Дерптского (ныне Тартуского) университета Иоганн Фридрих Эшшольц, ботаники Дидерих Шлехтендаль и Альберт Шамиссо. Ознакомимся более подробно лишь с судьбой одного из них.

Жизнь Шамиссо изобиловала неожиданными поворотами и сюрпризами, прежде чем привела его на борт «Рюрика». Сын дворянина, эмигрировавшего в период Французской революции в Германию, молодой Альберт был пажом прусской королевы, воевал, затем вернулся во Францию, где учительствовал в Вандее — наиболее мятежной провинции страны. Он изучал медицину,

зоологию и ботанику в Берлинском университете и пробовал свои силы как писатель и поэт. Он был знаком со многими французскими и немецкими литераторами, дружил с великим сказочником Эрнстом Теодором Амадеем Гофманом и сам под его влиянием написал в 1813 году сказку «Петер Шлемиль», герой которой продал свою тень, а затем безуспешно искал ее по всему свету. И, словно вслед за своим персонажем, Шамиссо отправляется в дальние края в составе российской экспедиции, которая стала важной вехой в его биографии. С этого времени он целиком посвящает свою жизнь науке. Многочисленные труды по зоологии, ботанике и даже лингвистике (он написал серьезное исследование о гавайском языке) принесли Шамиссо научную известность, степень почетного доктора философии и место кустоса (хранителя) Берлинского ботанического сада, которое он занимал почти до самой своей смерти в 1838 году.

Союз мореплавателей и натуралистов должным образом отмечен ботаниками. В состав флоры советского Дальнего Востока входит, например, белозор Коцебу (*Parnassia kotzebuei*). В практике цветоводства широко известен яркий декоративный однолетник, происходящий из Калифорнии, — эшшольция (*Eschscholtzia*) — память об Иоганне Эшшольце. Многие растения носят имя Шамиссо. Это и отдельный род Шамиссония (*Chamissonia*) из семейства кипрейных, распространенный в тропиках Америки, и высокоширотные пушица Шамиссо (*Eriophorum chamissonis*), шпорник Шамиссо (*Delphinium chamissonis*), лютик Шамиссо (*Beckwithia chamissonis*) и другие. В честь Шлехтендаля в семействе сложноцветных немецким ботаником Лессингом выделен монотипный (одновидовой) род Шлехтендалия (*Schlechtendalia*), встречающийся в Бразилии, Уругвае и Аргентине.

Закончим этот краткий перечень российских морских экспедиций упоминанием патриарха исследований крайнего северо-востока азиатского материка и северо-западной оконечности Северной Америки командора Витуса Беринга и его спутника в последнем (1740–1741), трагическом для обоих путешествии — естествоиспытателя Георга Стеллера. Имя Беринга носят сегодня многие полярные растения, в частности злак щучка Беринга (Deschampsia beringensis), ситник Беринга (Juncus beringensis), шпорник Беринга (*Delphinium brachycentrum ssp. beringii*). Род Стеллера (Stellera), составляющий часть семейства волчниковых, назван в память о самоотверженном, талантливом исследователе природы далекой Камчатки в 30-х годах XVIII столетия.

Вообще XVIII век был щедр на географические открытия,

выпавшие на долю морских экспедиций, в составе которых принимали участие и видные представители науки, люди с разносторонними знаниями и большой широтой интересов, вписавшие новые яркие страницы и в ботанические трактаты о неизведанных странах.

Джеймс Кук — бесстрашный и неутомимый мореплаватель, открывший Гавайские и Южные Сандвичевы острова, Новую Каледонию и Южную Георгию, трижды под парусами обогнувший Земной шар (своеобразный рекорд того времени), уточнивший географическое положение Австралии, Новой Зеландии, тихоокеанских архипелагов. Имена участников экспедиций Кука вошли в историю не только географических, но и ботанических открытий и встречаются достаточно часто в названиях растений. В первом путешествии на корабле «Индевор» (1768–1771) Кука сопровождал Д. Бэнкс, будущий директор знаменитого ботанического сада Кью (о роли Бэнкса в переселении с Таити хлебного дерева мы уже рассказали в главе «Яблоки бывают разные»). В 1772 году на палубу корабля «Резольюшн» вместе с Куком среди других ученых поднялись швед А. Спарман и немец И. Форстер. Экспедиция отправлялась на поиски Южного материка — Антарктиды. Четырежды Кук пытался пробиться к ее берегам и столько же раз его преследовала неудача. Однако натуралисты были тем не менее довольны результатами экспедиции. Форстер, в частности, привез в Европу уникальные коллекции и данные о природе островов Океании и Субантарктики. Спарман, высадившись в Капштадте, детально исследовал растительность внутренних районов южной Африки. В третьем кругосветном плавании (1776–1779), закончившемся для Кука трагически, его сопровождали уже отец и сын Форстеры.

Бэнксия (Banksia) из семейства протейных, спармания (Sparmannia) из семейства липовых и форстера (Forstera) из семейства стилидиевых — это своеобразная память о ботаниках — сподвижниках Кука. А в честь великого мореплавателя в ботанической номенклатуре появился описанный французским ботаником Соннера род кукия (Cookia) из семейства рутовых, а также субантарктический мятлик Кука — низкорослый дернистый злак с далекого острова Кергелен.

В 1766–1769 годах земной шар впервые обогнули французы. В экспедиции Луи Антуана де Бугенвиля участвовал и ботаник Филибер Коммерсон. По пути во Францию Коммерсон высадился на острове Маврикий, который до конца жизни стал его второй родиной. Среди собранных в этой экспедиции растений особо выделяется южноамериканская бугенвиллия (*Bougainvillea*) — одревесневающая лиана из семейства ночецветковых с

разросшимися и очень яркими прицветниками. Самому же Коммерсону отец и сын Форстеры посвятили род коммерсония (*Commersonia*) из семейства стеркулиевых, распространенный в Австралии и тропиках юго-восточной Азии.

Спустя шестнадцать лет, на этот раз под командованием Жана Франсуа Лаперуза, французские корабли снова совершили кругосветный виток. Мыс Горн, остров Пасхи, Гавайи, Филиппины, Япония, Сахалин, Камчатка, опять тропики, острова Зондского архипелага, Новая Каледония… Экспедиции не суждено было вернуться на родину. Лишь в 1826 году останки разбитых кораблей Лаперуза «Астролябия» и «Буссоль» были найдены на коралловых рифах маленького острова Ванакоро в Тихом океане. Теперь, видя на карте пролив Лаперуза, мы вряд ли задумываемся над простотой и величием «памятника» воздвигнутого географами. Ботаники же отдали дань памяти спутнику Лаперуза — флористу Колиньону, имя которого носит южноамериканский род колиньония (*Colignonia*) из семейства ночецветковых.

Даже самый короткий, отрывочный список знаменитых мореплавателей XVIII века не может обойтись без упоминания о Джордже Ванкувере. Он сопровождал Кука еще в его втором и третьем плаваниях, а в 1790–1795 годах продолжил изучение северо-западного побережья Северной Америки, пытаясь уточнить северные очертания этого материка и найти тогда еще гипотетический пролив, соединяющий Атлантический и Тихий океаны. На борту корабля, которым командовал Ванкувер, был шотландский хирург и ботаник Арчибальд Менциез. Сегодня трудно отыскать сведения об этом человеке даже в «Энциклопедия Американа», весьма авторитетном издании, где отражено большинство имен, так или иначе связанных с открытием и изучением Америки. Забыли о своем соотечественнике и составители двадцатичетырехтомной «Британской энциклопедии». А вот ботаники помнят и о Ванкувере и о Менциезе. На тихоокеанском побережье США и Канады встречаются три вида рода ванкуверия (*Vancouveria*) — корневищные многолетники из семейства барбарисовых. Смешной или забавной азалией называют американцы небольшой листопадный кустарник, а по-научному это менциезия (*Menziesia*). Красноватые или желтоватые колокольчатые цветки менциезии действительно похожи на цветки азалии, что не удивительно: оба рода принадлежат к одному и тому же семейству — вересковых.

Но больше других растений, носящих имя шотландского ботаника, нам известна псевдотсуга Менциеза (*Pseudotsuga mengiesii*) — второе после секвойи по высоте хвойное дерево

нашей планеты (рис. 41). В лесах канадской провинции Британская Колумбия найден экземпляр 94-метрового роста и более полутора метров в диаметре.

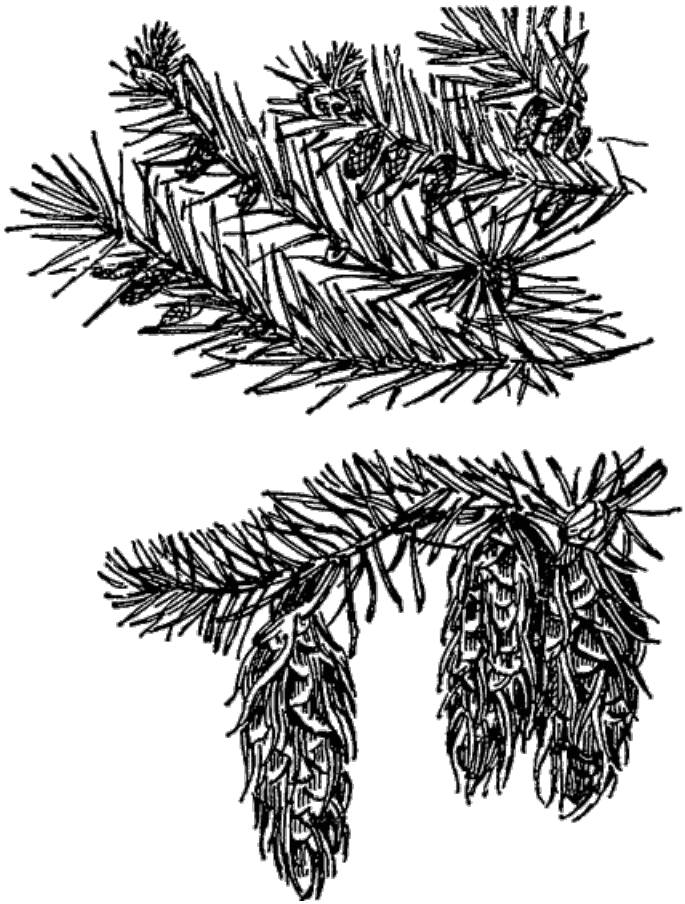


Рис. 41. Псевдотсуга Менциеза, или дуглассия.

Это дерево знаменито не только своими внушительными размерами. Оно дает прочную, гибкую и относительно легкую древесину. Поэтому неудивительно, что его посадкам уделяют большое внимание во многих странах. Есть они и у нас. Насаждения псевдотсуги в западных областях Украины мало чем уступают по своему развитию природным лесам того же возраста где-нибудь в штате Орегон.

Псевдотсугу Менциеза называют еще дугласской пихтой или дугласией. История этого названия довольно интересна, и она, если так можно сказать, перекидывает мостик от путешествий морских к путешествиям наземным, трансконтинентальным.

В 1823 году в Бостоне сошел с корабля на берег молодой

шотландский ботаник Дэвид Дуглас. Ему двадцать пять лет, в дорожной сумке у него рекомендательные письма директора ботанического сада в Глазго У. Гукера к известным американским садоводам, он полон энергии и живой любознательности. Когда осенью того же года в Англию прибыла партия американских сортов плодовых деревьев и кустарников, отправленная Дугласом, его рекомендатель понял, что не ошибся в выборе. Однако молодого ботаника влекли больше не плодовые питомники с геометрически правильными рядами деревьев, а дикие леса и прерии почти незнакомого континента. Поэтому он с готовностью принимает на следующий год предложение могущественной Компании Гудзонова залива возглавить трансамериканскую экспедицию к тихоокеанскому побережью Северной Америки.

Экспедиция длилась три года. Ценой больших лишений, часто движимый вперед лишь одним энтузиазмом, Дуглас добрался до устья реки Колумбия и прошел вдоль северо-западного побережья США до Британской Колумбии. Сбылась его мечта: он первым из европейцев описывал растения и собирал семена во внутренних районах Дикого Запада. Чего только не было в его сборах! Голубые, розовые и желтые люпины, разноцветные губастики-мимулюсы, различные орхидеи, вечнозеленый с жесткими блестящими листьями кустарник магония падуболистная, белая свидина, кроваво-красная смородина, ситхинская ель и, наконец, псевдотсуга, которую впоследствии и стали в Англии неофициально именовать пихтой Дугласа. Все привезенные им растения произвели настоящий фурор среди европейских цветоводов и лесоводов.

Дуглас в 1829 году снова возвращается в Америку. На этот раз он начинает свой путь из Калифорнии. Планы его гораздо обширнее прежних. В них фигурируют тихоокеанское побережье вплоть до Аляски, потом Гавайские острова и затем Сибирь. Русское правительство согласилось выделить корабль для транспортировки экспедиции на Дальний Восток. Однако Дугласу удалось осуществить только первую часть своих намерений. В 1834 году он трагически погиб на Гавайях, провалившись в охотничью ловушку, устроенную местными жителями для охоты на буйволов.

Вклад Дугласа в развитие географии и ботаники трудно переоценить. С его помощью вошли в культуру на европейском континенте более 670 видов травянистых растений, деревьев и кустарников североамериканской флоры. Он проложил путь от Атлантического океана до Тихого для других исследователей, стиравших «белые пятна» с карты молодой страны. В честь

Дугласа по его сборам был описан эндемичный североамериканский род дугласия (*Douglasia*) из семейства первоцветных.

Следует, однако, уточнить, что Дуглас был не первым, кто пересек материк. Трансамериканский переход от океана к океану имеет более раннюю историю. Мысль о подобной экспедиции активно проводил в жизнь еще Томас Джефферсон, будучи не президентом, а министром в первом американском правительстве. Дважды экспедиция срывалась, потому что не могли найти для нее подходящего руководителя. Наконец выбор пал на Мериветера Льюиса — молодого офицера, служившего первоначально под командованием Джорджа Вашингтона. Энергичный организатор, человек большого мужества, он стал личным другом Джефферсона, а после избрания того президентом в 1801 году — его личным секретарем.

В 1804 году Конгресс утвердил экспедицию под руководством Льюиса и капитана Уильяма Кларка. 14 мая того же года группа в составе 27 человек направилась из Питсбурга на запад к Миссисиппи и вскоре пропала без вести. Один за другим рождались слухи о гибели исследователей. Между тем, преодолев пустынные центральные районы и перевалив заснеженные Скалистые горы, почти через год после отправления измученные многомильными переходами люди Льюиса достигли, наконец, берега Тихого океана в устье реки Иеллоустон. Это была победа: никто, кроме них, не добирался с востока до тихоокеанских американских поселений по суше. Обратный путь потребовал гораздо больше времени и сил, и лишь в конце сентября 1806 года смельчаки возвратились в Сент-Луис, привезя с собой сведения о неизвестных дотоле областях страны, образцы минералов и горных пород, зоологические и растительные коллекции. Понятно, главные герои экспедиции попали в ботанический мемориал. Многие цветоводы знают интересное декоративное растение кларкию (*Clarkia*) — однолетник из семейства кипрейных, чем-то слегка напоминающий дикорастущий иван-чай. Менее известен другой декоративный род льюисия или левизия (*Lewisia*) — тоже представитель североамериканской флоры, относящийся к семейству портулаковых.

По флоре Центральной Азии до сих пор нет пока единой сводки. Немало пропусков в «инвентарном списке» растений Тибета, Каракорума, северных Гималаев и других больших и малых горных массивов, долин, плоскогорий. С растениями тех мест мы знакомы лишь по гербарным экземплярам, собранным путешественниками XIX–XX веков. И даже далеко не полный

перечень мемориальных родов центральноазиатской флоры напомнит нам об этих героических людях. Пржевальския (*Prczewalskia*) — маловидовой или, как говорят ботаники, олиготипный род из семейства пасленовых; козловия (*Kozlovia*) — из семейства зонтичных; потаниния (*Potaninia*), относящаяся к розоцветным; роборовския (*Roborovskia*) — к дымянковым… Н. М. Пржевальский, П. К. Козлов, Г. Н. Потанин, В. И. Роборовский — какая плеяда знаменитых русских географов!

Но если быть точным — не только географов. Разносторонность знаний и интересов позволяла им собрать исчерпывающие данные о районах, через которые пролегал их путь, в том числе и об их растительности. Президент Российского географического общества П. П. Семенов-Тян-Шанский распорядился предоставить Петербургскому ботаническому саду исключительное право получать все ботанические коллекции (гербарии, семена, живые растения), привезенные экспедициями этого общества. Тесная связь ботаников и географов дала свои результаты. Вот выдержка из отчета Петербургского ботанического сада за 1881 год: «От знаменитого путешественника, почетного члена сада Н. М. Пржевальского получено 124 вида, в числе которых очень много неизвестных совершенно, и среди них семена инкарвиллеи (*Incarvillea compacta*) — одного из самых красивых растений, открытых Пржевальским». В 1876–1893 годах много семян поступило в этот сад из северо-западного Китая и центральной Монголии, где работала экспедиция Г. Н. Потанина. По его сборам и в его честь были описаны лиственница Потанина (*Larix potanini*) и индигоноска Потанина (*Indigofera potanini*).

Только что было упомянуто растение инкарвиллея. Это имя переносит нас в далекий и удивительный Китай. Первый рассказ о нем европейцы услышали почти семь столетий назад из уст венецианца Марко Поло. Прошло более двух веков, прежде чем голландцы установили с этой страной торговые связи и стали вывозить оттуда различные товары, в том числе и растительного происхождения. В Европе тогда познакомились со знаменитым корнем жизни — женьшенем, «китайским корнем» (*Smilax china*), лечебным ревенем, камфорой, чаем и пр. Одними из первых стали проникать в восточные районы Китая миссионеры. Еще в середине XIII века в столице Китая существовала русская несторианская община, проповедывавшая христианство среди китайцев, монголов, уйгуров. Несколько позже одновременно с Марко Поло в Ханбалык (нынешний Пекин) прибыл монах-минорит Джиованни Монтекорвино, задавшийся целью обратить

в христианскую веру самого знаменитого хана Хубилая, внука Чингисхана.

Таким образом к XVIII веку далекий путь на Восток для миссионеров был, можно сказать, наторен, поэтому когда в 1742 году в Китай прибыл из Франции монах Никола Инкарвиль, он уже имел о стране достаточно сведений, оставленных предшественниками. Но в отличие от них Инкарвиль жил не только религиозными идеями. До своей поездки он прошел курс обучения в королевском ботаническом саду Версаля у известного ботаника-систематика Бернара Жюссье. Ботанической подготовке Инкарвиль и обязан тем, что остался в памяти потомков не столько как проповедник, сколько как коллектор неизвестных доселе видов растений.

Дались же эти сборы ему не без труда.

Пятнадцать лет прожил Инкарвиль в Китае, прежде чем получил официальное разрешение китайского императора на сбор семян и растений в природе и их пересылку. Правда, до этого он делал то же самое нелегально. Снискать благосклонность императора помог Инкарвилю один случай. Выяснилось, что повелитель Китая сам неравнодушен к цветам, особенно экзотическим, многие из которых выращивались в императорском парке и в стенах его дворца. Инкарвиль написал своему учителю Бернару Жюссье и просил прислать ему что-нибудь необычное из коллекции Королевского ботанического сада. И вот из присланных семян на китайской земле взошла мимоза, растение, чьи листья чрезвычайно чувствительны к прикосновению инородного тела. Император был несказанно удивлен, когда увидел, как маленький стелящийся по земле кустарник прямо на глазах у него складывает нежные перистые листочки. Инкарвиль получил, наконец, желанную свободу передвижения по стране. По существу, это был первый пример обмена семенами между Европой и Китаем.

Что же посылал Инкарвиль из Китая в Париж? Судьба его первых сборов довольно печальна. Они частью погибли при кораблекрушении, частью были захвачены англичанами и, видимо, уничтожены. Впоследствии для большей безопасности он отправлял семена и растения по суше с торговыми караванами, следовавшими из Китая через Кяхту в Москву, откуда они пересылались в Париж. Так, впервые попали в Европу айлант, софора и широко известная садовая астра, которую иногда называют китайской (*Callistephus chinensis*), поражающая нас разнообразием форм и расцветок. По сборам Инкарвиля Антуаном Жюссье, братом его наставника, был описан новый род инкарвиллея (*Incarvillea*), объединяющий азиатские травянистые

растения с очень живописными цветками.

Японские растения непосредственно из этой страны стали поступать в Европу лишь в первой половине XIX века. Видимо, первую крупную партию семян привез баварский врач Ф. Зибольд в 1830 году. Подрядившись на службу в голландскую Ост-Индийскую компанию, он начал практиковать в Японии. В то время здесь строго соблюдались законы по ограничению контактов с иностранцами, которые не имели права свободно передвигаться, знакомясь с бытом местных жителей, природой страны, в том числе и с ее растительностью. Однако Зибольд, как мог, обходил эти запреты. Пациенты врача-европейца нередко вместо платы за лечение приносили по его просьбе те или иные растения. Впрочем, интересы Зибольда не ограничивались японской флорой. Он собрал много сведений по истории и современному положению Японии, нелегально достал засекреченную государственную карту. Скрыть такого рода деятельность оказалось непросто. Карту обнаружили, многие помощники Зибольда были казнены, а сам он был заключен в тюрьму и тоже ожидал смерти. Однако ему повезло. С помощью голландского правительства он через некоторое время был освобожден и выслан без права возвращения назад.

Недалеко от Лейдена Зибольд основал собственный сад, где высадил 80 привезенных с собой видов японских растений. Ему даже удалось войти в доверие к королю, который не только поручил Зибольду организовать Королевское общество содействия садоводству, но и наделил это общество и прежде всего самого Зибольда правами внеочередного получения японских растений. Общество, превратившееся затем в торговую садоводческую фирму, по существу владело монополией на поступление растений с востока Азии, которые к тому же приобретались фирмой по специально сниженным ценам. В 1859 году Зибольд рискнул снова появиться в Японии, но вел себя здесь настолько авантюрно, что голландское правительство вынуждено было его отозвать. Садоводы знают об этом предприимчивом коммерсанте по введенным им в культуру растениям: различным видам дейций, лилии великолепной (*Lilium speciosum*), пальме трахикарпус, японским лаковому и бумажному деревьям и другим, а в ботаническую систематику попали клен Зибольда (*Acer sieboldianum*) и первоцвет Зибольда (*Primula sieboldii*).

Пионеры изучения Африки в XVIII–XIX веках раз за разом проникали все глубже и глубже в таинственные внутренние районы материка. Основными транспортными артериями им служили крупные африканские реки — Нигер, Сенегал, Замбези,

Нил. Очень немногие решались на прямое пересечение бескрайних пустынных пространств Сахары, Калахари, Намиба. Поэтому настоящей сенсацией стало намерение англичан У. Аудни, Д. Денема и Х. Клаппертона покорить пустыню Сахару. В 1822 году они покинули ливийский город Триполи, держа курс на юг, к центру африканского материка. Экспедиция благополучно вышла к озеру Чад и сумела тем же путем вернуться обратно. Упомянута она потому, что в семействе липовых в 1838 году в память об этом транссахарском переходе появился род клаппертония (*Clappertonia*), объединивший некоторых представителей флоры тропической Африки.

К сожалению, в ботаническом мемореале остались в забвении европейцы, первыми изучавшие природу Австралии. Известен только род флиндерсия (*Flindersia*) — своеобразная память об английском путешественнике М. Флиндерсе, которому наука обязана не только уточнением очертаний этого материка и сведениями о некоторых его внутренних районах. Флиндерс является, так сказать, крестным отцом Австралии. Ведь именно он предложил нейтральное название Австралия — Южная Земля взамен бытовавшего до 1814 года Новая Голландия. Род флиндерсия, принадлежащий к семейству рутовых, куда входят и знакомые нам цитрусы, распространен в Австралии и на островах Малайского архипелага.

Зеленый пантеон

Пантеон — слово греческое, означающее храм всех богов. В античной Греции и Риме храмы обычно посвящались одному богу. Парфенон на Акрополе принадлежал Афине Палладе, на Кипре имела свой храм богиня любви Афродита.

В Олимпии священная роща Альтида скрывала листвой храм Зевса. И только во II веке новой эры император Адриан построил в Риме святилище всех языческих богов. Здание необычной для того времени формы — с полукруглым куполом, имеющим в самой верхней точке отверстие для освещения центрального зала — сохранилось до сих пор. Превращенное в XVII веке в христианскую церковь, оно стало служить усыпальницей выдающихся людей Италии. Иной, обобщающий смысл обрело и само понятие — пантеон.

Англичане называют пантеоном видных деятелей Великобритании Вестминстерское аббатство. Под его готическими сводами XIII века похоронены великие ученые Исаак Ньютон и Чарльз Дарвин; замечательные писатели и поэты Шекспир, Байрон, Диккенс, Чосер, Гарди, Теннисон, Киплинг…

Французская революция превратила в памятник великим людям Франции беломраморный храм XVIII века. Здесь похоронены Вольтер, Руссо, Гюго. Принадлежащие, казалось бы, отдаленному прошлому, но какие громкие доныне имена!

Знакомство с пантеоном незримым, условным, заложенным в названиях многих растений мы начали в предыдущих главах этой книги. Упоминавшиеся на ее страницах имена ботаников и географов, путешественников и общественных деятелей составляют лишь часть этого своеобразного мемориала. Подавляющее же большинство растений (мы, чтобы не злоупотреблять вниманием читателя, будем вести речь только о сосудистых родах) посвящено ученым, работавшим в совсем

иных, чем ботаника, областях знания.

Самой многочисленной группой в «зеленом пантеоне» оказались химики и физики. Англичане Ньютон, Пристли, Фарадей; французы Гей-Люссак, Лавуазье, Реомюр, Ампер, Бертолле; немцы Гельмгольц и Фаренгейт; американцы Франклин и Эдисон — разные века, разные страны. И повсюду рассеяны посвященные им растения. Ньютония (*Nevtonia*) и пристлея (*Priestleja*) принадлежат к семейству бобовых и встречаются в тропиках Южной Америки и Африки. Фарадейя (*Faradaja*) из семейства вербеновых произрастает на Борнео и в Новой Гвинее. Гей-люссакия (*Gaylussacia*) из семейства вересковых — представитель флоры Северной и Южной Америки. В Бразилии можно найти лавуазьеру (*Lavoisiera*) — род из семейства меластомовых. Род реомюрия (*Reaumuria*), относящийся к семейству тамарисковых, нередок в Средней Азии. Австралия и Тасмания дали нам род амперея (*Amperea*), входящий в семейство молочайных.

Широко известна бертоллеция (*Bertholletia*), или бразильский орех, который по величине и массе не уступает многим орехам-гигантам, например плоду кокосовой пальмы, а внутри буквально нашпигован мелкими маслянистыми семенами, по вкусу напоминающими миндаль. Редкое тропическое семейство филидровых представляет род гельмгольция (*Helmholtzia*), чьи древесные растения можно обнаружить на островах Малайского архипелага и в Австралии. Фаренгейтия (*Fahrenheitia*) — близкий родственник молочаев — житель тропической юго-восточной Азии.

Интересна своей необычной историей франклиния (*Franklinia*). Единственный вид данного рода из семейства чайных (*F. alatamaha*) был найден в 1765 году в юго-восточной Джорджии. Последний раз указание о нем датируется 1803 годом. С тех пор в природе его никто больше не встречал. К счастью, это красивое дерево с крупными белыми цветками не погибло. Его удалось сберечь в Нью-Йоркском ботаническом саду и, размножив, передать и в другие сады Северной Америки и Европы. Франклиния — из тех немногих диких растений, что сохранились только в культуре. Наконец, эдисония (*Edisonia*) — род из семейства ваточниковых, единственный вид которого растет на юго-востоке США.

Коперник, Лаплас, Улугбек, Араго, Браге — вот плеяда астрономов, чьи имена запечатлены ботаниками-систематиками. Два рода пальм — копернициа (*Copernicia*) и брагея (*Brahea*) — обитатели Центральной и Южной Америки. Наиболее известна копернициа восконосная (*C. cerifera*), представляющая собой

пальму с вееровидными листьями, глянцевитая сизоватая поверхность которых покрыта слоем воска. Растительный воск — образование сравнительно редкое. Собирают его с высушенных на солнце листьев, когда восковые чешуйки начинают легко отслаиваться и осыпаться. Затем воск сплавляют и прессуют в плитки. В таком виде сырье идет для выработки свечей, мыла, красок и обувного крема. В обиходе воск копернициии называют карнаубским. Тридцать видов рода лапласея (*Laplacea*) встречаются в тропиках Америки и юго-восточной Азии. Этот род очень близок китайской камелии и чайному кусту. В высокогорьях Анд можно найти род арагоа (*Aragoa*) — представителя относительно редкого для тропиков семейства норичниковых. Наконец, среднеазиатский род улугбекия (*Ulugbekia*). В семействе бурачниковых он один из самых молодых. Его назвал в честь великого астронома древности советский ботаник П. К. Закиров.

В нашем пантеоне — четыре великих математика. Род, названный в честь Лейбница (*Leibnitzia*), — единственный, встречающийся в пределах Советского Союза, в его восточных районах. Небольшой многолетник с розеткой прикорневых листьев, он несколько напоминает красноватую мелкую маргаритку. Пальма гауссия (*Gaussia*) растет на Кубе и в Пуэрто-Рико. Мы привыкли представлять себе пальмы стройными, а у этой ствол вздутый в основании, отчего он походит на бутылку с длинным узким горлышком. Род даламбертия (*Dalembertia*), избравший себе местом жительства горные пустыни Мексики, входит в состав семейства молочайных и, как многие тропические молочаи, его представители несколько напоминают своим мясистым стеблем колонновидные ребристые кактусы. Бернуллия (*Bernoullia*) из семейства бомбаксовых — обитатель тропической Америки.

И все-таки нам не обойтись здесь без упоминания известных естествоиспытателей, путешественников, биологов. В южной Индии и на острове Шри-Ланка произрастают виды рода гумбольдтия (*Humboldtia*). Самая интересная из них — гумбольдтия лавролистная (*H. laurifolia*), относящаяся к семейству бобовых. Секрет ее популярности в том, что она принадлежит к группе «муравьиных» деревьев — мирмекофилов, о которых мы говорили раньше. В узлах побегов гумбольдтии, напротив оснований черешков листьев, имеется отверстие, которое ведет в длинную полость внутри междоузлия. Тут и селятся древесные муравьи. Кстати, попутно вспомним еще одно «муравьиное» дерево — кювьеру (*Cuviera*), посвященное известному французскому палеонтологу и анатому Ж. Кювье. Муравьиные

убежища у нее устроены так же, как у гумбольдтии. Четырнадцать видов этого рода — представители флоры тропической Африки.

Ботаники, побывавшие в тропиках южной части западного полушария, не могли обойти вниманием интересное вечнозеленое древесное растение из семейства сложноцветных — олеарию (*Olearia*). Вообще, деревья и кустарники в данном семействе, насчитывающем более 13 тысяч видов, довольно редки. Все они встречаются только в жарких странах. Растение, о котором идет речь, названо в честь немецкого дипломата и этнографа Адама Олеария, посетившего дважды (в 1633 и 1635 годах) со шлезвиг-голштинским посольством Московию. Он оставил весьма подробные записки, в которых приводится много интересных сведений о жизни русского государства в первой половине XVII века. Но Олеарий знаменит не только своими путешествиями (из Лейдена через Москву он добрался до Астрахани, достиг Персии и вернулся той же дорогой обратно). Ботаникам он известен и как знающий систематик, автор описания флоры окрестностей города Галле. Виды рода олеария привлекают своими разнообразными по расцветке цветками, точнее соцветиями. По своему строению они очень напоминают однолетнюю садовую астру, отчего олеарию иногда зовут древовидной или кустарниковой астрой.

К списку растений, посвященных биологам, присовокупим еще бразильскую гётею (*Goethea*). Эти вечнозеленые кустарники из семейства мальвовых при первом взгляде совсем не похожи на наши популярные садовые мальвы. Во-первых, цветки гётеи собраны в зонтики, а во-вторых, сами зонтики чаще всего образуются прямо на стволе, подобно цветкам фикуса, дерева какао или хлебного дерева, о которых мы уже говорили.

Три тропических рода — авиценния (*Avicennia*) из семейства авиценниевых, мальпигия (*Malpighia*), относящаяся к семейству мальпигиевых, и гарвейя (*Harveya*), входящая в семейство норичниковых, — названы в честь знаменитых врачей древности — Абу Али ибн Сины (Авиценны), М. Мальпиги и У. Гарвея. Эти растения имеют интересные биологические особенности.

У мальпигии, вечнозеленого древесного растения американских тропиков, стебли и листья часто покрыты густым опушением из волосков, обжигающих вроде нашей крапивы. Гарвея обитает в тропической и южной Африке, и многие из ее видов подобно подмосковной очанке или погремку принадлежат к растениям-полупаразитам, корни которых срастаются с корнями соседних с ними растений-хозяев, получая через них дополнительное питание.

Что же касается авиценнии, то она распространена

практически почти во всех тропических странах, но обязательно вблизи морских побережий. По низменным берегам морей и океанов, чаще всего там, где реки, разлившись по низкой пойме, встречаются с солеными водами, протянулись на десятки километров, встречаются своеобразные растительные сообщества — мангры (мангровы). Среди растений приливно-отливной полосы авиценния занимает не последнее место. Необычное местообитание обусловило специфику ее биологии. У авиценнии особые корни — пневматофоры, растущие не вглубь или в сторону, а почти вертикально вверх. Они пробивают толстый слой прибрежного ила и выходят на поверхность. Пневматофоры служат дополнительными органами дыхания. Кроме того, у этого приморского растения, как и у других мангровых, обычно живорождение. Зародыш семени начинает расти и развиваться прямо на материнском растении. Такие проросшие семена, падая в засоленный прибрежный ил, быстро и надежно укореняются и способны противостоять приливно-отливным волнам.

Закончить этот беглый обзор «именитых» растений можно упоминанием геродоции (*Herodotia*) — рода из семейства сложноцветных, названного в честь древнегреческого историка Геродота. Правда, растет геродоция весьма далеко от Греции — на острове Гаити.

Обращают на себя внимание, по крайней мере, две особенности «зеленого пантеона». Прежде всего, это, по-видимому, почти полное отсутствие в нем имен литераторов… «Простите, — прервет наше повествование информированный читатель. — А как быть с гётеей, названной в честь Гёте? Кроме того, в списках растений кавказской флоры каждый желающий может найти, например, пушкинию, а среди среднеазиатских колокольчиковых значится род островския. Это что, исключение?»

Ответить на первый вопрос нетрудно. Гётея действительно посвящена Гёте, но не столько как великому немецкому поэту, сколько как видному естествоиспытателю, физику, анатому и ботанику. Морфологам растений хорошо известен написанный им в 1790 году трактат «Опыт о метаморфозах растений», где прослежены возможные пути возникновения и превращения различных органов растений и тем самым в определенной степени подготовлены основы для создания и развития теории эволюции.

Несколько иначе можно ответить на другой вопрос. Небольшое луковое растение с кистевидным соцветием из колокольчатых ярко-синих цветков — пушкиния (*Puschkinia*) не имеет отношения к великому русскому поэту, хотя эта ассоциативная связь напрашивается прежде всего. Президент

Берг-коллегии, известный минералог, исследователь Кавказа, организовавший туда экспедиции на рубеже XVIII и XIX веков, Амос Амосович Мусин-Пушкин — вот истинный «виновник» появления этого названия. Он и сам описал довольно много новых кавказских растений. Их вы можете сразу узнать: после видового обозначения у них стоит сокращенная фамилия автора — *Muss.-Puschk*. Островския же (*Ostrowskia*), к сожалению, тоже родилась отнюдь не в память классика русской литературы. Ее «окрестили» так в честь министра общественных имуществ Островского, человека мало примечательного и ныне совсем неизвестного.

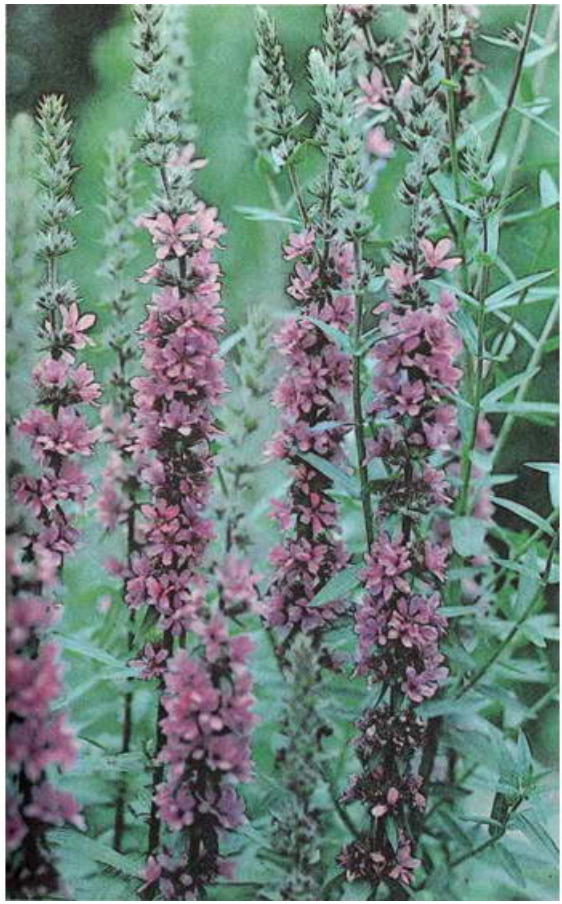
А теперь о второй особенности «зеленого пантеона». Заметьте себе: приведенные в нашем перечне названия даны, как правило, ранее середины XX века, а в более поздних звучат преимущественно имена ботаников. Объясняется это, прежде всего, рекомендациями «Кодекса ботанической номенклатуры», в которых предлагается посвящать названия растений лишь исследователям, непосредственно занимающимся изучением флоры, в том числе известным систематикам, которые внесли заметный вклад в «инвентаризацию» растительного царства.

Послесловие

Считается, что ботаники уже в основном описали все разнообразие растений нашей планеты. Любители-статистики назвали даже округленную цифру: полмиллиона — так они оценивают общее число видов, из которых около трехсот пятидесяти тысяч — цветковые. Но вряд ли кто занимался подсчетом названий растений — их гораздо больше. Думаю, что нам не доведется увидеть сведенное в один, даже необъятных размеров, справочник — это великое множество имен на самых разных языках, имен верных и ошибочных, точных и образных, содержащих полезную информацию и несущих отголоски суеверий, словом, целый своеобразный мир.

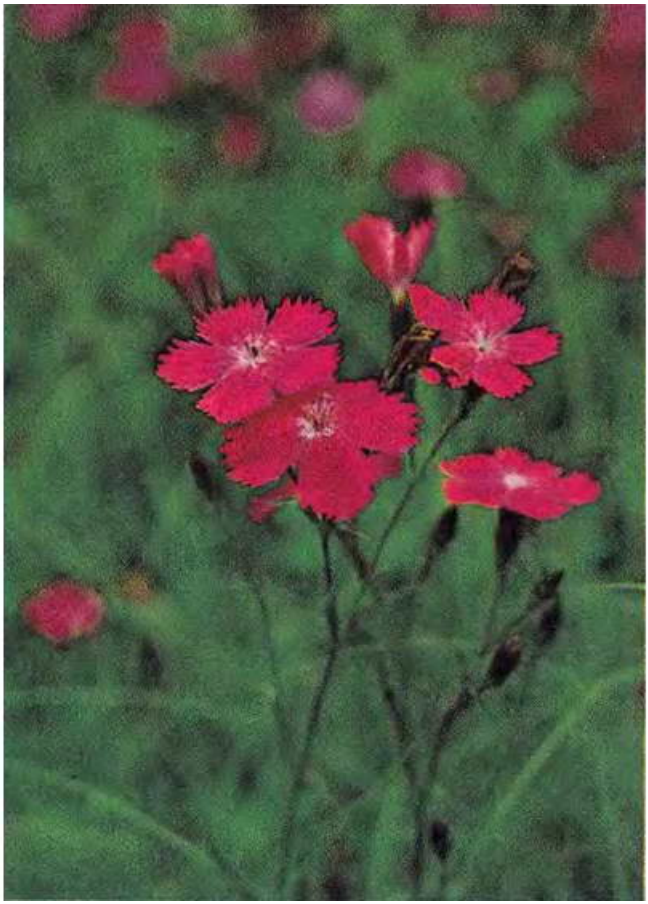
Я постарался, как сумел, рассказать об этом мире названий, чтобы читатель смог хоть отчасти в нем освоиться. Рассказ получился вроде бы пространным, так как мне хотелось поделиться с читателями возможно большим объемом тех сведений, которые я считал интересными и полезными. Но рассказ в то же время оказался коротким, так как многое в названиях растений было и остается неясным. Ну что ж, это вполне объяснимо. Значит, любознательным здесь есть еще над чем поломать голову. Будьте целеустремленны и настойчивы, и поиск обязательно приведет к открытию, пусть маленькому, но важному для вас самих. И тогда, я уверен, мы продолжим беседу о том, что нам говорят названия растений.

Иллюстрации



Плакун-трава.

Геснерия.

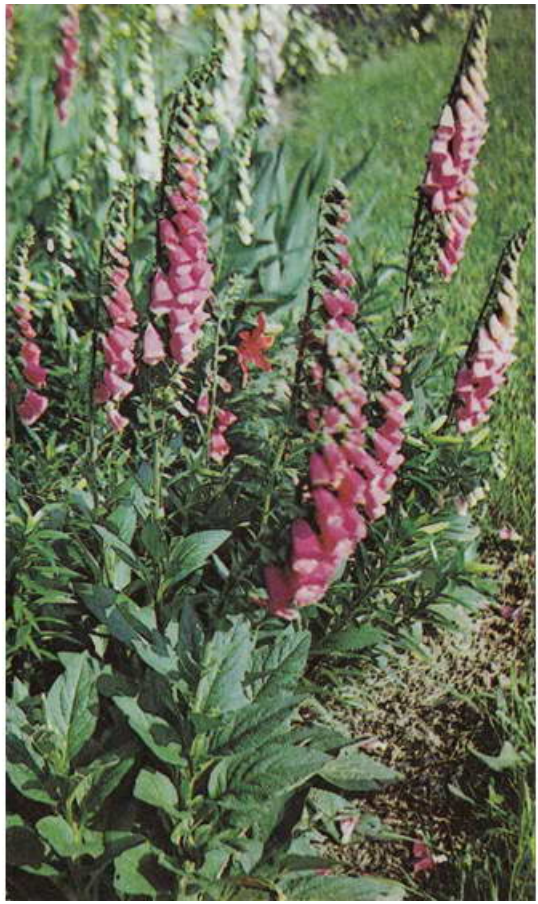


Гвоздика.

Пион.

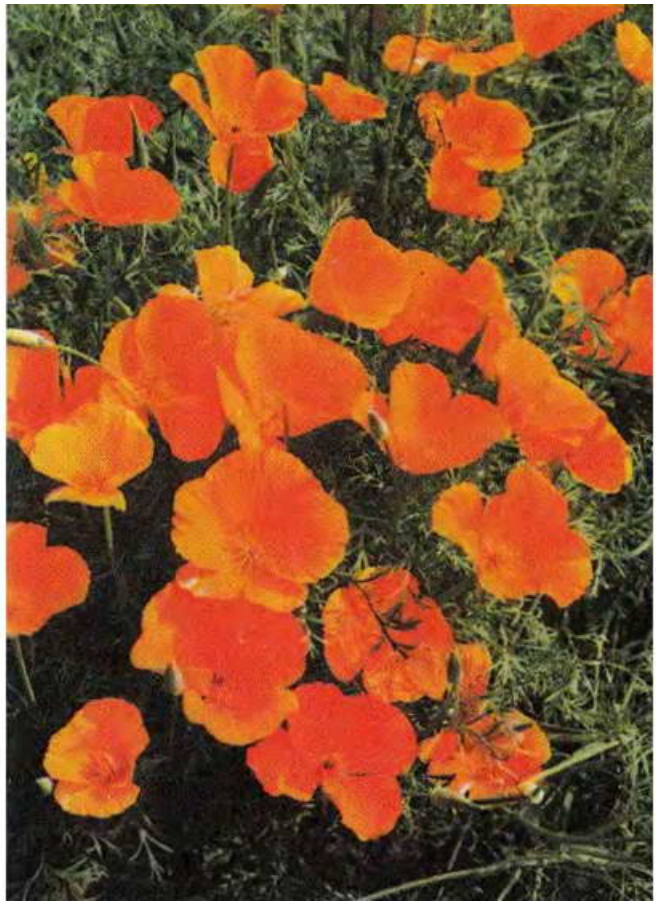
Лилия белоснежная.

Рудбекия.



Наперстянка.

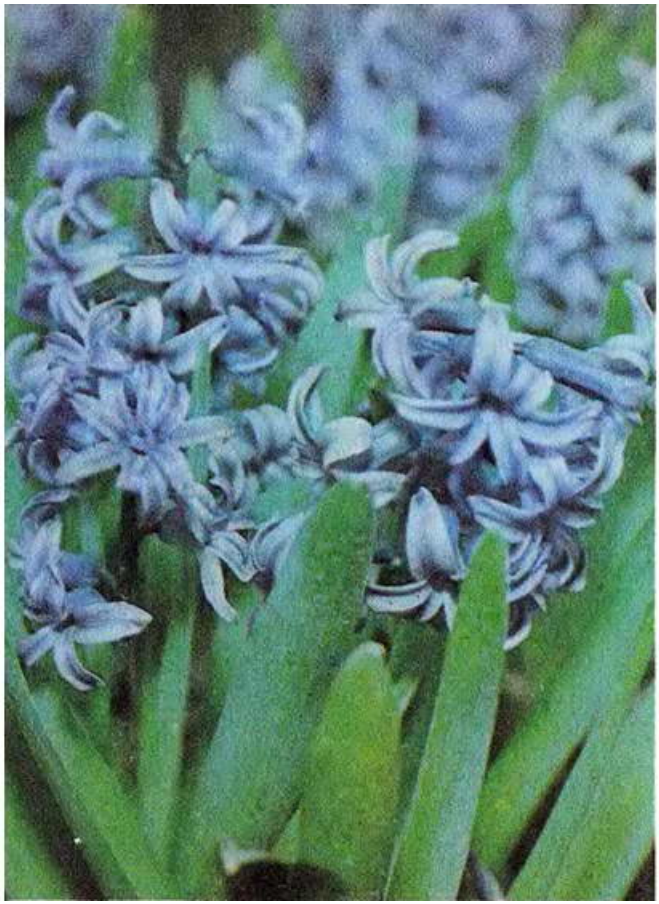
Печеночница.



Эшшольция.

Первоцвет.

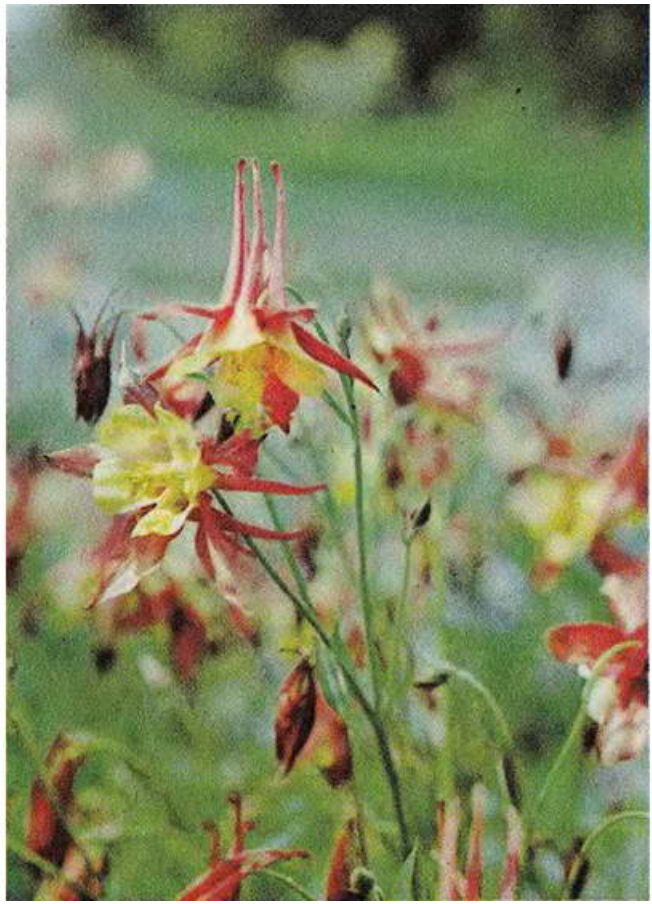
Адонис.



Гиацинт.

Нарцисс.

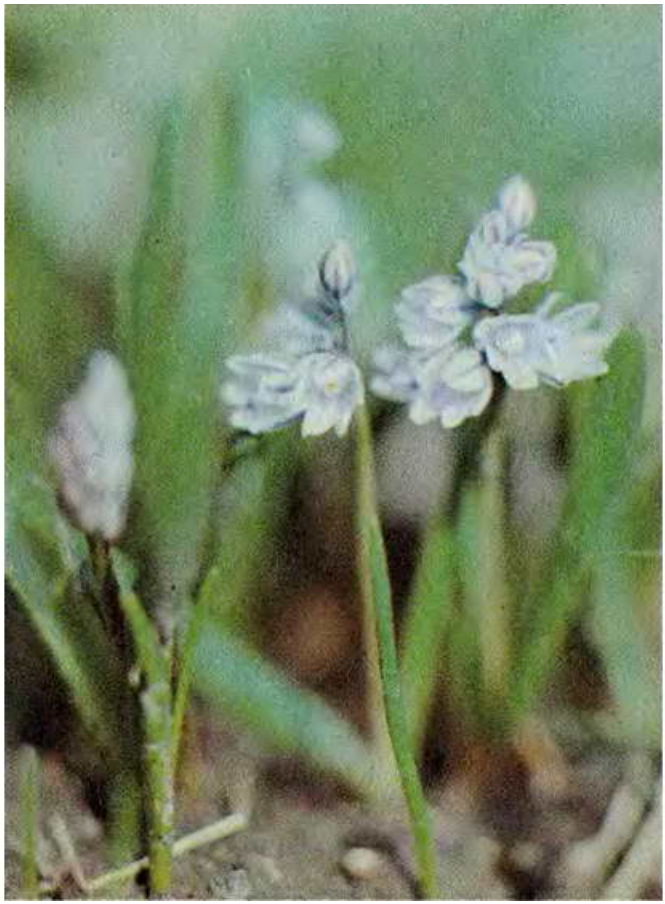
Лилейник.



Аквилегия.

Купальница.

Сон-трава.

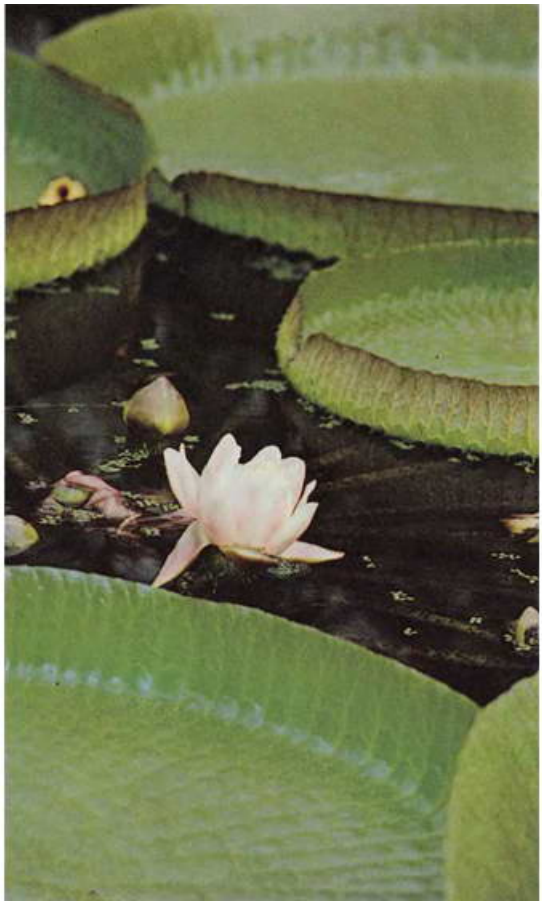


Пушкиния.

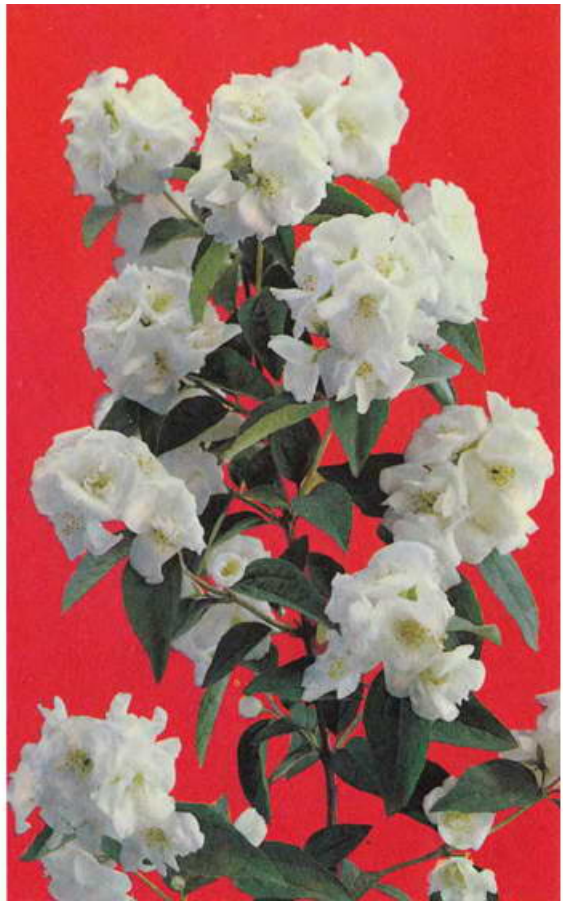
Настурция.

Сирень.

Бэнксия.



Виктория.



Чубушник.

Содержание

От автора … 5
Вавилонская башня ботаников … 10
Ручаемся за древность … 22
Загадки прошлого … 33
Почему настурция зовется настурцией … 40
Яблоки бывают разные … 57
Лес из хлебных деревьев … 65
В поисках сравнения … 83
Названия-гибриды … 95
Семейства Зевса и Юпитера … 101
Короли и капуста … 118
Учителя и ученики, друзья и враги Линнея … 131

К неизведанным землям … 140
Зеленый пантеон … 153
Послесловие … 159

Тот, кто смотрит учебную телепрограмму «ботаника», уже знаком с ее ведущим — Борисом Николаевичем Головкиным. А для остальных скажем, что Б. Н. Головкин — доктор биологических наук, профессор, автор ряда специальных публикаций и двух научно-популярных книг о растениях.

55 коп.

Б. Н. Головкин

О чём говорят названия растений

ТОТ, КТО СМОТРИТ УЧЕБНУЮ ТЕЛЕПРОГРАММУ "БОТАНИКА", УЖЕ ЗНАКОМ С ЕЕ ВЕДУЩИМ – БОРИСОМ НИКОЛАЕВИЧЕМ ГОЛОВКИНЫМ. А ДЛЯ ОСТАЛЬНЫХ СКАЖЕМ, ЧТО Б. Н. ГОЛОВКИН – ДОКТОР БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, АВТОР РЯДА СПЕЦИАЛЬНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ И ДВУХ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ КНИГ О РАСТЕНИЯХ.